

Валерий Шаров
Приглашение в космос

*Текст предоставлен издательством
«Приглашение в космос»: В. Секачѣв; Москва; 2003
ISBN 5-88923-079-4*

Аннотация

Эта книга – попытка осознания нового, космического этапа развития человечества, который начался в апреле 1961 года. Автор, испытавший все прелести и сложности подготовки к космическому полету, рассказывает об этом так, что каждый может примерить ее на себя.

Кроме того, в ней приоткрывается завеса над наиболее экстремальными происшествиями во время советских космических экспедиций, рассказывается о неизвестных героях наших побед в космосе. И, наконец, дается неожиданный ответ на вопрос «почему человечество так неудержимо стремится за пределы родной Земли?»

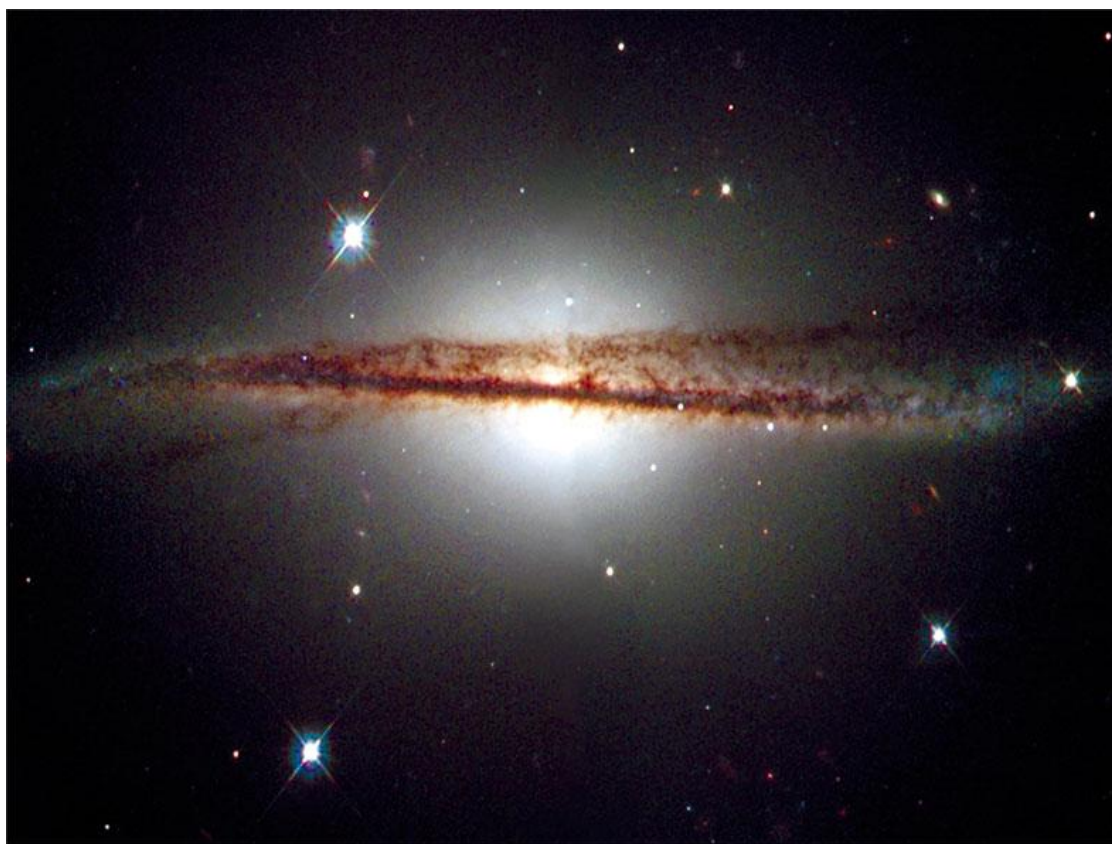
Книга оригинально проиллюстрирована рисунками и фотографиями, многие из которых уникальны и печатаются впервые.

Валерий Шаров
Приглашение в космос

© Валерий Шаров, 2003

© В. Секачѳв, 2003

© дизайн Виктор Монетов, 2003

В книге использованы фотоматериалы В. Горчакова, В. Ештокина, А. Замятина, А. Карзанова, М. Лемхина, С. Сергеева, из архивов семьи П. Беляева, семьи Я. Голованова, личных архивов М. Бурдаева, Р. Коцана, А. Леонова, М. Новикова, В. Реня, а также ИТАР-ТАСС, Associated Press, NASA, Института космического телескопа (США).

Особая благодарность Российскому государственному научно-исследовательскому испытательному Центру подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина и ГНЦ РФ Институту медико-биологических проблем РАН за предоставленные для работы над книгой информацию и фотографии.

Всем глядящим в звѳздное небо посвящается

Предисловие

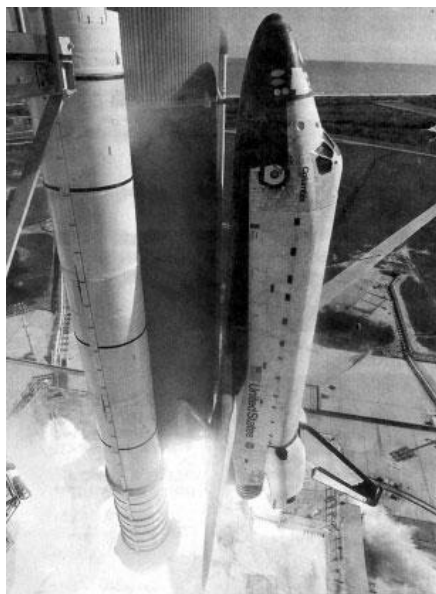
Книга была уже готова, – я искал издателя и публиковал отрывки в различных газетах и журналах, – но мне не нравилось её начало. Все казалось, что не очень этично, да и не очень композиционно оправданно начинать такую серьезную и общечеловеческую тему с собственных приключений и переживаний, пусть напрямую связанных с подготовкой к полету в космос.

По всем литературным канонам следовало сразу взять быка за рога и рассказать, например, об одном из леденящих душу происшествий на орбите, которые оказались в середине этого повествования. Или еще я всерьез рассматривал вариант вступления с подробного описания катастрофы американского космического шаттла «Челленджер», случившейся в январе 1986 года и разом унесшей жизни семи астронавтов. Но в первом случае разбивалась ладно сложившаяся часть книги о российских космических инцидентах. Во втором завязкой становилась гибель американского корабля, происшедшая довольно давно – несмотря на

очевидную драматичность того события, для многих это уже была не такая острая история. Мысли о незавершенном деле не отпускали меня даже во сне.

Недостающее самыми драматичными красками дописала действительность 1 февраля 2003 года.

Так случилось, что ранним утром того дня я летел из России в США, во Флориду, где нам с женой предстояло провести шесть дней в одном из самых фешенебельных отелей Америки, в курортном городке Палм Бич. Летели мы вместе с группой руководящих работников американской компании Ксерокс, которая устроила эту поездку в качестве поощрения за хорошие результаты работы для сотрудников из разных частей света, и в московском отделении которой моя жена работала. Космические события, происходящие на глазах всех жителей планеты, стали уже настолько обыденными, что я даже не знал о запланированном на этот же день возвращении на Землю шаттла «Колумбия», которое должно было произойти совсем недалеко от того места, куда мы направлялись. К тому же весь мир в те недели бурно переживал и обсуждал грядущее вторжение США в Ирак – не до космических стартов или возвращений было.

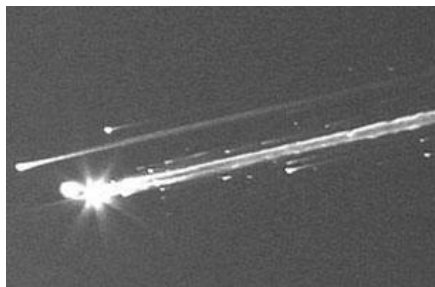
После не очень долгого перелета из России во Францию наш самолет поднялся около 4 часов утра по американскому времени из Парижа и взял курс на Америку. Мы летели бизнес-классом, настроение было прекрасное. К тому же впервые в жизни мне довелось попасть на второй этаж – в «горб» самого большого пассажирского самолета «Боинг-747». И хотя наши места оказались в ряду под номером 66, я прогнал подальше тревожные мысли по поводу не очень приятных цифр и предвкушал удовольствие от предстоящего 9-часового трансатлантического перелета, со всеми вытекающими приятностями пребывания в бизнес-классе.

И вот где-то во второй половине этого путешествия со мной произошло нечто странное. Вдруг ни с того ни с сего дико заболело горло, охватил жуткий озноб, начало ломить голову и суставы. Причем произошло это как-то сразу, в одно неожиданное мгновение – без каких бы то ни было предварительных симптомов и привычных в таких случаях предболезненных прелюдий. Оставшиеся несколько часов до приземления я пребывал в полубредовом состоянии. Не мог ни смотреть фильмы по телевизору, ни есть, ни пить – только вставал, покачиваясь, время от времени из кресла, чтобы прополоскать солевым раствором разрывающееся от боли горло. Как мы прилетели в Майами, а потом добрались до Палм Бич и разместились в гостинице, помню с большим трудом. Единственное желание тогда было – лечь в постель и отключиться от всего окружающего мира. Что я и сделал, едва войдя в шикарный номер отеля «Брэйкерс». На первый коллективный ужин подняться не смог, так что жене пришлось идти одной.

– Ты знаешь, сегодня у американцев при посадке разбился шаттл «Колумбия», – услышал я сквозь сон-бред ее необычайно печальный голос, когда она вернулась в номер часа через три. – Что-то там серьезное стряслось: то ли взорвался, то ли развалился непонятно почему. Погиб весь экипаж. Сейчас все только об этом и говорят...

Известие было настолько неожиданным, неправдоподобным и страшным, что на какое-то мгновение я совершенно пришел в себя и, забыв о болезни, бросился к телевизору. А там уже практически по всем

каналам шли экстренные сообщения о случившейся трагедии, совершенно отодвинув на второй план горячую иракскую тему. Демонстрировались кадры любительской съемки происшедшего в небе, показывались найденные в разных штатах фрагменты погибшего шаттла, давались различные комментарии. Происшедшую трагедию очень трудно было осознать. Все последующие три дня моей внезапной болезни прошли в постели, под аккомпанемент не стихающих телевизионных обсуждений гибели «Колумбии» и семерых ее астронавтов.

Много позднее, уже в Москве, узнав точное время катастрофы, я как-то между прочим постарался определить: что же делал в те трагические минуты. За последние пять лет у меня случилось два удивительных по времени совпадения необъяснимых происшествий, связанных со смертью двух по-разному близких мне людей. И вот я с удивлением вспомнил, что летел в тот момент в самолете над Атлантикой, подлетал к американскому континенту, к полуострову Флорида, и в каком-то смысле шаттл разваливался на части над нашими головами – на пятьдесят километров выше нашего самолета. Но куда более поразительным было другое – почти полное совпадение начала катастрофы на «Колумбии» с внезапно охватившим меня странным недугом, который не имел абсолютно никаких предпосылок. Естественно, никто в самолете не знал о происходящем в небе над Техасом, так что прямое воздействие знания об этом страшном факте на физическое состояние полностью исключается. Далек я и от приписывания себе каких-то особых мистических свойств. Но все-таки такое странное совпадение трагического события с мучительными поисками начала книги о космосе и внезапно напавшей на меня болезнью именно в те страшные для «Колумбии» минуты было поразительным.

Через подаваемые в американские телепрограммы и газеты сведения о происшедшей катастрофе, комментарии специалистов, ответственных сотрудников НАСА, политиков и простых американцев отчетливо проступало явно шокирующее всех непонимание, недоумение: как могло такое произойти, в чем истинная причина трагедии, что же будет дальше?

Гибель американского космического шаттла «Колумбия» и семи членов его экипажа – была трагедия не американская, а всеобщая. И не только потому, что чужая беда, смерть всегда вызывает сочувствие и скорбь любого нормального человека. Но еще и оттого, что погибли астронавты – люди, выполняющие особую, высокую миссию человечества за пределами нашей планеты от имени всех людей. Потому накал, с которым шло обсуждение происшедшего в обществе – и не только американском, – намного превосходил таковой в случаях, когда на земле, в воде или в воздухе происходили другие трагические события, сопровождавшиеся куда большим количеством жертв. Например, гибель в 2001 году российской атомной подлодки «Курск», унесшая жизни 118 человек, или падение в 2003 году самолета в Иране, когда погибло 302 человека, и многое другое.

За возможность выйти в космос человечество платило и продолжает платить высокую цену. С начала космической эры в истории человеческой цивилизации две космические державы (Россия и США), которые осуществляют пилотируемые полеты за пределы Земли, положили на этот алтарь уже более двух десятков жизней. Это, конечно, несопоставимо даже с числом жертв автомобильных аварий за один день в одной только России. Но, погибшие при выполнении своей профессиональной задачи космонавты или астронавты, – это совершенно особые потери. Вспомним их всех.

Пожалуй, первой жертвой космической эпохи землян можно считать Валентина Бондаренко – члена первого отряда советских космонавтов, погибшего в марте 1961 года во время стандартного испытания в барокамере от возникшего там пожара.

Почти шесть лет позднее, в январе 1967 года, аналогичная трагедия случилась у американцев: в ходе

испытаний перед взлетом по программе «Аполлон» из-за пожара на космическом корабле не стало астронавтов Э. Уайта, Р. Гаффи и В. Гриссома.

В апреле того же 1967 года из-за несрабатывания парашютной системы нового советского корабля «Союз-1» разбился при спуске В. Комаров. В июне 1971 года во время возвращения на Землю «Союза-11» из-за аварийной разгерметизации спускаемого аппарата погибли на большой высоте советские космонавты Г. Добровольский, В. Волков и В. Пацаев.

Казалось бы, куда уже больше?! Хватит отдавать жизни за право выхода в космос.

Но затем, уже много лет позже, пришла пора американских челноков. Сначала, в январе 1986 года, во время взрыва на первых минутах старта США потеряли «Челленджер» с семью астронавтами: Ф. Скоби, М. Смит, Э. Онизука, Дж. Резник, Р. Макнэйр, Г. Джарвис и К. Маколифф. И вот в феврале 2003 года – загадочная гибель при возвращении на Землю «Колумбии», также с семью членами экипажа: Р. Хасбэнд, В. Маккул, Л. Кларк, М. Андерссон, К. Чаулла, Д. Браун и И. Рамон.

Невольно возникает мысль о значительно большей надежности российской техники в пилотируемой космонавтике, поскольку слишком уж бросается в глаза разница в понесенных потерях США и Россией: 17 к 5. Если же учесть, что Бондаренко погиб вообще не в полете и не в кабине корабля, а Добровольский, Волков и Пацаев – только потому, что не были одеты в индивидуальные защитные скафандры (почему – это отдельный разговор об эпохе первых российских полетов, когда в космические дела постоянно вмешивалась политика), то получается и вовсе удивительная картина. Россия имеет всего одну катастрофу с одним погибшим космонавтом Комаровым, связанную с серьезным отказом техники во время полета. США – по меньшей мере две такие катастрофы и 14 жертв!

Скорбный этот список вполне мог быть увеличен еще на четыре человека, не разработай советские инженеры для новой ракеты «Союз» специальную систему аварийного спасения (САС), предназначенную для сохранения жизней космонавтов в случае серьезной аварии носителя на стартовой площадке или в первые минуты подъема на орбиту. Именно благодаря ей в апреле 1975 года остались в живых после аварии на высоте 92 километров ракеты-носителя корабля «Союз-18-1» космонавты В. Лазарев и О. Макаров. А в сентябре 1983 года за полторы секунды до взрыва на старте ракеты, готовящейся унести в космос «Союз-10А», аналогично были спасены космонавты В. Титов и Г. Стрекалов. Многие специалисты утверждают, что экипаж «Челленджера» погиб не от взрыва, а от удара об воду. И будь на шаттле спасательная система, подобная советской САС, астронавты вполне могли остаться в живых. Это лишний раз заставляет задуматься о надежности «их» и «нашей» космической техники.

Но следует признать, что за все время космических пилотируемых экспедиций у американцев и старты были чаще, и количество слетавших астронавтов больше (в основном после введения в действие с 1981 года флота многоразовых челноков, которые могут взять на борт до восьми человек). Кроме того, сравнение космической техники разных стран не является темой этой книги. И, повторюсь, гибель космонавтов или астронавтов – всеобщая трагедия, в которой не дело видеть удачу или неудачу той или иной нации.

Несмотря на несколько довольно подробных видеозаписей рокового спуска «Колумбии» и собранных многих тысяч ее обломков, вопрос о причине последней катастрофы челнока остался совершенно открытым. Среди версий, родившихся в самые первые дни, была даже и террористическая. Но все сошлись в том, что на высоте в 60 километров и скорости челнока в 20 тысяч километров в час это нереально. Разве только террористы умудрились каким-то образом нарушить работу бортового компьютера, управляющего автоматикой спуска, но и это тоже маловероятно.

Более всего говорили и говорят о возможном роковом повреждении термозащитного слоя левого крыла шаттла еще в момент взлета – куском льда или чем-то еще, отлетевшим от ракеты. О незапланированном выходе шасси и нарушениях в системе гидравлики. Но тут же весьма компетентные специалисты утверждали, что такое уже бывало и раньше, однако ничего страшного не происходило. А, значит, должно быть что-то ещё, что привело к таким ужасным последствиям.

Начали уже предполагать возможное столкновение с космическим мусором или метеоритом, сетовать на устаревшие технологии, используемые на шаттлах. Действительно, «Колумбия» была старейшим американским космическим челноком и летала с 1981 года, но из запланированных ей 100 экспедиций она выполнила всего-то 28. Так что ресурс далеко еще не был исчерпан. В чем же тогда дело?

Неожиданность происшедшей трагедии, полная неопределенность с ее причинами и временное совпадение случившегося с необычайно острой геополитической ситуацией на планете невольно наталкивали на мысль об иной – не техногенной – природе гибели шаттла. На то, что тут замешано нечто, с чем мы пока не сталкивались или, по крайней мере, о чем не думали. В разговорах с некоторыми американцами во Флориде мне довелось услышать такое неожиданное восприятие происшедшего: «Это знак Америке – предупреждение свыше, с небес – накануне готовящегося её вторжения в Ирак...». То было не единичное мнение, и не только в США так считали.

Вряд ли аналогично думали и политики в США. Но, как бы там ни было, после этой катастрофы американцам пришлось очень серьезно отнестись к проблеме безопасности своих космических полетов и взять курс на самую тесную кооперацию с Россией, в которой наработан весьма успешный опыт в этой области и которую американская сторона всячески пыталась отодвинуть подальше от космических программ после введения в действие Международной космической станции. И не только в этой. Хотя сразу после гибели «Колумбии» президент США Дж. Буш-младший заявил, что случившаяся трагедия с «Колумбией» не повлияет на дальнейшее освоение космоса с помощью шаттлов, тем не менее, все старты космических челноков были прекращены на неопределенное время. И основная нагрузка на обслуживание МКС легла в этот период на проверенные российские «Союзы» и «Прогрессы».

И еще, быть может, самое главное. Ужасная трагедия 1 февраля 2003 года в небе над Америкой лишний раз наглядно показала живую связь всего происходящего на Земле и в космосе. А может, и впрямь трагедия «Колумбии» – это знак свыше? В первую очередь, конечно, – великой державе США, готовой выбросить сотни миллиардов долларов на уничтожение раздражающего её иракского режима с непрогнозируемым числом человеческих жертв и непредсказуемыми последствиями для обстановки на планете. И не прислушивающейся практически ни к чьему, отличному от американского, мнению.

Между прочим, Россию (точнее бывший СССР) тоже не обошли стороной космические трагедии, в той или иной мере связанные с геополитикой, идеологией, но несколько в ином измерении. Гибель трех космонавтов летом 1971 года из-за разгерметизации спускаемого аппарата только на первый взгляд представляется чисто технической проблемой. На самом деле эта трагедия имеет начало в далеком 1964 году, в разгар холодной войны. Тогда, еще на самой заре космической эры, и русские, и американцы посылали в космос не более двух человек на корабле – такие были ограниченные технические возможности. Шло сумасшедшее соперничество двух великих держав за приоритеты в космических программах. И вот в Советском Союзе узнали, что американцы готовят полет на орбиту экипажа из трех человек. Тогдашний коммунистический лидер Никита Хрущев немедленно потребовал от Главного космического конструктора Сергея Королева опередить американцев в этом начинании – послать в космос к предстоящей годовщине Октябрьской социалистической революции (до нее оставалось несколько месяцев) трех советских космонавтов. Далее, основываясь на различных сведениях, ставших теперь общеизвестными, можно предположить, что произошло примерно следующее.

– Это невозможно, – начал убеждать политика Сергей Павлович, – потому что для подобного полета

требуется иной корабль, нежели у нас пока есть. Мы над таким работаем, но в столь короткие сроки он готов не будет.

– Ничего не хочу знать, – взорвался Хрущев. – Вы Главный конструктор, вы и решайте, как это сделать, но мы должны опередить американцев. Чтобы к празднику полетели три наших космонавта!

Удрученный Королев сразу же вызвал своих подчиненных – ведущих специалистов, которым рассказал о состоявшемся разговоре с лидером страны. И добавил:

– Я понимаю, что пытаться на старом корабле послать в космос трех человек – это безумие, но такая задача поставлена, и ее надо решать. Если у кого-то будут какие-то идеи, пусть самые невероятные – немедленно ко мне с докладом, в любое время суток.

И в какой-то момент к нему приходит некий инженер и говорит: «Сергей Павлович, я знаю, как решить проблему. Если снять с космонавтов защитные скафандры, то мы прилично сэкономим на весе и на объеме в нашем небольшом двухместном корабле. И за счет этого сможем разместить в нем третьего человека. Вот вам и выход!»

– Да вы что, – немедленно отреагировал Королев, – а как же проблема безопасности? Кто полетит без дополнительной страховки – без защитного скафандра?! Кто на это согласится?

(Дело в том, что до этого в СССР летали в космос на кораблях «Восток», который не имел системы мягкой посадки спускаемой капсулы, и космонавтам приходилось катапультироваться из нее на довольно приличной высоте. Естественно, они постоянно были в специальных защитных скафандрах, которые оберегали их от возможной разгерметизации корабля на этапе вхождения в атмосферу, а затем – и при спускании на парашюте с большой высоты уже вне корабля.)

– Я первый готов лететь! – ответил инженер.

Его звали Константин Феоктистов. И он действительно полетел в составе первого в мире космического экипажа из трех человек (еще командир корабля В. Комаров и первый космический врач Б. Егоров) на корабле «Восход» – впервые в истории советской космонавтики без скафандров. Да вдобавок и без обязательных до той поры катапульт, потому что нельзя было сделать в двухместном корабле три люка для катапультирования. Этим средством безопасности тоже пожертвовали, дополнительно разгрузив корабль ради третьего члена экипажа. «Восход» отличался от предыдущего «Востока» еще и тем, что имел мягкую посадку на Землю, и космонавтам не надо было покидать спускаемую капсулу, чтобы приземляться на парашютах. Но из-за отсутствия катапульт экипаж не имел средств спасения в случае аварии около двадцати секунд перед выходом на орбиту. Без скафандров, без катапульт – авось пронесет! И ведь действительно пронесло... Кто же мог предположить, что это русское «авось» самым страшным образом аукнется много лет спустя?!

А тот суточный полет, осуществленный даже на три недели раньше оговоренного Хрущевым ноябрьского политического праздника, прошел на редкость удачно. Он закрепил советские приоритеты в освоении космоса, вновь удовлетворил политические амбиции лидеров социалистического государства через космические достижения. И, удивительное дело, дальше (за исключением последующей миссии «Востока», когда полетели П. Беляев и А. Леонов и осуществили первый выход человека в открытый космос, но тут без них никак было нельзя) так и продолжили в СССР летать в космос без индивидуальных защитных скафандров! По одному, по двое, по трое – уже на принципиально новых «Союзах». Даже первый полет на станцию «Салют» проходил в безскафандровом режиме. Десять пилотируемых полетов состоялось с тех пор, и ни разу не возникало никаких проблем, напоминающих о такой важной, дополнительной системе безопасности космонавтов, как индивидуальные скафандры.

Летали так беспечно, по-домашнему, как будто ездили на дачу – только в спортивных костюмчиках, – до июня 1971 года, когда и грянул гром в виде разгерметизации спускаемой капсулы корабля «Союз-11». Это случилось из-за аварийного отказа небольшого клапана, поддерживающего в аппарате нужное давление. Воздух из корабля вышел не сразу. Клапан можно было заткнуть чуть ли не пальцем, но он находился за многочисленными функциональными панелями, и до него практически невозможно было добраться за имеющееся у трех космонавтов время для жизни. Если бы «Янтари» (позывные Добровольского, Волкова и Пацаева) были в защитных скафандрах, то и добираться до него не потребовалось бы – они остались бы живы.

О какой-либо связи этой самой большой советской космической трагедии с бездарным,

волонтеристским идеологическим решением семилетней давности в СССР не вспоминали. Ребят похоронили, как положено, с большими почестями, а летать в космос с той поры стали снова в индивидуальных защитных скафандрах.

Однако возвратимся к американской «Колумбии», гибель которой произошла на тридцать с лишним лет позже несчастья на советском «Восходе», уже в третьем тысячелетии. Другие времена – другие проблемы. И другие мысли.

Недели три спустя после катастрофы из США поступили новые сведения о возможной причине трагедии – появилась поистине сногшибательная версия. Будто «Колумбия» погибла из-за столкновения с... НЛО, которое, оказывается, зафиксировал в непосредственной близости от нее какой-то мощный американский радар. И в этом случае интуитивное предположение об участии в происшедшей трагедии какой-то высшей, неизвестной нам силы, обретает вполне определенные очертания, и вопрос может встать совсем по-иному: было это случайное или осознанное вмешательство какого-то неземного фактора. А если осознанное, то для чего? Кто и что нам хочет таким образом внушить?

Возможно, кому-то покажутся слишком уж безумными, фантастическими подобные размышления, хотя реальные события явно к ним подталкивают. Но, во-первых, это вовсе не автор, а сами американцы высказали идею о «знаке свыше». Как и версию о столкновении космического челнока с НЛО. Во-вторых, подождите немного – в этой книге вас ждут куда более поразительные сюрпризы. А пока остановимся на возможных земных последствиях происшедшего в небе над Техасом.

Если загадочная гибель «Колумбии» – действительно какой-то знак с небес, то не только, конечно, американцам, возмнившим себя властителями мира, носителями истинных ценностей, которые следует любой ценой – в том числе и силой – навязывать остальному миру. Это знак для всех на Земле прекратить глупые кровопролития ради денег и каких-то сомнительных «интересов» той или иной страны в разных точках планеты. И объединить усилия ради высших человеческих ценностей, которые более соответствуют нашему высокому званию человека Разумного. Ведь только в готовящейся операции так называемой «антииракской коалиции» против Саддама Хусейна планировались общие затраты в триллион долларов! Такие деньги – на разрушения и убийства, пусть даже с благой целью освободить народ Ирака от жестокого тирана! Не лучше ли использовать их на более благородные, созидательные цели?! В том числе и на освоение космоса, от которого человеческая цивилизация теперь, конечно, не отступит. Например, всерьез заняться подготовкой международного полета на Марс, который оценивается примерно в такую же сумму. В общем, начать мыслить не земными, а космическими масштабами, поняв попутно, зачем мы так неудержимо стремимся за пределы своей планеты.

Готовы ли мы, земляне, к этому? Пока нет ответа...

И все же нам, людям, живущим во второй половине 20 века, повезло – мы оказались свидетелями и участниками новой эпохи в истории человеческой цивилизации. Эпохи ее выхода за пределы своей колыбели – планеты Земля. Это началось с первым полетом в околоземное пространство Юрия Гагарина, других космонавтов и астронавтов, продолжилось выходом в открытый космос Алексея Леонова, посадкой на поверхность другого космического тела – Луны – астронавта Нэйла Армстронга, работой на сооруженных руками землян долговременных орбитальных станциях. Знаменитое гагаринское «Поехали!» во время старта его «Востока» 12 апреля 1961 года явилось настоящим символом космической эпохи. И, действительно, пошло и поехало.

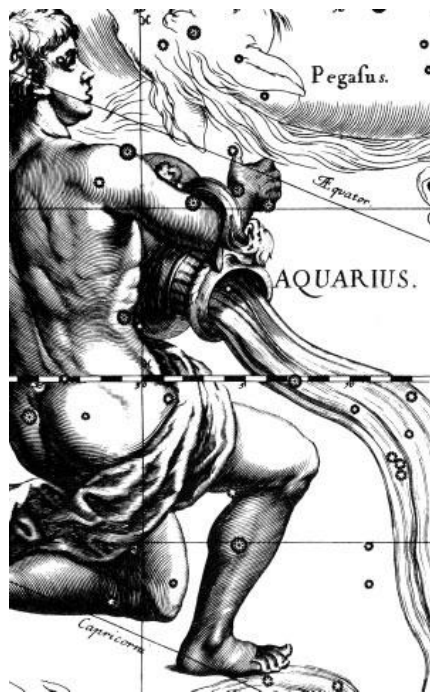

Уже не единицы или десятки, а сотни представителей человеческого рода посетили космос. И не только профессиональные пилоты, инженеры космической техники или изучающие воздействие неземных условий на человеческий организм врачи – с помощью пока еще двух летающих туда держав за пределами Земли побывали представители различных земных профессий и сословий. Посудите сами: кондитер-технолог из Англии, журналист из Японии, врач из Франции, астрофизик из Германии, бизнесмен из ЮАР и многие другие – на российских «Союзах». Уже десятки пассажиров-исследователей – на американских шаттлах, в том числе два их сенатора и даже шейх из Саудовской Аравии. А полеты в космос более чем 70-летних Джона Глена – первого космонавта Америки – и миллионера Дэниса Тито?! Есть уже и просто космические туристы, покидающие Землю за определенную плату.

Ну не поразительно ли: всего-то за какие-то сорок лет от первого полета Гагарина – продолжительностью всего в несколько десятков минут, казавшегося фантастикой и пределом наших возможностей, – человеческое сообщество технически и интеллектуально пришло к реальному построению на околоземной орбите международной космической станции и к совместному полету на соседнюю планету Солнечной системы! Станция уже активно посещается, осваивается и работает, а детали полета к Марсу, в общем, ясны с биологической и технической стороны, и сейчас осталось договориться лишь по организационным и финансовым проблемам этого грандиозного проекта.

Все это говорит о том, что к началу третьего тысячелетия человечество оказалось на пороге массового выхода за пределы своей колыбели – хотя кое-где уже изрядно перенаселенной, подпорченной, загаженной, но все же пока еще такой уютной и комфортной для жизни – планеты Земля. Как и положено логикой развития, и в этой, некогда совершенно недостижимой сфере, уже осуществились многие грезы писателей-фантастов, смелые предвидения теоретиков и конструкторов космонавтики. А другие близки к осуществлению. Видимо, не безнадежно далек тот день, когда любой желающий сможет покинуть Землю, как покидает сейчас свой город, страну, континент.

Часть 1. Неожиданное путешествие

Скажи, дорогой читатель, мечтал ли ты когда-нибудь о космосе? Нет, не об абстрактных космических глубинах и сказочных планетах, живо расписанных в произведениях фантастов, или показанных в выдуманных изощренными сценаристами фильмах. Мечтал ли ты о собственном полете за пределы Земли – полете на чудесном аппарате, являющемся вершиной человеческого разума и умения, современном космическом корабле?

Если да, то – за мной! И я постараюсь передать тебе все то, что когда-то сжигало и сводило меня с ума. Рассказать о том, что пережили и испытали люди, тоже однажды ступившие на этот необычный пока для нас путь. Или совершившие свои подвиги для того, чтобы другие смогли осуществить эту самую дерзкую мечту человечества. Герои и неизвестные, слетавшие и неудачники, отдавшие делу освоения космоса свои знания, силы, здоровье и жизни.

Если не мечтал, то все равно не спеши откладывать мои записи, а попробуй почувствовать поистине испепеляющие эмоции через ощущения других людей. Ибо мало других, подобных путей. Этой дорогой, полной восторга и романтики, неожиданностей и изнурительного труда, удивительных открытий и жесточайших разочарований приглашаю я тебя пройти вместе со мной и моими – нет, нашими! – героями. Ибо любой из нас при определенном стечении обстоятельств может оказаться перед совершенно безумным выбором. Как оказались перед ним многие мои герои, как оказался в какой-то момент и я.

Пожалуй, нет другой профессии, которая была бы так небесно отдалена от обычного человека, благоговейно созерцаема и недостижима, но в то же время и столь желанна для очень большого числа людей, как профессия космонавта.

Это странно, потому что риска для жизни или романтики в ней не больше, чем, скажем, у шахтера или покорителя Эвереста. Но в то же время и понятно: посещение космоса с использованием суперсовременной техники требует феноменального здоровья, всесторонней и длительной подготовки, потому что дерзнувшего ждут серьезные испытания неземными условиями. Кроме того, если говорить о Советском Союзе, то обожествление и отдаление от обычного человека образа космонавта осуществлялось здесь еще и на государственном уровне. Каждый слетавший в космос человек обязательно получал высочайшее звание Героя своей страны (как это продолжается в сменившей СССР России) с кучей сопутствующих ему социальных, материальных и прочих привилегий, что еще более возвышало эту профессию в глазах обывателя. Немало воды лили на эту мельницу газеты и телевидение.

Удивительно, но насколько себя помню, я – человек исключительно непоседливого, заводного и авантюрного характера – никогда не видел себя в роли покорителя космоса. Даже в далеком детстве, где у нас, пожалуй, каждый второй мечтал стать космонавтом. А ведь мальчишеские годы пришлись у меня на самое начало космической эры – когда полетел Гагарин, мне было семь лет. Вот журналистом, точно, вождем, хотя всегда всерьез интересовался биологией. И полетами в небе тоже грезил немало – полетами, наподобие птичьих, когда ты свободно паришь над городом или лесом, каким-то чудесным образом

превозмогая силу земного притяжения. Но чтобы увидеть себя в ракете, облаченным в доблестные космические доспехи или болтающимся в открытом космосе!? Нет, не припоминаю... Может, действовал искусственно созданный ореол исключительности этой профессии или ее безоговорочная идеологическая принадлежность – стать космонавтом в СССР мог только член КПСС, а я никогда не мыслил себя в ее рядах. А может, просто не дорос я тогда до такой высокой мечты, как полет в космос. Не знаю.

Только вдруг случилось самое настоящее чудо, и меня пригласили в космос. Не в шутку и не во сне, а самым настоящим и серьезным образом, как в нашей стране еще не случилось в этой предельно закрытой от лишних глаз области человеческой деятельности. В результате жизнь моя натурально перевернулась: я оказался в Центре подготовки космонавтов имени Юрия Алексеевича Гагарина, расположенном в Звездном городке и начал готовиться к полету. Почти на два года погрузился, как чернослив в компот, в новый удивительный мир, о котором большинство людей не знает практически ничего. И он стал для меня новой жизнью – жизнью на другой планете.

Глава 1. Немыслимое становится возможным

А было так.

Где-то уже на закате горбачевской перестройки, в 1989 году – когда еще не было в СССР многопартийности, как уже не было в большинстве городов многих жизненно важных продуктов, но всё, что можно, продавалось из страны с размахом и удовольствием направо и налево, – вдруг проскочило в газетах короткое сообщение. О подписании коммерческого договора между японской частной телевизионной компанией и советским космическим ведомством о полете на нашем корабле «Союз» на советскую космическую станцию «Мир» японского журналиста. С этого всё и началось.

Весть эта застала меня на Дальнем Востоке, где я уже почти два года с огромным удовольствием и пользой для себя (надеюсь, и для моей газеты, и для читателей тоже) трудился в качестве собкора «Литературной газеты» по этому огромному и интересному региону России. Так вот об этой сделке узнал я во время одной из командировок, кажется, на Чукотке, и, помню, автоматически отметив про себя очередной пример продажности России, тут же и забыл. И продолжил сбор материала для очередной статьи.

Когда же вернулся во Владивосток, где была моя штаб-квартира, и стал просматривать последнюю центральную прессу, то с удивлением отметил, что то короткое сообщение не осталось без внимания российских служителей пера. Их, в основном журналистов, посвятивших свое творчество проблемам освоения космоса, прямо как будто прорвало. Их большие и не очень статьи были насквозь пропитаны возмущением этим наглым актом продажи права первого в мире космического полета журналиста другой стране. Причём, насколько я понимаю, главное возмущение было не вообще продажей, а посягательством таким образом на возможный полёт именно нашего, советского журналиста. До этого момента, повторяю, я как-то не задумывался о перспективе полета в космос советского репортера, поскольку и подумать не мог, что такое возможно в этой максимально закрытой полувоенной сфере. Какой журналист?! Ведь там всё такое секретное. А тут будто вдруг прозрел: «Черт возьми! А ведь верно. Если японский репортер может лететь, и никакие секреты ему не боятся показать, то почему же тогда не наш? Разве не заслужила советская журналистика, столько сделавшая хотя бы для успешного хода перестройки, такого подарка со стороны государства?..»

Любопытно, что в этот момент я рассуждал о возможном полёте в космос советского журналиста безотносительно к своей персоне. Просто из чувства цеховой солидарности. Помню, даже рука зачесалась высказаться на этот счёт, но, решив, что высказывателей мнений там и без меня хватит, эту мысль отбросил.

А в демократической советской прессе всё более и более накалялись страсти по поводу этого полёта. Ощущение было такое, будто журналистику нашу прорвало за долгие-долгие годы молчания, когда вынуждена она была делать не то, что хочет, а то, что от неё требовали. Тут уж досталось и космическому ведомству, и правительству, и даже немного – правящей еще в стране Коммунистической партии. Завершилось всё в совершенно совковом стиле: создали комиссию. Космическую комиссию Союза журналистов СССР. Но вот цели и задачи, которые поставили перед ней, были уже вполне демократические: добиваться полета в Космос советского журналиста раньше японца, а чтобы не тратить зря времени и на момент, когда право такое будет добыто, иметь уже подготовленных к полету нескольких служителей пера. Для чего объявлялся открытый всесоюзный творческий конкурс, на который все желающие профессиональные журналисты могли подать свои заявления.

И тут со мной произошло нечто такое, чего раньше никогда не было. Кто-то может назвать это прозрением, кто-то озарением. Я же, вслед за ослепительной кометой, пронесшейся над планетой несколько десятилетий назад, но навечно оставшейся в сердцах понимающих людей чайкой Джонатаном Ливингстоном писателя Ричарда Баха, говорю: «прорыв». Проникновение в новое, кардинально иное духовное состояние.

– Боже! Да ведь это моё! – Сумасшедше забилось и в странной формулировке застыло в моём сознании. – Это то, о чём я не мог и мечтать, но что на самом деле неотделимо от меня, от моего нынешнего состояния, моего естества, всего моего предыдущего пути. Это вершина, на которую я пойду, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Ради достижения которой я отдал бы полжизни, а может быть даже и саму жизнь...

Ощущение счастья от просто и ясно, в одну секунду, увиденного своего пути было столь велико, что я, тридцатишестилетний мужчина, отец троих детей громко засмеялся и запрыгал по комнате подобно ребёнку.

Несколько дней ходил, как пьяный, постоянно думая о будущем полёте, о том, что я буду делать там, в холодном космосе, вдали от родной Земли. Смешно подумать, но я даже не держал в мыслях, что могу не пройти журналистский отбор или не подойти в космонавты по здоровью. Я просто знал – где-то гораздо глубже, чем в сознании, и даже глубже подсознания, – что пройду все этапы и обязательно полечу. Ведь я же – биолог и журналист, профессиональный спортсмен и исследователь человеческого мозга, бард и искатель приключений. Если не я, то кто же?! От мысли столь фантастического совпадения и от того, что из этого может получиться, я то и дело замирал от восторга, отключался от действительности и, кажется, уже покидал Землю. То же самое, только в ещё более беснующихся красках происходило, когда я ложился спать. Подолгу не засыпал и... плакал, свернувшись под одеялом. Честное слово, плакал от ощущения счастья и полноты существования, как не плакал с далеких детских лет.

А потом сел писать письмо в Космическую комиссию, где нужно было ответить на единственный вопрос творческого конкурса: «Зачем я хочу лететь в Космос?». От ответа этого во многом зависел итог всесоюзного конкурса. Мне не нужно было выдумывать ничего особенного – я только изложил свои заветные мысли на этот счет. Мысли о необходимости гуманитарного осмысления новой, космической, эры существования человечества. Новой эпохи, которая началась на наших глазах, но пока не осознана людьми в общечеловеческом масштабе. А раз так, то, как говорил герой известного произведения Михаила Булгакова, «это надо осмыслить...».

Человечеству уже давно надо было это сделать – как-то осознать это новое, что уже с нами произошло, происходит и что может определить существование нашей цивилизации в ближайшие столетия. А возможно, – существенным образом ее изменить. И, надо сказать, попытки такого осознания уже были.

О главных из них – в заключительной главе этой книги. Но сейчас следует вспомнить смелую и замечательную идею Сергея Павловича Королева о подготовке и отправке в космический полет гуманитария. Глубоко символично, что пришла она в голову именно нашему великому ракетному конструктору, который интуитивно чувствовал наступление этой новой эпохи в человеческой истории, понимал, что ей надо соответствовать по всем параметрам. И еще на заре космической эры, сразу после первых ошеломляющих успехов советской космонавтики он возмечтал, чтобы в космосе побывал профессиональный журналист и все описал.

Сами-то служители пера в то далекое тоталитарное время о подобном счастье – полете на космическом корабле – понятное дело, не могли даже и мечтать. И вот как-то в 1964 году журналист из «Комсомольской правды» Ярослав Голованов обсуждал с Королевым подготовленную для публикации в журнале «Юность» свою повесть о ракетчиках-создателях космических кораблей, и отец советской пилотируемой космонавтики неожиданно бросил:

– А вообще-то, вам самому надо туда слетать и все это испытать на собственной шкуре.

– Так ведь у этого корыта такая давка!.. – справедливо возразил журналист.

– Это не ваша забота, – взъярился на него Главный космический конструктор. – У нас будет трехместный корабль, на котором найдется место журналисту. Напишите заявление...

Похоже, Сергей Павлович на самой заре космической эры, как никто, понимал необходимость глобального осмысления происходящих в жизни землян космических перемен именно гуманитарием. И как-то в интервью одному из журналистов в доверительной форме посетовал: «Ах, как я жалею, что не могу послать в космос Лермонтова...». То есть ему нужен был для этих целей какой-то особо чувствующий, эмоциональный человек, умеющий точно передать свои ощущения, рожденные непривычным, новым для землян миром остальным людям.

Заявление Голованов написал, сделав в нем особый акцент на необходимости «застолбить» первый

пассажирский полет в космос, и назвал среди возможных профессий первого космического пассажира музыканта, художника, писателя или журналиста... А через год вместе с телерепортером Юрием Летуновым даже прошел специальный медицинский отбор.

Но тут умер Сергей Павлович Королев. Потом разбился Владимир Комаров, затем последовала нелепая гибель при возвращении из космоса Георгия Добровольского, Владислава Волкова и Виктора Пацаева – до журналистов ли, писателей или художников здесь?! И в советской космонавтике на долгие годы был поставлен крест не только на полете гуманитария, но и советских ученых. А ведь во второй половине шестидесятых большая их группа из Академии Наук СССР тоже прошла первичные медицинские отборы, и все они готовы были лететь в космос со специальными научными программами. Мечтали об этом. Но не полетели.

Серьезные научные эксперименты в космосе с участием самих специалистов стали осуществлять на своих челноках американцы. И именно они подхватили идею гуманитарного освоения космоса – правда, несколько в ином направлении, – подготовив полет школьной учительницы Кристи Маколифф. Она должна была провести в прямом эфире с орбиты несколько уроков по географии для своих учеников. Уверен, эти уроки со взглядом на нашу планету извне стали бы событием не только для США. Увы, и этому пионерскому проекту не суждено было осуществиться. Страшная катастрофа 28 января 1986 года на взлете космического челнока «Челленджер» – прямо на глазах сотен собравшихся на космодроме американцев (в том числе родителей и учеников Кристи) – унесла жизни всех семи членов того экипажа. Будто лишний раз напоминая землянам: они действительно вторгаются в совершенно новый, пока еще чуждый им мир, и если и впрямь хотят в него войти, то за это надо заплатить немалую цену...

И вот, три года спустя, в Советском Союзе появилась реальная возможность отправить в космический полет первого гуманитария – журналиста.

– Ты, конечно, решил ввязаться в эту авантюру? – услышал я по телефону печальный голос жены, которая в это время была с детьми в Москве и которой я восторженно поведал об удивительных космических делах.

– А ты как думаешь?

– Мы с мамой, как только начался этот шум вокруг японского полёта, и узнали об объявленном конкурсе, уже не сомневались... – почему-то грустно ответила жена.

Итогов творческого отбора еще не было известно, а я начал активную подготовку к следующему этапу – медицинскому отбору. Вера в свои силы – это, конечно, очень хорошо, но готовиться к любому испытанию следует серьезно. Потому, прежде всего, связался со старыми друзьями-биологами, которые в той или иной мере имели отношение к космическим проблемам и выяснил, какие наиболее серьезные тесты ожидаются.

– Пожалуй, самое тяжелое из этих проб, – услышал я от своего приятеля, бывшего научного сотрудника Института медико-биологических проблем (ИМБП) Министерства здравоохранения СССР Володи Цибульского, – центрифуга и барокамера. В первой предлагаются ускорения до 6 G – перегрузки, в шесть раз превосходящие обычные, земные. Во второй имитируется подъем на высоту около 5 тысяч метров. Подробностей не знаю. И еще довольно неприятная процедура – продолжительное вращение в специальном кресле «КУКа» для проверки вестибулярного аппарата. Его многие не выдерживают...

Центрифуга и барокамера меня не пугали – я много нырял на довольно приличные глубины в море, а небольшие перегрузки при разгоне самолета всегда вызывали особый восторг и желание увеличить их, – но

вот обязательное кручение на загадочном кресле сильно насторожило. Я сразу вспомнил, как недолгое качание на обычных качелях, случалось, вызывало у меня головокружение и даже легкую тошноту. А тут – вертеться в кресле, специально придуманном для таких издевательств! Надо было что-то предпринимать. Но что?

Как профессиональный спортсмен в прошлом (мастер спорта по легкой атлетике), я знал, что специальными тренировками и упражнениями могу натренировать свои мышцы, могу укрепить связки или даже увеличить объем легких. Но как приучить себя к выворачивающим наизнанку неприятным вестибулярным реакциям? Помощь пришла оттуда, откуда я ждал ее меньше всего. От моей жены Гали, которая в школьные годы серьезно занималась горными лыжами.

– А ты попробуй упражнения горнолыжников – для быстрого спуска с горы, полного всевозможных поворотов и перегрузок, обязательно тренируют вестибулярный аппарат. Иначе на успех в этом спорте трудно рассчитывать.

– Ты знаешь, как это делается?

– Конечно, я же сама когда-то через все это проходила. Но процедура не-при-ят-ная.

И она показала замысловатые пассажи, которые надо вытворять со своим телом, чтобы без проблем спуститься с высоченной горы с бешеной скоростью. Сгибаешься в пояснице и правой рукой берешь себя за левую лодыжку, как можно ниже, а левой рукой – за правое ухо. Вот этот перехлест – левое за правое, а правое за левое – очень важен для максимальных нагрузок на вестибулярный аппарат. Затем с помощью ног начинаешь крутиться в сторону ноги, за которую взялся. Не менее двадцати оборотов. Остановившись, выпрямляешься и через секунд двадцать все повторяешь, сменив руки, ноги, уши и направление вращения. Дальше все зависит от твоих способностей и фантазии. Количество оборотов, вращений. Для усложнения задачи и для увеличения нагрузки на вестибулярный орган можно во время кручения медленно выпрямляться, отпустив ногу, и снова сгибаться во время движения. И так далее.

Первая попытка тут же, дома, едва не закончилась падением после выпрямления и остановки. Жутко кружилась голова, непривычно сильно билось сердце и даже слегка мутило... Но вскоре жители окрестного района Владивостока, рискнувшие в холодную осень выйти прогуляться на берег моря, с удивлением замечали странную человеческую фигурку в спортивной форме, сначала привычно занимающуюся физическими упражнениями, а потом вдруг после вороватого оглядывания резко наклоняющуюся и начинающую вытворять немислимые движения. Или еще: я цеплялся ногами за перекладину и висел так вниз головой по несколько минут кряду – готовился таким образом к невесомости. Бродячие собаки, натыкаяющиеся на меня в эти моменты, либо испуганно шарахались, либо начинали по-волчьи выть. При этом шерсть у них на загривке становилась дыбом.

Однако чуть ли не ежедневные тренировки стали приносить свои плоды. И к моменту официального извещения меня об успешном прохождении творческого конкурса и назначения срока приезда в Москву для прохождения амбулаторного обследования я уже совершенно спокойно крутился по четыре-пять минут – в разных направлениях, углах расположения головы и скоростях. Забегая вперед, скажу, что этот тест на вестибулярный аппарат и впрямь скошил львиное число участников первичного медицинского отбора. Я же во время трехминутного кручения в специальном кресле чувствовал себя подобно рыбе в воде.

– Как самочувствие? – время от времени вопрошала проводившая испытание врач. Я знал, что она внимательнейшим образом следит и за моим пульсом, за каждой реакцией и за давлением крови – эти физиологические показатели снимались с испытуемого во время всего теста. Но ей нужно было слышать и голос.

– Нормально, – совершенно искренне отвечал я, самыми добрыми словами вспоминая свою супругу.

– Ну, как из-за обеденного стола встал, – удовлетворенно проводила врач мое покидание коварного кресла «КУКа» (расшифровывается это, как «кумуляция ускорения Кориолиса»).

Но это было потом, а за десять дней то отлета в Москву на амбулаторный отбор случилось нечто, от чего моя космическая одиссея едва не закончилась, не успев толком и начаться. Вдруг, ни с того ни с сего, резко заболела поясница. Такое у меня случалось во время серьезных занятий спортом, и всякий раз проходило немало времени, прежде чем боли отпускали. А тут, как назло, все сильнее и сильнее. Я – к знакомому мануалу. Выручай! Поломал, потряс он меня, подняв на своем животе, – толку никакого. Я – в краевую больницу. А там врачи, сделав рентгеновский снимок, говорят: «Судя по всему, это защемление

диска. Надо делать операцию».

С ума сошли! Какая тут операция, когда у меня жизнь решается через неделю?! Параллельно ходил на сеансы акупунктуры к своему другу, прекрасному диагносту и замечательному художнику Рюрику Тушкину, но и они ощутимо не помогали. И тогда, отбросив все предостережения врачей («не застужать да сильно не нагружать больное место, спиртного не пить»), я поехал к друзьям за город, у которых была русская баня. А-а-а, уж если ничего не помогает – живем один раз. Пропарили меня по высшему разряду, а потом – в лебяжью ванну, да еще – в свежевыпавший снег. А напоследок – стакан водки, как и полагается после хорошей бани. На следующий день я улетал в Москву с так и не прошедшей, какой-то отупевшей болью в пояснице, но зато с чувством до конца исчерпанных средств и чистой совестью.

И случилось невозможное! Боль, цепко державшая меня две недели, поставившая под угрозу обвала мою мечту, вдруг пропала в утро того дня, когда я поднялся в половине седьмого утра, чтобы ехать на другой конец Москвы, в Институт медико-биологических проблем на первое медицинское обследование. Я вертелся и так, и этак. Приседал, подпрыгивал и сгибался до пола. Никакой боли! Как будто не было ее никогда, и все многодневные страдания мне просто приснились. Чудо, да и только.

После я неоднократно пытался проанализировать столь резкую перемену и говорил о ней со многими врачами. Но никто толком не мог объяснить. Лучшее толкование сводилось к психологическим моментам. Дескать, высокий уровень стимуляции и глубокая, чуть ли не на уровне подсознания вера, что я просто не имею права не пройти этот отбор, привели к такой внезапной физиологической реакции.

Не знаю, не знаю... Конечно, столько уже было сделано, столько людей, которым я уши прожужжал будущим полетом, помогали мне и прониклись моей мечтой, как своей, что я и впрямь чувствовал себя обязанным сделать все возможное и даже невозможное. Хотя бы из благодарности к их участию и вере в меня. Но, все равно, я до сих пор воспринимаю случившееся, как чудо. Как вмешательство в земные дела чего-то неземного, небесного. Того самого, к которому я так отчаянно и стремился.

Два дня амбулаторного отбора пролетели незаметно, без сучка и задоринки для меня, оставив на дистанции лишь половину конкурентов – собратьев по перу со всей страны, прошедших творческий конкурс. Отсев здесь проходил по нескольким критериям. Один из них – довольно странный – рост сидя. Оказалось, для космического путешествия важен не общий размер кандидата на полет, а длина только верхней части его тела. Это связано с жесткими размерами космической капсулы, где космонавты располагаются в специальных ложементках, полностью повторяющих очертания их тел от головы до таза. Получилось, что я, имеющий общий рост около 185 сантиметров и при этом довольно длинные ноги, успешно прошел по этому показателю, чего не удалось некоторым журналистам с ростом чуть более 180 сантиметров.

Приличное количество претендентов срезалось, как меня справедливо предупреждали друзья-физиологи, на испытаниях вестибулярного аппарата. Оказалось, что уже трех минут вращения на специальном кресле «КУКа» совершенно достаточно, чтобы ввергнуть человека с этим слабым (или нетренированным) органом ориентации в довольно тяжелое состояние головокружения и тошноты. При этом резко меняется кровяное давление и сердечный пульс, за чем внимательно следят врачи. Мои же тщательные тренировки по горнолыжным методикам, похоже, принесли свои плоды: необходимые по этому тесту пять минут кручения прошли без каких бы то ни было неприятных последствий. Завершающие выводы о предварительной годности того или иного претендента на космический полет на этом этапе медицинского отбора делали невропатолог и терапевт. Из сорока кандидатов нас осталось чуть более двадцати.

А потом, несколько месяцев спустя, было уже совсем другое, настоящее медицинское испытание. Когда я на целый месяц прописался в уютном здании бывшего детского садика, а с некоторых пор – специального отдела ИМБП, где обследуют всех гражданских кандидатов в космонавты. И тут уже все пошло очень серьезно: каждый день расписан чуть ли не по минутам, чтобы успеть пройти добрых три десятка испытаний и тестов.

Глава 2. Приближение

«Самочувствие нормальное?» – спокойный голос в наушниках решительно пресек мое

разыгрывающееся волнение и после утвердительного сигнала с моей стороны коротко скомандовал: «Пуск!»

Тут же кабина вздрогнула, кресло, к которому были прикованы мои ноги, туловище и голова, вдруг резко изменили положение, и неведомая доселе сила начала вдавливать тело в его спинку.

– Прошли «единицу» – все хорошо... 2 G... 3 G... Все идет нормально. Вышли на 4 G... – спокойно комментировал происходящее все тот же приятный женский голос.

Хотелось расслабиться, отключиться от довольно неприятных ощущений. Но нужно было, наоборот, напрягать мышцы ног и строго выполнять необходимую работу: следить за периодически зажигающимися в разных точках лампочками и в ответ нажимать кнопку, зажатого в руке специального приспособления – тангенты. Мой, не вкусивший еще космоса организм, судорожно осваивался с непривычными физическими ощущениями. Сознание же искало пути скорейшей адаптации к нагрузке, к взятию под контроль всех мыслительных и мышечных операций. А потом были ускорения в 6 G и 8 G, превышающие обычное земное притяжение в соответствующее количество раз.

И хотя тело мое, приобретая восьмикратный вес, испытывало перегрузки, более чем в два раза перекрывающие стартовые во время запуска космического корабля, это был далеко еще не космос. То была центрифуга, через которую прошли абсолютно все космонавты, а теперь настала пора испытать здесь и журналистов, мечтающих о полете в космос. Ее могучее плечо раскручивалось, имея твердую опору на Земле, но я, находящийся внутри этого снаряда, испытывал что-то уже неземное – ощущения, напоминающие те, что выпадают на долю человека во время старта и приземления космического корабля. Их вызывали не только физические нагрузки, но сама подготовка к ответственному испытанию: подробное инструктирование, обвешивание тебя всевозможными датчиками, облачение в специальную форму и шлем, а напоследок тщательное пристегивание к креслу головы, тела, ног. Кроме того, по мере возрастания перегрузок за тобой следит множество чутких приборов, глаза специалистов контролируют лицо через монитор. А еще – общение с врачом из кабины, при котором тебе разрешено только слушать. Отвечать же положено только соответствующим нажатием кнопки тангенты, что зажата в руке.

То был не космос, конечно, но уже и не совсем Земля, где нам доступно только обычное, земное тяготение в 1 G. То был маленький шаг от Земли – самое первое приближение к космосу.

Впрочем, я сильно забежал вперед. Обо всем – по порядку.

Он всегда манил людей, этот загадочный космос. И в пещерные времена, когда первобытный человек с благоговением или испугом вглядывался в его черную глубину, останавливая восхищенный взгляд на мерцающих звездах и называя все это тогда «небом». И в период постижения истинной картины над головой, когда появились первые телескопы, стало понятно, что наша планета – лишь часть чего-то очень большого, а космической бездне нет предела. И в годы первых прорывов в околоземное пространство, когда наконец человек Разумный сумел заглянуть в ее неисчерпаемость своими глазами, пощупать неизвестную доселе субстанцию собственными руками. С не меньшей, а, может быть, даже и большей силой манит космос теперь, потому что пришла пора выхода за пределы Земли не только космонавтов-профессионалов, но и людей самых земных профессий. А значит, каждый человек может себя представить космонавтом в недалеком будущем. Со стороны уже начинает казаться, что полет в космос становится приятной экзотической прогулкой – разве только чуть-чуть щекочащей нервы, – и совсем недалеко то время, когда любой желающий сможет ее осуществить, дело лишь в плате за удовольствие...

Мысли об этом владели мной, когда на исходе зимы 1990 года я подходил к клиническому отделу ИМБП, где проходили стационарные медицинские обследования все наши гражданские космонавты, а

сейчас находилась группа советских журналистов – претендентов на космический полет. Здесь, рядом с коллегами-конкурентами предстояло мне провести от одной до четырех недель и пройти – в зависимости от состояния здоровья – несколько десятков разнообразных медицинских проб и тестов. Иными словами, сделать следующий шаг к неведомому доселе миру профессиональных космонавтов.

По странной иронии обстоятельств вместо запланированного 12 февраля, входил я в эти стены 13. Уже знакомая по амбулаторному отбору ведущий терапевт Лариса Михайловна Филатова тактично намекнула, что можно и в более «счастливый» день прийти, – дескать, это не проблема. Но мне было все равно. Как все равно оказалось и то, что досталась «несчастливая» кровать – все, лежавшие на ней до меня журналисты, уже сошли с дистанции отбора. Я без оглядки верил в свою звезду и на пути к космосу готов был если не на все, то на очень многое.

Все, проходящие здесь обследования – так называемый «спецконтингент», – называют отдел стационаром, поскольку слишком уж многое здесь напоминает больницу: обязательные (утром и вечером) замеры температуры, давления и пульса, кабинеты врачей и процедурная, палаты на одного и более человек. Трехразовое, по расписанию, питание, с неизменным кефиром на ночь.

Но есть очень существенное отличие. Если главным стержнем нахождения человека в больнице является болезнь, то тут совершенно противоположное – здоровье. Коли ты хочешь полететь в космос, то прежде всего должен быть здоров. Здоров и – баста! Естественно, абсолютно здоровых людей не бывает даже среди космонавтов – работающие здесь специалисты так и говорят. Но каждый твой орган, система организма должны входить в некие обязательные, определенные за долгие годы работы «космических» врачей, медицинские рамки. Они допускают некоторую свободу и даже отклонение от общепринятых медицинских стандартов, но горе тебе, если что-то окажется вне этих жестких границ.

Изо дня в день, иногда по пять-шесть часов в сутки тебя прослушивают, прощупывают, просвечивают и зондируют со всех сторон, выискивая эти недопустимые нарушения.

В первый же день пребывания в стационаре выяснилось, что в результате таких скрупулезных обследований дорога в космос закрылась для одного из самых уважаемых и, конечно же, наиболее достойных претендентов на полет – журналиста и писателя Ярослава Голованова. Это была уже вторая его попытка – после упомянутого выше предложения самого Сергея Павловича Королева – пробиться в космос. Увы, время неумолимо вершит свою работу над людьми – у него обнаружили сахарный диабет. Причем, сам он об этом заболевании ничего не знал. Но с диабетом путь в космос заказан.

Впрочем, обнаруженные здесь нарушения здоровья совершенно не обязательно могут быть серьезным заболеванием или патологией и мешать в обыденной, земной жизни. Однако, тут они обращают повышенное внимание и могут стать причиной списания. Как случилось уже на моих глазах с другим, не

менее достойным претендентом на полет – журналистом и специалистом по космической технике Сергеем Жуковым.

Сергей блестяще и буквально с первого захода проскакивал предъявляемые ему тесты и пробы. Все шло к тому, что он станет первым из журналистов, утвержденных на общекосмическую подготовку по результатам стационарного обследования. Его документы уже готовили на Высшую экспертную комиссию (ВЭК). А самому журналисту, после взятия заключительного анализа крови на какое-то стандартное обследование, запланировали поездку на центрифугу. Это испытание назначается последним, после успешного завершения обследования абсолютно всех систем организма. Все находившиеся в этот момент в стационаре журналисты были уверены, что и этот тест он выдержит без каких бы то ни было проблем и с завистью смотрели на этого подтянутого, уверенного в себе человека. Конечно же, завидовали ему – кто черной, а кто белой завистью.

И вот утром, за полчаса до отъезда на центрифугу Сергея Жукова вдруг пригласили в кабинет к терапевту. А через десять минут он возвратился в палату и начал собирать вещи. Но не для поездки на последнее испытание, а для отъезда из стационара навсегда. Поначалу он ничего не говорил, а прятал глаза, на которых можно было увидеть настоящие слезы. Позже мы узнали от него, что последний анализ крови показал наличие в организме некоего «австралийского антигена» – спящего вируса гепатита. Человек может носить его в себе десятки лет, как довольно часто и бывает, и никогда не заболеть этой болезнью. Но присутствие его в организме не исключает эту возможность на 100 процентов. И все же даже самая ничтожная доля проявления такого серьезного заболевания во время космического полета заставляет медиков говорить его носителю бесповоротное «нет».

Не менее серьезным критерием отбора является реакция организма в целом и отдельных органов на специальные нагрузки, иногда отдаленно, а порой и напрямую моделирующие те, что ожидают человека на старте, в космосе или при возвращении оттуда. Врачей интересует поведение твоего вестибулярного аппарата и зрения, сердечно-сосудистой и выделительной систем во время различных физических нагрузок, всевозможных вращений, медленных и скоростных перепадов внешнего давления при перераспределении кровообращения в нестандартных положениях тела и тому подобных аттракционов. На медицинский космический отбор работают лучшие силы – если возникают какие-то сомнения, спорные мнения у здешних врачей, то обследуемый буквально на следующий день попадает в центральные гражданские и военные медицинские институты на соответствующие консультации научных светил.

Мне довелось побывать у двух, и каждый произвел свое, совершенно неизгладимое впечатление. Первый – военный отоляринголог, полковник А. Банюк, к которому меня повезли после возникновения проблем с носовой перегородкой. Дело в том, что в далеком детстве я получил довольно чувствительный удар по носу, после чего хрящевая перегородка внутри стала искривленной. Это обстоятельство практически никак не отражалось на моей земной жизни – как уже упоминал, мне даже довелось стать мастером спорта по легкой атлетике, – а вот врачи-лоры в стационаре уцепились за эту ерунду. Мол, придется оперировать, с такой перегородкой лететь нельзя. Я – ни в какую! Зачем делать операцию, когда до полета еще ой-ой сколько? Да и вообще неизвестно, состоится ли он. Меня поддержали некоторые врачи. Короче, мнения разделились, и спорного пациента повезли к этому самому светилу, Банюку. Он сразу произвел на меня жуткое впечатление: здоровый, как бык, руки – бревна, пальцы – сардельки. Как мне еще показалось, без сердца. Потому что как только глянул он на меня, так сразу и заявил: резать!

– Мое мнение, – говорит, – надо перегородку исправлять.

Сопровождающая меня врач стационара Л. Захарова попыталась робко уточнить:

– Помешает она в нынешнем виде космическому полету?

– Ему не то, чтобы для полета – для жизни на Земле лучше ее исправить, – отвечает невозмутимый Банюк. – И дышать будет лучше, и выглядеть станет симпатичнее. Да я его в один момент прооперирую – это пара пустяков!

Я уже, было, решил, что тут моей перегородке и конец: прямо сейчас он меня и соперничает... Начали торговаться. Самое большее, до чего мы с ним смогли договориться, что можно меня в таком, неоперированном виде, допустить в межкомиссионный период, но для полета – непременно резать! При расставании мне показалось, полковник очень расстроился, поскольку не довелось ему взять в руки скальпель и немедленно сделать с попавшим к нему гражданским кандидатом в космонавты «что

положено».

Совершенно иное впечатление оставило посещение другого светила – академика Медицинской академии, директора НИИ стоматологии В. Леонтьева. Зубным врачам в ИМБП не понравился один из моих коренных зубов – какую-то гранулему они там заподозрили, с которой в космос тоже никак нельзя. Возили даже специально в Звездный городок, чтобы сделать два панорамных рентгеновских снимка обеих моих челюстей и понять, что к чему. Снимки сделали, но из них ничего не поняли. И направили с этими снимками к очередному светилу. Валерий Константинович Леонтьев оказался очень интеллигентным человеком и великолепным профессионалом. Впрочем, как и все, работающие с ним, люди. Перво-наперво в его институте сделали... очередной панорамный рентгеновский снимок зубов. Надо сказать, что в стационаре у меня еще заподозрили воспаление в одной из гайморовых пазух и дня за два до этого визита сделали прокол этой пазухи. К счастью, ничего серьезного там не обнаружили, но эта неприятная процедура – вкупе с запомнившимся визитом в военный госпиталь – настроила меня философски по отношению ко всем возможным проколам, удалениям, операциям и тому подобному. Так что морально я готов был к любому приговору очередного светила и даже – к вырыванию подозрительного зуба прямо здесь.

– Не нужно удалять этот зуб, – совершенно неожиданно, но зато очень приятно для пациента, подвел итог рассмотрения снимка академик Леонтьев. – А если что и следует с ним сделать, так только немного подлечить.

– И не надо было ему прокалывать гайморову пазуху, – со строгим укором обратился он к сопровождающему меня врачу, – лучше сразу сюда везите ваш спецконтингент в таких случаях, а мы тут решим, что делать!

Попутно выяснилось, напрасно нас гоняли в Звездный городок – сделанные там снимки оказались столь мутными, что разобрать на них что-либо не представлялось никакой возможности. Зато на местном рентгеновском отпечатке и зубы мои, и челюсти, и даже злополучная гайморова пазуха выглядели подобно произведению с фотовыставки. Любо-дорого было смотреть на эти части моего черепа! Однако, вскрывшиеся обстоятельства оставили некоторую досаду по поводу чрезмерных – и, как мне представлялось, совершенно лишних – стараний специалистов в ИМБП.

– А что же вы хотели?! – воскликнула в конце долгого разговора со мной психолог Ирина Русакова, рассказавшая по итогам личностного психологического теста (он включал почти шестьсот вопросов) обо мне много такого, от чего стало просто нехорошо от самого себя. – Слишком велика цена нашей ошибки. Если что-то произойдет с человеком в горах, под водой или даже в кабине экспериментального истребителя – это одно. Конечно, человеческие жертвы крайне печальны и нигде недопустимы, но в случае ЧП в космосе ставится под удар еще и многомиллионная программа, труд сотен коллективов специалистов...

Потому надежность и еще раз надежность, соседствующая кое-где и с перестраховкой, максимальное исключение любых вероятностей, связанных с возможным ухудшением здоровья на орбите, стали здесь аксиомой. Уже в самом начале пребывания в стационаре довелось услышать о том, что перед полетом в обязательном порядке удаляют подозрительные железы, выдирают зубы, которые могут дать воспаление. Не могу забыть, как один космонавт, проходивший одновременно с нами ежегодное медицинское освидетельствование, со смехом рассказывал о сделанных ему операциях: помимо перечисленных желез и зубов ему еще оперировали носовую перегородку и «что-то вырезали на ноге». Так что, можно сказать, я еще легко отделался.

Между прочим, не только происходящее здесь тесным образом связано с тем, что будет потом в космосе. Существует и четкая обратная связь. Чрезвычайные ситуации во время полетов вносят свои, порой весьма серьезные, коррективы в подходы и действия медиков во время отбора. Так, во время одной из них у космонавта Владимира Васютина началось нешуточное воспаление мочеполовой системы. Да такое, что никакие медицинские средства, имеющиеся на борту космической станции, не помогали, и человек натурально изводился от боли – пришлось возвращать экипаж на Землю досрочно. Так с той поры в арсенале медиков появилась весьма специфическая проба, связанная с забором и обследованием секрета предстательной железы у мужчин. Мягко скажу, очень своеобразная процедура, получившая среди космонавтов название по имени того самого пострадавшего на орбите – «проба Васютина».

Время от времени у проходящего здесь отбор человека возникает стандартный вопрос: «А зачем мне

все это нужно? Стоят ли все эти муки вовсе не гарантированного полета в космос?». Особую актуальность для журналистов он получил после истории с одним из претендентов – Николаем Луценко, проходившем как руководитель независимой телекомпании «Ника». Он появился в стационаре в красочных заграничных комбинезоне и кепочке с надписями «НАСА». Оказалось, он посетил в США какую-то детскую космическую академию, откуда и привез эту одежду. Весь он излучал такую уверенность в себе и демонстрировал такое непоколебимое здоровье, что прочим окружающим журналистам стало как-то неловко составлять ему даже малую конкуренцию. Обо всех предстоящих испытаниях и ощущениях прошедших их претендентов он отзывался весьма снисходительно и до поры сам шел по тернистой тропе медицинского отбора без каких бы то ни было оступлений. И вот, после одного из ультразвуковых исследований внутренних органов, у медиков появились какие-то сомнения по поводу его желчного пузыря. Ему назначено было эндоскопирование (осмотр пузыря с помощью специального зонда, вводимого туда через рот и желудок) этого органа, и в назначенный час Коля ушел на это обследование. Никто не придавал особого значения очередной, правда, никому еще не производимо, процедуре.

Когда наш «астронавт» вернулся, на нем не было лица. Это был совсем иной человек. Совершенно побелевший и какой-то весь остекленевший, прошел он, не глядя ни на кого, к своей кровати и тихо лег на нее. Все, находящиеся в этот момент в палате, замерли в томительном молчании, ожидая какого-то комментария «человека из НАСА».

– Все, с меня хватит, больше никуда не пойду, – тихо произнес он через какое-то мгновение. – Вы не представляете, какая это кошмарная процедура! На черта мне все это сдалось?!

Ничего не могу сказать об эндоскопии желчного пузыря – мне его не делали, – но на всех произвел очень сильное впечатление контраст этой реакции с предыдущим поведением человека в комбинезоне «НАСА». Слов нет, среди множества тестов и испытаний, предлагаемых кандидатам в космонавты, конечно же, есть мало привлекательные и даже весьма тяжелые. Что поделаешь, ради осуществления мечты нужно с чем-то мириться, чем-то и жертвовать.

Тем не менее, несмотря на некоторые неприятные, тяжелые, а порой и мучительные процедуры, работающие в отделе врачи и весь персонал сумели создать предельно деловую и доброжелательную атмосферу. Как-то само собой получается, что к трудным (в моральном и физическом отношении) пробам ты оказываешься незаметно готовым благодаря их постоянной работе с тобой, а также дружеским, иногда просто юмористическим советам и комментариям лежащих рядом кандидатов в космонавты и космонавтов. А потом с удивлением отмечаешь, что испытание, которого боялся, как черта, уже позади.

Получив в самый первый день специальный пропуск и предъявив его внимательному вахтеру, я совсем уж было решил, что существовать здесь придется чуть ли не на лагерном режиме. Однако, вскоре заметил, что постоянная нудная опека, которую вполне можно было бы ожидать в столь ответственном заведении, совершенно отсутствует. Наоборот, кое-что, даже по медицинской части, обследуемый решает сам: можно, например, отложить какой-то тест, если считаешь себя не вполне подготовленным в данный момент. В любое время можно отлучиться за пределы территории, съездить куда-то по своим делам, а на выходные и праздники – вообще покинуть стационар.

Это сочетание свободы и делового, серьезного отношения к тебе со стороны врачей достигает цели, над которой в иных местах бьются с нулевым результатом: ты вдруг начинаешь испытывать чувство высокой ответственности за свое здоровье, за то состояние, в котором придешь на очередную пробу. И сказанные как бы между делом слова ведущего терапевта Ларисы Михайловны Филатовой – настоящей матери и в каком-то смысле воспитательницы всех обследующихся (кстати, когда-то в здании отдела находился

детский садик), – слова о недопущении какой-либо пищи или ограничении себя накануне ответственного исследования становятся вдруг железным законом, который совершенно не тягостно выполнять.

В физическом отношении для меня самым серьезным и запомнившимся испытанием оказалась центрифуга – она является истинным промежуточным этапом между отлично известными земными ощущениями и пока незнакомыми космическими. Ее и назначают самой последней в длинном ряду испытаний, когда здоровье твое уже не вызывает никаких сомнений. И неспроста после первого же вращения на 4 G командующая этим «аттракционом» милая и внимательная врач Инна Федоровна Виль-Вильямс спускается из своего «центра управления» к каждому испытуемому в кабине центрифуги. Заботливо расспрашивает о самочувствии, вглядывается в лицо, произносит успокаивающие и ободряющие слова, советует, что надо делать для облегчения предстоящих через несколько минут более тяжелых нагрузок. А после окончания испытания помогает выбраться из кабины и спуститься по ступенькам вниз. Врачи тоже ставят центрифугу на первое место по сложности. Морально же наиболее тяжелое в стационаре ИМБП – это постоянное ожидание, на чем и когда тебя забракуют. Ибо случиться это может в любой момент, после любой пробы. Поэтому серьезно думающий о космосе человек постоянно находится здесь в состоянии мучительной неопределенности. Конечно, оно порождено сильнейшим эмоциональным напряжением, которое в свою очередь связано с высокой значимостью для кандидата выбранной цели. В нашей, журналистской среде это рождало порой сценки, которые не увидишь ни в одном театре.

– Ну как, не стошнило? – спрашивает один из журналистов другого после его появления с очередного десятиминутного вращения на тошнотворном для вестибулярного аппарата кресле «КУКа». Вроде бы заботливо спрашивает, но в то же время – с плохо скрываемой надеждой услышать утвердительный ответ конкурента.

– Нет, не стошнило! – отвечает тот, слегка даже расцветая явно побелевшим за время нелегкого обследования лицом.

И, что особо интересно, настроение его сразу улучшается.

Впрочем, взаимной поддержки и нормальных человеческих отношений у нас было гораздо больше, конечно. А без них продерешься ли через настоящий частокол «космических» тестов и проб, что выпадают на долю решившихся на столь отчаянную авантюру людей?

Все слетавшие в космос, а также большинство готовящихся к полету гражданских претендентов (военнослужащие кандидаты в космонавты обследуются аналогичным образом, но в своем госпитале) прошли здесь джентльменский набор тестов. От элементарных физиологических анализов и крайне неприятных глотаний желудочных зондов, внутривенной урографии и тому подобного (на что в обыденной жизни многие согласились бы разве только под дулом пистолета) до совершенно неизвестных простым смертным ортостатических проб, кресел «КУКа», специальных психологических тестов, барокамеры и центрифуги.

Еще год до нашего появления здесь все это было жутко засекречено. Не то, чтобы фотографировать или писать в газете – вспоминать «в миру» о чем-либо содержащемся и творящемся в двухэтажном здании на улице Габричевского, расположенного на северо-западной окраине Москвы, было нельзя. К моменту же появления в нем советских журналистов и одновременно некоторых иностранных кандидатов на полет здесь стали спокойно фотографировать, снимать фильмы, писать обо всем в газетах и журналах.

Обыденно звучат тут имена героев космоса – пациентов здешних медиков: такой-то побил на кресле «КУКа» все рекорды длительности вращения, такому-то здесь делали прокол гайморовой пазухи, на этой кровати лежал Гагарин... Волей-неволей постепенно начинаешь и себя чувствовать как-то особо приближенным к загадочному миру «небожителей». А через неделю моего пребывания в стенах стационара и вовсе двое из них прописались в соседней палате – два Александра, Лавейкин и Иванченко, поступили на очередное годовое медицинское переосвидетельствование. И за многие минуты, проведенные в неформальных беседах с ними, – за обеденным столом, в холле у телевизора, перед различными пробами – шаг за шагом начал передо мной раскрываться особый мир космонавтов-профессионалов.

Путь в космос для большинства из них устан отнюдь не благоуханными цветами, а тяжелейшими физическими и моральными испытаниями. Заветного полета, как правило, приходится ждать многие годы – известен случай 18-летнего ожидания, – и, к сожалению, не всегда решающее значение имеют здоровье и профессиональные качества. Тут я, наконец, нашел объяснения отрицательному отношению к полету в

космос советского журналиста, которое высказывали некоторые космонавты и руководители космической подготовки: дескать, тут люди кладут годы жизни, через такую мясорубку прорываются, а они хотят за полгода в космос попасть! Вот уж дудки – давайте-ка через все это тоже пройдите.

– Самое ужасное, – произнес вдруг в разговоре со мной на эту тему заведующий лабораторией психологической совместимости ИМБП Михаил Алексеевич Новиков, – что в скоротечной подготовительной кампании журналисту никогда не понять надорванную душу космонавта! Это можно постичь, только покрутившись в этой системе лет десять, пройдя через все унижения, интриги, подлости. Пройдя через самого себя. Когда космонавт отправляется в полет – это для него огромное облегчение: наконец-то вырвался из этого ада!

Слова этого мудрого и искреннего человека – кстати, через него прошли очень многие готовившиеся к полету наши космонавты, в том числе и Юрий Гагарин, и даже собак Белку и Стрелку ему довелось оперировать – сильно западали в душу. Всплыли они снова в очередной раз, когда наша небольшая группа отправилась на текущее обследование в Звездный городок и там, в медицинском корпусе чуть ли не нос к носу столкнулась с только-только возвратившимися на Землю космонавтами Александром Викторенко и Александром Серебровым. Нас очень волновала тогда возможность опередить японского журналиста и подготовиться к полету за оставшиеся у нас не по нашей вине три-четыре месяца.

– Да что там, конечно, можно подготовиться, – ответил, чуть подумав, Александр Серебров.

– А что самое сложное в подготовке? – спросил кто-то из журналистов, не понимая еще многих тонкостей этого мира.

– Выдержать все это! – был ответ. – Тут же сотни офицеров. И надо всем дать кусок хлеба. Было время, нас тут всего четверо было на подготовке. А каждый должен протащить тебя через свой тренажер, вбить в тебя пару-тройку слов. Более сотни экзаменов приходится сдавать за очень короткое время. От этого же дуреешь...

Как выяснилось много позднее, это были не самые главные трудности космической подготовки в Звездном городке. Но об этом – не сейчас.

Своеобразными довесками к «подаркам» земным являются сюрпризы, которые ждут любого космонавта в полете. Так, во время старта ракеты с космонавтами Владимиром Титовым и Геннадием Стрекаловым произошли серьезнейшие неполадки, которые привели к ее взрыву прямо на стартовой площадке. Двух космонавтов успели отстрелить от ракеты за полторы секунды до катастрофы с помощью САСа (системы аварийного спасения), и вместо ожидаемого полета в космос они отлетели от ракеты со скоростью пушечного ядра, получив при этом запредельные для человека перегрузки в 23 G. Но, слава Богу, остались живы!

Сможет ли кто-нибудь представить себе те чувства, которые испытал Саша Лавейкин, когда во время выхода в открытый космос задел скафандром за край люка и услышал хруст, напоминающий треск разрываемой ткани. А вслед за этим из скафандра начал стремительно уходить воздух. Позднее оказалось, он всего-то задел за кромку люка рычагом давления, и тот открылся, но космонавт был уверен, что произошло разрушение скафандра. Признаюсь, когда он в красках рассказывал об этом, у меня похолодели конечности. Кстати, эмоциональный стресс от пережитого был столь силен, что у космонавта начались серьезные проблемы с сердцем и, несмотря на активные возражения самого пострадавшего, тот полет прекратили раньше намеченного срока.

Здесь, в стационаре ИМБП я впервые узнал, что космос может одарить драмой не только там, вдали от Земли, но и задолго до прикосновения к нему. Нельзя не уважать тех ребят, которые, пройдя в свое время полный курс медицинских обследований и оказавшись полностью годными для спецподготовки, потом долгие годы проходили здесь медицинские переосвидетельствования и продолжали верить в свою счастливую звезду, впрочем, без особых надежд на успех. Один из них – ученый-геофизик из Ленинграда Гурген Иванян, ведущий конструктор Особого конструкторского бюро аэрокосмической аппаратуры Ленинградского университета, – оказался в стационаре вместе со мной.

Он окончил географический факультет Ереванского университета, затем – физфак МГУ. И еще студентом искал пути выхода на научные космические программы. Он искренне (и совершенно справедливо) считал, что в космос обязательно должны летать профессиональные ученые тоже, и хотел внести свой вклад в изучение планеты с помощью космических аппаратов. Узнал о существовании сектора отбора ученых узких специальностей для полета в космос при Институте космических исследований, написал заявление о желании участвовать в полете. Со второй попытки, осенью 1970 года, прошел стационарное медицинское обследование (тогда оно занимало около двух месяцев) и получил заветное заключение «годен к работе в космосе». Стоял в первом ряду среди нескольких сотен ученых, готовящихся к космическому полету. Но летом 1971 года произошла страшная трагедия – из-за разгерметизации кабины спускаемого аппарата во время возвращения на Землю погибли три наших космонавта. После чего не только приток подобных специалистов в космонавты был резко остановлен, но и все предполагаемые полеты уже отобранных кандидатов были отменены.

Думалось, временно, и несколько ученых – в их числе и Гурген Иванян – долгое время были около отряда космонавтов. Участвовали во всех проводимых тогда сборах, горных восхождениях. Проходили ежеквартальные медицинские обследования и годовые переосвидетельствования. Все это – либо в отпуск, либо за свой счет. Его коллеги отступились раньше, поскольку отчетливо поняли: если такие полеты ученых и состоятся, то они не будут долговременными, а что сделаешь за неделю? Гурген продержался до середины 70-х годов... И вот теперь в очередной раз, накануне своего пятидесятилетия, предпринял отчаянную попытку осуществить мечту – на этот раз с журналистами, поскольку еще со студенческой скамьи писал статьи на разные темы в армянские издания, а затем – в газету «Ленинградский университет». Успешно пройдя творческий отбор, снова дошел до медицинского. Увы, на этот раз ему не удалось пройти стационар – видимо, утекло его время, и в этом не виноват человек.

Гурген покидал ИМБП, мужественно приняв и этот удар судьбы. Обменивался адресами и телефонами, звал в гости, открыто улыбался не сошедшим еще с дистанции журналистам, желал всем удачи, которой так и не хватило ему. Было отчаянно жаль этого человека, сохранившего такую верность своей давней мечте и проявлявшего такую настойчивость для ее осуществления. Этот его уход будто символизировал провал в непосредственном исследовании космоса учеными, в котором мы находились уже два десятка лет и который отбросил страну далеко назад по сравнению с американцами, проводящими в этом совсем иную космическую политику. У них число подобных специалистов в отряде астронавтов в два раза больше, чем пилотов и бортинженеров! Однако, это уже тема другого разговора.

Мы же, оставшиеся по эту сторону надежды журналисты, готовились к очередным пробам, бурно обсуждали противоречивую информацию о перспективах полета в космос советского репортера и верили про себя – каждый в свою судьбу И, несмотря на декларацию собравшей всех нас Космической комиссии Союза журналистов послать на орбиту журналиста, ставшего неким собирательным персонажем из всех нас, безудержно блистали каждый своей неповторимой индивидуальностью.

Один продолжал и здесь вести скрупулезное расследование «интриг» против него Космической комиссии Союза журналистов, а заодно и происков местных врачей. Вызывая при этом все более и более

углубленное внимание психологов.

Другой удивлял и озадачивал всех появлением в обществе иностранных репортеров и официальных лиц в броском американском комбинезоне с яркими надписями «НАСА» и «Астронавт».

Третий занимал врачей и медсестер рассказами об инопланетянах, о которых много писал, но, похоже, сам мало в них верил.

А четвертый, измученный затянувшейся борьбой с отолярингологами за отмену грядущей пункции гайморовой пазухи, вдруг заявлял, что «ради космоса готов даже отдать одну почку, но только... после полета».

Пятый...

Люди остаются сами собой, людьми везде: на Земле и в космосе. Уверен, что-то занятное, смешное – вполне человеческое и земное – было и в моем поведении во время месячного нахождения в этом особом медицинском заведении, где решалась моя предварительная космическая судьба, но об этом пусть расскажет кто-нибудь другой.

Я покидал стационар 13 марта – снова нехорошая примета. На следующий день должна была состояться Высшая экспертная комиссия и определить мою судьбу. Странное дело, несмотря на такую дату, да еще и аналогичную дату прихода сюда ровно месяц назад, не было никаких опасений по поводу подобной мистики. В конце концов, я сделал все, что мог, и нечего уже было переживать. Другие, светлые и грустные одновременно мысли владели мною. Чувства, связанные со сделанным мной первым шагом к космосу и с расставанием с людьми, ставшими за месяц жизни здесь чем-то чуть большим, чем просто обследующие меня врачи или коллеги-конкуренты. С понятной благодарностью вспомнил я хирурга Олега Смирнова, неожиданно поддержавшего меня в борьбе с отолярингологами, когда встал вопрос об операции по поводу искривленной носовой перегородки. Затем вдруг почему-то всплыл в памяти долгий и интересный разговор с психологом Михаилом Новиковым. Его необычные слова, когда речь у нас зашла о смысле стремления человека в космос.

– Это в большой мере связано с расширением внутренней географии, – сказал он тогда. – С возможностями великих географических открытий, которые всегда не давали человеку покоя, но теперь уже – внутри самой личности. Мозг человека – это постоянно расширяющаяся вселенная, но еще и черная дыра, куда попадает множество стимулов, а извлечь оттуда что-либо очень трудно. Потенциал мозга чудовищно спрессован, огромен, и для его реализации нужны крайние состояния. Выдающимися людьми становятся те, кому удастся не покорить, а освободить эту энергию. Космос в очень большой степени может способствовать этому, и стремления подобного рода – отражение общего ренессанса, который мы наблюдаем последние десятилетия в мире. Возрождение интереса к человеку...

По новым впечатлениям, переживаниям, отношению к окружающим и к самому себе этот необычный месяц кропотливых медицинских обследований – в течение его только рентгеновских снимков мне сделали более трех десятков! – вобрал, наверное, годы жизни. Да, это были уже не мечты. Но еще и не космос. Что-то стоящее посередине. Пожалуй, приближение к космосу, во время которого я испытал неизвестные на Земле ощущения и после которого нас, журналистов, осталось всего четверо.

И я вдруг понял тогда всю ответственность шага, который сделал в погоне за мечтой. И стал с любопытством наблюдать за собой со стороны – так исследователь изучает включенную в уникальный эксперимент мышь. Записывать все подробнейшим образом. Анализировать. И, как настоящий ученый, делать свои открытия.

Глава 3. Его величество Страх

Не верьте, что бывают люди без страха. Если скажут вам, что свободен от него входящий в клетку к тиграм дрессировщик, испытывающий новый самолет летчик или опускающийся в пучину водолаз – не верьте! Потому что чувство это так же естественно для человека, как голод или радость. И дело не в том, есть страх в человеке или его нет. Дело совсем в другом.

Признаюсь, начиная свою космическую одиссею и взирая иногда на себя со стороны, я, несмотря на далеко уже не юношеский возраст, то и дело видел такого бесстрашного супермена. Человека, который с недогнувшим нервом пройдет весь многотрудный, недоступный для многих смертных путь, полный

увлекательных приключений и романтических опасностей и, мужественно преодолев все невзгоды, достигнет поставленной цели. Ну, что поделаться, многие из нас остаются детьми долгие годы. Сладкое ощущение собственного величия подогрели друзья и знакомые, внимательно следившие за моим продвижением к космосу:

– Открутился на центрифуге?! Прошел выживание в Арктике?! Прыгал с парашютом?!

Так с удивлением а, бывало, и с восхищением искренне реагировали они на очередные этапы медицинского отбора и подготовки в Звездном городке. На события, овеянные ореолом романтики и мужества для тех, «кто там не бывал, кто не рисковал». Все это, признаюсь, немножко льстило самолюбию, как-то даже возвышало в собственных глазах. В общем, подогрело представление о себе, как об исключительной личности.

Первый неожиданный звоночек прозвучал в самом начале медицинского отбора, во время крайне неприятной процедуры – гастроэнтероскопии, которую мне никогда раньше не делали. Для тех, кто не знает, объясню. Это такое обследование, когда тебе в желудок – через рот и горло – заталкивают длинный шланг с маленькой телекамерой на конце. А затем с ее помощью осматривают желудок изнутри. Проверяют, нет ли там серьезного повреждения, язвы или поверхностного гастрита – с такими вещами в космический полет нельзя. Ох, и отвратительная процедура!

Так вот, когда преодолел я уже несколько гнусных тошнотворных позывов от скобления шлангом по стенкам замороженной для обезболивания гортани, и камера-зонд начала тупо тыкаться в мой желудок изнутри, рождая неизвестные доселе, крайне неприятные физические ощущения, меня посетило очень странное переживание. В какой-то момент вдруг жутко захотелось изменить неудобную позу лежания на боку. Когда же властно прижимающая меня к кушетке сильная рука санитары дала понять, что никакие ворочания недопустимы, мне и вовсе захотелось скинуть с плеча эту руку, выплюнуть мерзкую резиновую кишку и бежать, бежать подальше от противных ощущений. Но нельзя было делать даже самых легких движений – дело вовсе не в приковавшей меня руке санитары, а в том, что в горле и желудке находился этот дурацкий шланг с зондом. Я привязан им к телевизору, на котором врач рассматривает меня изнутри. И любое мое резкое движение может привести к серьезным повреждениям и прекращению обследования. Невозможность каких-либо движений усилило состояние нарастающей тихой паники. Еще невыносимее стала прикованность к столу. Скорее вскочить, скинуть шланговые путы и прочь, прочь отсюда! Кажется, я всерьез начал терять самообладание и был близок к неконтролируемому поступку. Кошмарная ситуация!

И вдруг на память, о существовании которой я совершенно позабыл в жестокой схватке с действительностью, пришли схожие ощущения от моих первых спелеологических путешествий в подмосковные каменоломни. Когда был я еще восьмиклассником и, преодолевая чрезвычайно узкий подземный лаз, наглухо застрял в его объятиях. Живот мой распластался по ребристому полу, спина уперлась в гладкий потолок, а надо мной – десятки метров земли. Что, если в этот момент сдвинется она хотя бы на десяток сантиметров?! Жуть! Ах, как хотелось тогда тоже вскочить, распрямиться, стряхнуть с себя кошмарный каменный сон. Как близок я был к смертельной панике!

Конечно, в те далекие детские годы я не рассуждал, что делать и как рациональнее выйти из создавшегося критического положения. Инстинкт самосохранения заставил расслабить близкие от чрезмерного напряжения к судорогам мышцы, успокоиться и уйти подальше от провокационных, опасных мыслей. Я весь как-то обмяк, отрешился от создавшейся ситуации. А потом – где на полном выдохе, где на мышечном усилии, ребро за ребром – преодолел-таки коварный лаз. Кошмарные переживания тут же и улетучились.

Но все происшедшее и пережитое в те далекие школьные годы, оказывается, не исчезло бесследно. Оно подобно важной информации на жестком диске компьютера отложилось куда-то в глубокие тайники сознания. И вот теперь – в совсем иной ситуации, других летах – давний мой мальчишеский опыт вдруг сработал, как срабатывает в нужный момент кем-то оперативно включенная самая подходящая программа компьютера. И помог он, этот опыт!

Обретя точку опоры в собственном сознании, я, прежде всего, тут же полностью расслабился. А освободившись от мышечного напряжения, успокоился и в эмоциях. Тяжелое ощущение, которое мучило меня еще минуту назад и чуть не довело до паники, улетучилось. И даже тошнотворные прикосновения шланга внутри гортани перестали вызывать тошноту. Дальше обследование прошло, как по маслу. Через

десять минут, радостный, шагал я по весенней улице. С удовольствием вдыхал мартовский воздух, даже с энтузиазмом думал о предстоящем завтраке и с улыбкой вспоминал происшедшее. Не хотелось относиться к нему, как к чему-то серьезному – так, случайный, глупый эпизод, не более, о котором не стоит и вспоминать.

Однако это повторилось, когда мое пребывание в Институте медико-биологических проблем подходило к концу. Уже были утверждены три журналиста для прохождения подготовки в Центре подготовки космонавтов имени Гагарина, и я был последним, кто мог к ним присоединиться. Все тесты и исследования я прошел удачно, и оставалась одна-единственная проба. Но зато какая! Центрифуга.

Испытание, где в специальной кабине, раскручивающейся с различными скоростями на длинном плече, достигаются любые перегрузки. Врачи не зря планируют ее в самом конце долгого медицинского отбора, когда обследования всех органов и функций завершены и по их результатам можно сказать: этот человек к центрифуге готов. Что еще не значит – он ее пройдет. Но готов – точно!

Итак, трое моих коллег уже открутились на центрифуге. Отзывы были самые противоречивые.

– Ерунда, обычная детская карусель, – резюмировал вечно подчеркивающий свое равнодушие ко всему происходящему вокруг воспеватель летающих тарелок и прочих аномальных явлений журналист из Риги Паша Мухортов. К вечеру после центрифуги он уже успел принять изрядную дозу коньяка и потому был еще более раскован и бесстрашен.

– Да вообще-то ничего страшного... – загадочно лепетала постоянно старающаяся навести тень на плетень Света Омельченко из Москвы.

При этом она более ничего не говорила, а глаза ее испуганно убегали от моего взгляда. Третий открутившийся, неизменно разговорчивый и неутомимый в описывании своих подвигов, киевлянин Юра Крикун при моих вопросах о центрифуге вдруг замолчал, озабоченно качал головой и многозначительно вздыхал...

Когда идешь на что-то неизвестное, то лучше иметь о нем одно представление. Пусть это «детская карусель» или пусть даже тяжеленное испытание, но что-то определенное, от чего можно отталкиваться в психологическом настрое. Этого-то и не было. Я понял, что на чужие оценки ориентироваться не следует. Их можно учесть, а готовиться надо со всей серьезностью к своему испытанию. Именно мне его проходить, и именно я буду завтра один на один с неизведанным.

Первая ступень с перегрузкой в 4 G далась довольно тяжело. Был даже момент, когда неизвестная доселе неимоверная тяжесть настолько парализовала сознание, что я будто отключился на время от происходящего, пропустил несколько контролирующих сигналов и нажал необходимую кнопку невпопад. Позднее узнал, что именно в этот момент сердце мое отреагировало экстрасистолой – внеочередным ударом, которые в большом количестве вызывают особое внимание медиков и могут стать причиной списания. И вот перед второй ступенью – когда после непродолжительного перерыва, в течение которого врач внимательно меня осмотрела, дверца узенькой кабины плотно захлопнулась за ней, и я вновь остался один перед предстоящей двойной перегрузкой – меня вновь охватило пережитое пару недель назад состояние нарастающей паники.

«Это я на 4 G чуть не отключился. А что же будет сейчас, при перегрузке в 6, а потом в 8 G?» – серой тенью мелькнула трусливая мысль. И я опять ощутил горячее желание поскорее покинуть опасное место, в котором был надежно закупорен да, вдобавок, пристегнут к креслу.

Не помню, о чем еще тогда думалось, но состояние мое было крайне тревожное и некомфортное. И вот, когда уже мысли разбегались в стороны как испуганные воробьи с подоконника, сердце начало колотиться с удвоенной силой и все отчетливее становилось знакомое состояние нарастающей паники, я вдруг

совершенно неожиданно вспомнил о своих сыновьях:

– Да как же я им объясню, что не прошел это испытание, успешно преодолев почти весь медицинский отбор? Засыпался на его последнем рубеже, не дойдя даже до старта космического корабля?! И из-за чего – из-за какого-то необъяснимого страха! Да уже только ради них я не имею права отступить...

И, удивительное дело, крепко спящие в ночи Владивостока, за тысячи километров отсюда, мои маленькие Максим и Алеша чудесным образом спасли меня. Я увидел перед собой их лица и... тут же успокоился, сбросил с себя парализующий испуг перед предстоящей опасностью. Перестал думать о ней как о тяжелом испытании, а только – как о серьезной работе, которую надо довести до конца. Не успела центрифуга вздрогнуть, набирая обороты, как я был полностью собран и настроен на испытание. Перегрузки в 6 G, а потом и в 8 G прошли успешно и, что особенно поразительно, куда легче, чем предыдущая, в два раза меньшая, которая наделала в моем сознании такой переполох. Вот чудеса!

Два похожих переживания уже нельзя было отбросить просто так. Я тщательно сравнил происшедшее на медицинском столе и в кабине центрифуги. Сомнений быть не могло. Меня посетил Его величество Страх. «Господи, и это на медицинском отборе, на Земле! А каково же там, в космосе, приходится?» – мелькнуло тогда. Но заветная цель, которая отчетливо выделась мне с первого к ней шага, от этого не потускнела. Скорее, наоборот.

Чудно все-таки устроено наше сознание. Когда с экрана телевизора показывают кого-то в опасной обстановке – ну, например, вылетающего на трамплине лыжника или любителя острых ощущений, бросающегося с высоченного моста вниз с привязанными к ногам резиновыми жгутами, – мы обращаем внимание лишь на внешнюю, героическую сторону происходящего. Более того, нередко мы видим как бы и себя на этом месте, сами на время становимся участниками героического действия. При этом, как правило, не испытываем тех эмоций, которые владеют этими людьми в такой момент. Даже приближенно не испытываем.

Интересно, почему? Может, дело в несовершенстве телевизионных репортажей или неумении ведущего передачи передать соответствующее настроение? Не знаю... Но попробуйте сами подойти к краю этого самого моста (или даже меньшей высоты) или к началу разгона трамплина и представить, что вот сейчас вам надо с него прыгнуть. Уверяю, тут же закружится голова, задрожат колени, и душу заполнит липкий страх. Лучше всего подобное познается на собственном опыте.

Как-то, задолго до всех этих космических дел, на одном из спортивных сборов в Прибалтике, в свободный от тренировок солнечный день я оказался на берегу расположенного рядом с базой живописного озера. Там была прыжковая вышка с площадками на трех, пяти и восьми метрах от воды. Несколько четырнадцатилетних девчушек из эстонской сборной по легкой атлетике резвились на ней, то и дело ныряя в воду со средней и даже верхней площадки. Сверху они, конечно, прыгали только ногами вниз.

Глядя, как эти юные создания спокойно покидают твердь и с веселым визгом парят в воздухе, я тут же заразился их солнечным состоянием. Никогда раньше я не прыгал в воду с высоты более трех метров, но тут эти тоненькие девочки делали это так легко, играючи, что предстоящий прыжок с вышки показался мне совершенно плевым делом. Я подошел к ней, и смело, по возможности грациозно полез наверх.

Находясь внизу, я думал только о верхней площадке, но когда поднялся до пяти метров, то выше почему-то лезть расхотелось. Однако девчонки уже обратили на меня внимание и всем своим видом показывали, что ждут меня наверху. Они дружелюбно улыбались, что-то щебетали на своем языке и манили меня выше. Ну, разве мог я остановиться? Разве имел на это право?

Выбравшись на самый верх и ощущая легкое покачивание всей прыжковой конструкции, я сразу же подошел к краю вышки. Боже мой, что это была за высота! Я увидел вершины высоких елей над окружающим озеро лесом, всю спортивную базу – маленьким игрушечным городком. И где-то неестественно далеко внизу – озеро. Как маленькое блюдце, в которое, оторвавшись от вышки, надо еще попасть! Почему-то захотелось встать на колени, а лучше поскорее отойти от края. Я решительно направился... к лестнице, ведущей вниз.

– Назат-т нель-за, – преградили мне путь к отступлению находящиеся наверху девчушки и с милым эстонским акцентом начали серьезно объяснять почему. – Тут-т такой обичай. Если пот-нялся наферх, то надо уже прыкат-ть...

«Прыкат-ть... Прыкат-ть...» – как эхо повторилось в моем мозгу.

Мог ли я нарушать обычаи и, расталкивая загородивших проход девочек, на виду у всего пляжа, который уже с повышенным вниманием наблюдал, чем закончится занятая сцена, трусливо покинуть подмостки? Я уже обязан, обречен был прыгнуть, даже если бы внизу меня ждала не вода, а асфальт. Потому на сильно дрожащих ногах подошел к жуткому краю и, набрав побольше воздуха (чтобы придавить бешеные удары сердца), неестественно взмахнув руками, со страшным криком (чтобы заглушить охвативший меня страх) сиганул вниз.

Да, все познается на собственной шкуре...

В самом начале занятий в Звездном городке нашу журналистскую группу подробно ознакомили с тем, что ожидает впереди на протяжении полутора лет пребывания в Центре подготовки космонавтов имени Гагарина. Теоретические занятия в классах, на макетах космического корабля и станции. Выживания в пустыне и Арктике. Парашютная и водолазная подготовка. Какие-то термо- и сурдокамеры. Полеты на истребителе. Господи, чего там только не было??

Особый восторг вызвала перспектива попрыгать с парашютом. Кажется, – не у меня одного. Ведь если о полете в космос мало кто мог раньше мечтать из-за недоступности этой профессии для простых смертных людей, то прыжок с парашютом был вполне возможен практически для любого человека, и многие мечтали о нем, как о вполне возможном. Естественно, предстоящие прыжки воспринялись с особым восторгом. Но тогда они были где-то далеко впереди, и кроме сладкой эйфории от предстоящего выхода в небо я никаких других чувств не испытывал.

Прошло время, и вот однажды нам объявили:

– Через две недели ваша группа вылетает в Феодосию на парашютную подготовку. По утвержденному плану каждый должен совершить по десять прыжков. Первые два с принудительным раскрытием. Остальные – затяжные, с открытием парашюта вручную. Перед отправлением туда прослушаете в Звездном несколько лекций и подберете необходимую амуницию...

Таким образом, из далекого, абстрактного и какого-то бесшабашно веселого мероприятия прыжки с парашютом внезапно превратились в очень близкое, реальное и... далеко небезопасное дело. Вот это, все более нарастающее ощущение опасности по мере приближения назначенного срока я запомнил очень хорошо и хочу остановиться на нем подробнее.

Это ощущение подогревали подробные, в деталях, рассказы бывалых военных летчиков и окружавших нас в Звездном городке космонавтов: о выбитых во время прыжков пальцах, сломанных ногах, нераскрывшихся парашютах и прочих ужасах, которые случались с ними или с их знакомыми во время прыжков. Эти кошмарные картины, только перенесенные на собственную персону, травили сознание не только с утра до вечера, но не оставляли меня и во снах. Масла в огонь подлил тренировавшийся тогда в нашей группе бывший гражданский летчик, а ныне космонавт Казахстана Толгат Мусабаев.

– Честное слово, ребята, я не понимаю, как вы собираетесь прыгать и чем это может закончиться! – воскликнул он, узнав о сроках нашей подготовки к прыжкам, и сделал неестественно круглыми свои обычно узко-восточные раскосые глаза. – В ДОСААФе люди месяцами тренируются перед первым прыжком. Детально отрабатывают все его элементы. Подолгу учатся укладывать свой парашют. А вы всего две недели – и в небо. Да еще и затяжные у вас будут... Ну, не знаю, не знаю...

Необычная для Звездного городка, неизменно шумная наша журналистская компания как-то притихла. Ребята ходили молчаливые, какие-то погруженные в себя. Я понял, что не один подвластен тревожным мыслям.

– Настал час расплаты, – мрачно прокомментировал ситуацию мой сосед по комнате, журналист с Украины Юра Крикун, который вообще очень чувствительно относился ко всем испытаниям, угрожающим здоровью и самочувствию.

– Какой расплаты, за что? – удивился я.

– Расплаты за съеденные в летной столовой осетровые балыки и шоколадки... – пояснил Крикун.

Завершающим аккордом стало пришедшее дней за пять до первого прыжка известие, в котором говорилось о несчастье с опытной парашютисткой из США. У нее не раскрылись ни основной, ни запасной парашюты. Она чудом осталась жива – только потому, что упала в болото. Но сильно покалечилась.

А еще за день до отлета моя теща рассказала увиденный ею накануне необычный сон. Будто идет она вдоль какого-то высокого забора, за которым стоит высоченный дом. И на крыше этого дома, у самого края вдруг видит своего зятя. Я ей машу оттуда рукой, а она в ужасе начинает кричать, чтобы я отошел от края крыши. Но вместо этого я вдруг прыгаю вниз и падаю за забором. После чего теща пытается заглянуть за этот забор, дабы увидеть, что же стало с ее несчастным зятем, но ей это никак не удается. И тут она проснулась...

В общем, какой-то сплошной сумасшедший бред вокруг. Но нам-то надо прыгать! Свое состояние в последние дни и часы перед самым прыжком я бы определил, как полушоковое. Нет, я не был совершенно парализован навалившимся, как обязательный дальневосточный туман в июле, страхом – я ходил на лекции и практические занятия по парашютным делам: записывал, запоминал и повторял все необходимое. Но чувство неотвратимо надвигающейся серьезной опасности для жизни не оставляло меня ни на минуту. Оно накладывало неистребимый отпечаток на мысли и желания. В сознании мелькало еще что-то об отсутствии страховки, о моей несчастной семье...

И вот замечательным ранним майским утром мы стоим локоть к локтю на летном поле под Феодосией, подготовленные и полностью экипированные для своего первого шага в небо. Как-то сделает его каждый из нас. Все ли сделают? Инструкторы тщательно осматривают основной и запасной парашюты – правильно ли закрыты их клапаны? – а мы с тревогой следим за стрекочущим и уже рвущимся с земли вертолетом, который понесет нас в небо.

– Направо, к вертолету, шагом марш! – командует старший по прыжковой подготовке подполковник Виктор Рень после короткого инструктажа. И сам спешит по разбегающейся от напора воздуха траве за нашей группой.

Когда я последним из своих коллег-журналистов входил в салон вертолета, то свободным оставалось единственное ближнее к двери место – мои товарищи предусмотрительно расположились подальше от выхода.

– Ой, придется прыгать первому! – молнией пронзила внезапная догадка, но тут же растворилась в потоке прокручивающихся в голове деталей предстоящего прыжка.

Через несколько минут вертолет уже набрал высоту и вскоре вышел в зону выбрасывания. Прямо напротив меня с грохотом распахнулась дверь наружу. Мы летели на километровой высоте со скоростью около ста пятидесяти километров в час. Небо было синее, безоблачное и... очень тревожное. Вдали, чуть ли не на одном уровне с нами едва проступали в дымчатом утреннем солнце вершины Каро-Дага, а далеко-далеко внизу тоненькой ниточкой струилась дорога, ведущая к аэродрому. Нежно зеленели прорастающие овсом поля.

Земля, конечно, была прекрасна в первых лучах набирающего силу солнца. Но она не манила. Это я помню точно! Одетый в легкий прыжковый комбинезон, чувствующий себя в воздухе, по-моему, лучше, чем на земле, Виктор Рень стоял у дверного проема и внимательно смотрел вниз. Неожиданно он повернулся к нам. Взгляд его пронзительных глаз заскользил по притихшим журналистам, и я почти физически ощутил, как каждый съеживался, вдавливался в сиденье и в себя от этого упирающегося в него неотвратимого клинка. Наконец он дошел до меня, сидящего к выходу первым, и на мне остановился.

– Так и есть, – судорожно мелькнуло у меня в голове, – прыгать первым...

В ту же секунду инструктор выбросил в мою сторону палец и поманил к себе. Как рыба на крючке, – а куда денешься?! – поднялся я за этим пальцем и шагнул к проему. Он еще раз проверил мои парашюты, зацепил за трос на стенке фал принудительного раскрытия основного парашюта. Затем положил на мое

плечо руку и, пересиливая шум винтов, прокричал в самое ухо: «Пошел!»...

Ох, как непохожи были мои нынешние ощущения на те давние, розовенькие эмоции, которые переполняли меня, когда я только услышал о предстоящих прыжках?! Тут бушевала буря, настоящий океан чувств. От мрачно черных до ослепительно ярких. Пьянящий восторг от предстоящего долгожданного полета и божественного соприкосновения с небом тесно переплетался с парализующим ощущением страха, реальной сверхопасности для жизни, и освободиться от этих пут было совершенно невозможно.

Утверждают, что вероятность разбиться на парашюте куда ниже, чем попасть в автокатастрофу. В небе у тебя тройная система спасения. Во-первых, выброс основного парашюта – принудительно или вручную. Во-вторых, если это по какой-то роковой причине не произошло, имеется автоматический прибор, который выдернет его чеку на высоте 800 метров, сработав по перепаду атмосферного давления. И, наконец, если все это отказало (что почти невозможно), то на животе у тебя есть запасной парашют, легко открывающийся одним движением руки.

Все это я прекрасно понимал умом, однако ничего не мог поделать с обволакивающим меня страхом, животным страхом за свою жизнь. А вдруг ничего не сработает. Ведь никто не поможет уже, когда со скоростью 50 метров в секунду будешь лететь – нет, свистеть, как говорят опытные парашютисты! – к земле. Но и не прыгнуть я тоже уже не мог. Слишком хотел испытать полет в небе. Слишком далеко зашел по дороге в космос. И еще – что же подумают сидящие за моей спиной и ждущие своей очереди коллеги-конкуренты?! Потому, глядя не на такую страшную далекую землю, а только – в близкое голубое небо, я шагнул в набегающий поток...

На третий день к нам подключилась небольшая ДОСААФовская группа. По их поведению, обращению с парашютом и небом сразу было видно – это очень опытные ребята. И вертолет они покидали значительно позже нас, на большей высоте, поскольку прыгали с большой задержкой раскрытия парашюта. И летали не на неуклюжих, как мы, «утюгах» ДУ-2, а на легких, очень маневренных «крыльях». Мое внимание в этой группе привлекла худенькая, лет двадцати, как мне показалось, девушка. При первой же возможности я подошел к ней и, помня свои неприятные ощущения, стал расспрашивать о страхе.

– Вообще-то, я имею уже более полутора тысяч прыжков... – скромно начала она.

Я был поражен, обескуражен. Боже мой, о чем я ее спрашиваю?! А моя собеседница совсем обыденно, как говорят, например, о съеденном на завтрак, продолжила:

– ...Конечно, боюсь. Страх присутствует до самого выхода из вертолета. Но это естественное состояние в подобной ситуации.

Именно так! Предательское это чувство, которое кого-то сильно расстраивает, кого-то раздражает, а иных вгоняет в стыд или еще сильнее пугает, свойственно человеку, как и любому живому существу. Оно

совершенно нормально возникает при действительной или мнимой опасности для существования. Только в отличие от животных, которые ощущают и реагируют на него инстинктивно, мы, разумные существа, испытываем страх, прежде всего, в более разнообразных эмоциях. И, конечно, человеческий арсенал преодоления страха не ограничивается реакциями бегства, оцепенения или защитной агрессии, которые мы можем увидеть у животных.

Там, где животное, испытывая страх, постарается освободиться от него, просто уйдя от источника страха, мы, бывает, направляем свои усилия на преодоление этого чувства и самой ситуации. Потому что для человека нередко важнее не собственное благополучие, здоровье, а порой и даже сама жизнь, а такое чуждое в мире животных понятие, как достижение поставленной цели. Или защита чести и исполнение долга. Или испытание себя. Обретение славы, наконец. И бесстрашие, всякое отсутствие страха здесь абсолютно ни при чем. Совершенно не испытывающего его человека я скорее посчитал бы психически ненормальным. Именно он подвергает свою жизнь наибольшей опасности в определенной критической ситуации. Потому что страх физиологически готовит любое живое существо к преодолению опасности, выживанию. При этом эмоциональном состоянии в кровь выделяется биологически активное вещество адреналин, которое способствует ускорению проведения нервных импульсов, сворачиванию крови в возможной свежей ране. При этом еще концентрируется внимание, напрягаются мышцы, обостряется мыслительная деятельность.

Поэтому, когда меня спрашивают, боялся ли я, честно признаюсь: «Да, бывало и страшно». И ничего постыдного в этом не вижу. Важно не появление или его отсутствие, а подходящий способ преодоления тревожного состояния с пользой для себя. Где-то расслабиться или отвлечься. Где-то, наоборот, действовать решительно, с полным напряжением умственных и физических сил. А в какой-то ситуации лучшую службу может сослужить разумное объяснение происходящего.

Дополнительный урок в открытой для себя науке о страхе я получил во время первого погружения под воду на глубину около десяти метров, куда мы опускались в специальном скафандре «Орлан» – там, наверху, космонавты работают в нем во время выходов в открытый космос. А здесь – в специальной гидролаборатории Центра подготовки космонавтов – имитируют все возможные операции, предстоящие в открытом космосе, на макете станции «Мир», погруженном под воду.

Сложное и очень умное это сооружение, но похоже оно немного на узкий шкаф по форме человеческой фигуры, где есть все для многочасового существования человека: необходимые воздух, температура, давление. Весит он более ста килограммов. Когда я с трудом втиснулся в его нутро и за мной, как крышка гроба, захлопнулась дверца, подперев ящиком приборов мою спину, я очень близко ощутил себя к загробному существованию. А когда с помощью специального подъемного крана (самостоятельно в такой машине передвигаться совершенно невозможно – даже под водой все передвижения осуществляются с помощью рук) меня погрузили в воду, то где-то на глубине шести метров я вновь почувствовал себя жутко неудобно.

Опять страх, клаустрофобия – боязнь замкнутого пространства? Но позади уже были и центрифуга, и прыжки с парашютом, и тренировки в летном скафандре, и многое другое. Поэтому я по не раз уже отработанному сценарию быстро освободился от накотившего неприятного состояния и начал работать. Передвигаться по макету станции снаружи, открывать изнутри выходной люк и так далее. И вот во время разворота в узком месте внутри станции попал в жуткий распор: ноги уперлись в левую стенку, а плечи и голова в правую – и никакими усилиями мне не удалось из него выйти. К этому времени окончания

работы под водой я успел уже прилично устать, сердце работало на полную катушку, а пальцы рук онемели от постоянных усилий. А тут еще это дурацкое застревание! Вообразите – этакая тройная замкнутость пространства: мало того, что ты в тесном скафандре, но еще и под водой. Да вдобавок – в замкнутой конструкции макета станции. И к тому же застрял в ней! Клаустрофобия в кубе. Специально будешь создавать человеку проверку на преодоление боязни замкнутого пространства – так не придумаешь ничего подобного.

Опять оказался я близок к паническому состоянию. Вновь безумно захотелось поскорее выскочить из тяжелого, стягивающего и делающего меня беспомощным громоздкого скафандра. Я почти готов был забиться в судорогах и звать на помощь страхующих водолазов. У меня была постоянная радиосвязь с руководителем погружения, и при первом моем призыве о помощи, уверен, меня тут же вытащили бы откуда угодно. Но это было бы, если не поражением, то каким-то отступлением – это точно. Прежде всего, перед самим собой. И мой искушенный в подобных испытаниях мозг нашел нужное, совершенно новое для меня в подобных ситуациях решение. В какой-то момент этого тяжелого испытания я вдруг реально представил себя в открытом космосе (ведь именно для этого мы и готовились под водой в «Орланах»), где этот скафандр – единственное место спасения от чуждого и смертельного для человека разреженного пространства.

«Да это же мой единственный, желанный и прекрасный дом в этом мрачном мире безмолвия и смерти для всего живого, – не убеждал я себя, а то ли вживлял в свой мозг, то ли заклинал сам себя, подобно шаману. – Я же должен не рваться из него наружу, а наоборот, сживаться с ним, как с чем-то очень родным и близким. Он – лучший мой друг здесь...».

И опять произошло чудесное превращение. Первое – я поверил в собственное внушение. После чего неуклюжий, сдавливающий со всех сторон и еще минуту назад ненавистный тесный скафандр вдруг и впрямь стал для меня желанным другом, на которого только и можно положиться. Помню, в порыве искренней благодарности я, подобно разомлевшему от удовольствия коту, даже потерял о его выпуклое стекло своим вспотевшим лбом. Все страхи улетучились, я совершенно успокоился, затих на несколько секунд. А затем, вдобавок еще и отдохнув физически, не спеша пошарил вокруг взглядом, заметил какую-то скобу и, дотянувшись до нее рукой, вырвался из предательского распора. Остальные операции этого погружения прошли спокойно и успешно.

Между прочим, двоих из нашей группы сняли с первого же погружения: одного – из-за чрезвычайно высокого пульса, другого – из-за неожиданно появившихся перебоев в сердечном ритме. Не знаю, что уж там произошло, но с такой физиологией работать врачи не разрешают. Думаю, это у них было нечто похожее на то, что и у меня, но они, видимо, не сумели найти выход из сложившейся необычной психофизиологической ситуации. Так что состояния эти – не шутки и в определенные моменты могут поставить под угрозу не только выполнение какой-то задачи, но и саму жизнь. Что, кстати, и бывало во время работы на орбите некоторых космонавтов.

Глава 4. Самое трудное на земле

Кузница советских космонавтов встретила нас 1 октября 1990 года золотом листвы на многочисленных деревьях живописного Звездного городка, стремительным уменьшением всего и вся на прилавках местных магазинов и увеличением количества иностранцев на его улицах и в учебных классах...

Мы – это шестеро журналистов-кандидатов на космический полет, прошедшие все этапы отбора и

допущенные Государственной комиссией для общей космической подготовки в ЦПК имени Гагарина. Четверо гражданских: Светлана Омельченко из московской газеты «Воздушный транспорт», Павел Мухортов из рижской газеты «Советская молодежь», Юрий Крикун с украинского телевидения и автор этой книги, в то время собкор «Литературной газеты» по Дальнему Востоку – за время совместного прохождения двух этапов медицинского отбора в Институте медико-биологических проблем успели довольно-таки сносно познакомиться друг с другом. И еще с нами на подготовку попали два военных журналиста: полковники Валерий Бабердин и Александр Андриюшков, – оба представляли всесоюзную армейскую газету «Красная звезда». Мы их плохо знали, поскольку медицинский отбор они проходили в специальном военном госпитале, где обследуются все военные летчики, претендующие на высокое звание космонавта. И хотя все считали их появление в нашей компании данью Министерству обороны, без которого вряд ли обходился хотя бы один полет в космос, нам было точно известно, что на их долю пришлось куда больше испытаний, поскольку к военным их медики предъявляют более высокие требования и ни для кого не делают послаблений.

Я был абсолютно не согласен с такой толпой, отправленной на подготовку к столь серьезной миссии, как первый визит в космос гуманитария, которым по этому замыслу должен был стать советский журналист. Тут как раз тот случай, когда больше – не есть лучше. Вполне хватило бы и двух человек, как это стало нормальной практикой у всех зарубежных участников полетов на советских космических кораблях. Двое готовятся по одной, заранее утвержденной программе, а незадолго до полета (который, кстати, во всех коммерческих проектах с участием иностранцев известен еще до начала их подготовки) по итогам подготовки и соображениям фирмы, заплатившей деньги, утверждается основной и дублирующий участник предстоящей экспедиции. Да и денег государственных (точнее, народных) было очень жаль – ведь подготовка в Центре космонавтов одного человека стоила не менее миллиона долларов! Ну, на крайность, в нашем случае можно было бы оставить трех человек. Наше же журналистское руководство решило остановиться на цифре шесть. В первую очередь потому, что в свое время Сергей Павлович Королев, тоже мечтая о полете в космос журналиста, отобрал именно такое количество кандидатов. К сожалению, тогда дело не дошло даже до подготовки в Звездном городке. Так что поначалу мы шагнули существенно дальше.

И все же нынешний проект полета в космос первого советского журналиста с самого старта пошел не по тем рельсам. Во-первых, он вообще стал возможным благодаря затевавшемуся коммерческому полету японского репортера и поднятому в этой связи в нашей прессе большому шуму. О несправедливости, неуважении к своим журналистам и тому подобном. А когда что-то затевается только в противовес уже существующему, удачи, как правило, не жди. Во-вторых, он принципиально строился не на коммерческих, а на каких-то эфемерных началах – на требованиях от разваливающегося советского государства обеспечить и подготовку в Звездном городке, и сам этот полет совершенно бесплатно.

Самое изумительное – а может, и самое опасное, что в итоге и сыграло решающую роль в провале прекрасной идеи, – наше правительство и даже сам тогдашний Президент СССР М. Горбачев во всеуслышание пообещали его осуществить. Причем последний публично заверил, что наш полет состоится раньше японского.

В-третьих, несмотря на существование огромной специальной Космической комиссии Союза журналистов СССР (во главе с весьма уважаемым «правдистом» и известным писателем Владимиром Губаревым), наш проект не имел никакой программы работы журналиста на орбите. Я уже не говорю о том, что фактически отсутствовала главная, стратегическая цель такого полета, из которой, кстати, и должна была родиться его рабочая программа. Вместо этого была масса ни к чему не обязывающих деклараций, заявлений. Даже возникло некое акционерное общество под трогательным и интригующим названием «Космос – детям», которое собирало какие-то деньги под грядущий полет, набирало спонсоров, проводило благотворительные акции по доставке пострадавшим в Чернобыле детишкам... кокосовой скорлупы. Но я так и не сумел до конца понять, что же подразумевалось под загадочным названием: то ли это какая-то кампания, призванная сделать нечто для детей в процессе подготовки к полету, то ли – во время самого полета. То ли таким образом предполагалось привлечь внимание мировой общественности к космическому пространству как будущему месту проживания или пребывания там детей... Ну, а в отношении самого полета, насколько я понял, намечалась простая рабочая командировка на орбиту советского журналиста. Чтобы он, значит, там побывал, увидел ратные подвиги и суровые будни доблестных космонавтов, а потом

все это воплотил бы в своих нетленных творениях на Земле. Ну, и между делом заработал бы, если получится, какие-то деньги для общей пользы (в первую очередь за счет рекламы, на которую очень рассчитывали с помощью планируемого грандиозного общемирового телемоста, куда уже будто бы удалось заполучить Тэда Тернера вместе с его телекомпанией CNN).

Между тем, как-то совершенно забывалось, что этот полет, если он состоится, станет первым посещением космоса представителем гуманитарной профессии. Ведь до сих пор, в числе побывавших там значились только военные летчики, конструкторы космической техники, врачи и представители естественных наук. А попытка прорыва в космос первого гуманитария, американской учительницы Кристи Макколифф, закончилась страшной трагедией на старте «Челленджера», унесшей вместе с ней жизни еще шестерых человек.

Моя личная программа учитывала этот исторический факт. Но он был не главным в моем стремлении в космос. Я был глубоко убежден (нахожусь на этих позициях и поныне), что к настоящему моменту человечество вступило в принципиально новую фазу своего существования. Она связана с тем, что в своем историческом и техническом развитии наша цивилизация стоит уже на пороге выхода за пределы своей колыбели – Земли. Этот процесс начался с середины нынешнего века: с запуска первого спутника, полета первого человека. Первого выхода в открытый космос, шага на другое космическое тело... Все это уже случилось на нашем потрясающем веку, но именно сейчас наступает пора массового выхода человечества в космос. В самом деле, попробуйте посчитать, сколько людей побывало уже там, сколько специальностей. Не счесть! И представитель гуманитарной профессии уже готов был сделать этот замечательный шаг, но трагедия (неотвратимая спутница всего нового) помешала свершиться историческому событию. Недалек тот день, когда полет в космос будет доступен каждому желающему. В ближайшее время все будет упираться лишь в некоторые обязательные медицинские показатели и... деньги. Но со временем, уверен, и здесь все станет куда более демократичным. Так что технически и биологически человек к этому готов.

Однако не произошло самого главного: он не осознал этот важнейший момент своего пути философски и нравственно. А подобные вещи всегда познаются обществом с помощью гуманитариев. Писателей, философов, учителей, журналистов. Ибо именно они, в силу своей профессии, в состоянии личные переживания, наблюдения, опыт обобщить с существующими уже и сделать доступными, понятными каждому. Так что главной задачей журналиста, точнее, его сверхзадачей во время полета в космос должна была стать эта высокая и ответственная цель: всеми доступными ему средствами донести до человечества эту правду о нем, о его новом, космическом состоянии.

Какие доступные способы? Профессиональное обращение с фактами, словом, ассоциациями – весь тот арсенал журналистского искусства, которым я овладел за годы работы в «Литературке». Конечно, если бы меня тогда напрямую спросили: «И о чем же ты думаешь писать, слетав туда? Как вообще можно решить такую непосильную задачу?», я не смог бы ответить ничего конкретного. Но дураку же ясно, что для такой работы нужен материал (факты, ощущения), и только имея его перед собой или в своей голове, ты начинаешь его осмысливать, переваривать. А вслед за этим рождается нечто, чего не знаешь, чего не дано знать заранее. Что является особым предметом творчества. Кстати, у меня был весьма показательный пример из собственной практики на этот счет.

В первый же месяц работы в «Литературной газете» мой шеф, заведующий отделом науки Олег Мороз дал необычное задание. Детально разобраться с прогремевшим тогда на всю страну сенсационным сообщением в одной из самых читаемых советских газет об обнаружении в горах Туркменистана «пещеры мумий» и подготовить об этом серьезную и интересную статью.

– Мое журналистское чутье подсказывает, что это типичная утка, – выразил свое отношение к сенсации мэтр научной журналистики, – и ты должен досконально все это расследовать. А если потребуется, то спуститься в саму пещеру...

Я договорился о включении меня в состав научной экспедиции ленинградских археологов, выезжающих в те края, и мне, вопреки всем существующим в редакции правилам, была выписана командировка на целый месяц в Кугитангские горы. Олег Мороз напутствовал меня такими отеческими, но в то же время ко многому обязывающими словами:

– Видишь, какое доверие тебе оказано редакцией! Понимаешь, какие надежды связаны с твоей командировкой? Должен привезти такую статью – чтобы ложка стояла!..

Говорил он это с какой-то шутиливой серьезностью, но меня прошиб озноб от повисшей на мне высочайшей ответственности. Тем более, что я был тогда никому не известным журналистом, только что принятым на работу в такую серьезную и престижную газету. А тогда, в 1984 году, поверьте, «Литературка» была именно «такой» газетой... Такой, что дух захватывало от перспективы появиться со статьей на ее страницах, – это было и очень престижно, и очень сложно. От предстоящей поездки, будущей статьи зависела моя дальнейшая карьера в этом издании и в какой-то мере – вся моя журналистская судьба.

Но что же такого я должен написать? Что вообще тут можно написать, чтобы люди не могли оторваться, читая мое произведение? По плечу ли мне это? Найду ли факты, на которых это будет возможно?..

В таких вот мыслях, полный сомнений и недоверия к самому себе, отправился я в ту судьбоносную для меня командировку. А потом... Потом была ни с чем не сравнимая поездка через всю Туркмению, работа в фантастических горах, встречи с удивительными людьми и поразительными фактами. Человеческие странности, подлости и великодушие. Первая неудачная попытка штурмовать пещеру и, наконец, – спуск в семидесятиметровую бездну с профессиональными спелеологами. И возвращение в Москву с полными блокнотами и магнитофонными кассетами записей. Они стали для меня не просто материалом для двух больших газетных статей, но и целым миром, который я вобрал в себя и который обогатил меня, как самая великая драгоценность. Ну, и, конечно, – огромная, на целую полосу первая моя статья в «Литературной газете»... Впрочем, не об этом сейчас речь, а о том, что в этой профессии, как и во многих других творческих профессиях, результат никогда не виден в начале дороги. Он создается со временем, с проникновением в суть предмета, с накоплением фактов и ощущений, которые, помноженные на добросовестно исполненное ремесло, обязательно дают результат. Какой – это порой бывает не ясно до самого последнего шага. Но тем важнее и интереснее пройти этот путь.

Простите, я слишком отвлекся. И, кажется, увлекся собственными идеями о смысле полета в космос журналиста. Наверное, не очень понятными и, уж, во всяком случае, чрезвычайно амбициозными. Но, клянусь всеми святыми, именно эти соображения, а не желание славы или сверкающей звезды Героя на грудь, руководили мной от начала и до конца всей звездной эпопеи. Быть может, именно поэтому и не состоялся мой космический полет?..

Но, как бы там ни было, все описанные странные, но совершенно отчетливые мысли вдруг посетили меня, когда появилась реальная возможность полета в космос. То опять был некий фантастический духовный прорыв, когда будто кто-то свыше овладел моим сознанием, а потом водил моим пером, и они не оставляли меня во время всей космической одиссеи. Свои мысли я изложил в довольно длинном письме в Космическую комиссию Союза журналистов – в ответ на просьбу оттуда для участия в творческом конкурсе ответить на один-единственный, чрезвычайно простой вопрос: «Зачем я хочу лететь в космос?». Я был далек от мысли, что мои идеи должен будет взять за основу своей работы любой из шести журналистов, которому вдруг посчастливится оказаться в космическом корабле, а затем и на станции «Мир». Просто очень верил, что им буду я. Поэтому никому их не навязывал, а, все более и более погружаясь в жесткий ритм жизни Центра подготовки космонавтов, спокойно намечал детали своей будущей работы в космосе. Например, держа в уме планируемый во время нашего полета телемост между космической станцией и разными странами, разрабатывал план обсуждения на нем выживания на Земле малочисленных народностей, о проблемах которых писал в своих статьях с Дальнего Востока. Обдумывал возможную дискуссию о перспективах объединения религий на планете. А еще всерьез намеревался исполнить с орбиты очень подходящую для космического полета песню известного московского барда и давнего моего друга Виктора Луфурова, начинающуюся словами

*«Скрипит Земля, как старый дилижанс,
И Млечный Путь теряется вдали,
А волны времени то к звездам бросят нас,
То спрячут нас надежно вглубь Земли...»*

для чего брал у него уроки игры на гитаре этого довольно сложного произведения и репетировал, репетировал в Звездном в свободное от занятий время.

Наивный человек... Кому все это было нужно?!

В первый день пребывания в Звездном городке нам показалось, что нас тут не очень-то ждали. Поскольку никто не предупредил с вечера о завтрашнем дне – мы элементарно не знали, куда нам идти и, как дураки, сидели в профилактории космических экипажей, ставшем на долгое время нашим домом здесь. Часа через полтора выяснилось, что нас ждут уже в отряде космонавтов. Это было очень странно, поскольку никто из нас не знал, где же находится этот самый «отряд». Вскоре, впрочем, все разъяснилось, но какое-то гнетущее ощущение не покидало меня весь день. Оно отступило лишь к вечеру, когда нас стали знакомить с членами отряда космонавтов (летавшими и только готовящимися к полету летчиками и бортинженерами, находящимися на разных этапах подготовки), когда я увидел живые глаза и явный интерес этих людей к нам.

Вскоре мы познакомились со своим расписанием на первое полугодие, некоторыми преподавателями и прекрасными спортивными возможностями, которые предоставлял центр подготовки для членов отряда космонавтов. Да, чуть было не забыл главное место, куда нам приходилось являться по три раза на день. Летная столовая! С неизменным разнообразием меню, доброжелательными официантками, шоколадками и даже, порой, ухой из стерляди и балыками из осетрины. А в конце первой недели объявился даже замполит отряда космонавтов. Он подтвердил, что мы стали полноправными членами этого элитарного и мало известного обычным людям сообщества. С вытекающими отсюда некоторыми обязанностями и некоторыми благами. Последние касались права получения раз в неделю специальных продуктовых заказов с набором куда более богатым, чем в местных магазинах – что было весьма кстати в эпоху исчезновения с прилавков всякой еды. Замполит велел всем партийным сняться с учета по месту работы и встать здесь. А под конец встречи достаточно ненавязчиво и дружелюбно объяснил, как нам надо подходить к написанию каких бы то ни было статей отсюда.

На состоявшемся вскоре УМО (углубленном медицинском обследовании – их предстояло проходить каждые три месяца) врачи отряда объяснили, чем наше нынешнее положение принципиально отличается от того, в котором мы находились до Звездного:

– Поймите, здесь никто не думает о вашей «отбраковке», как, возможно, было при медицинских отборах. Наоборот, коли попали на подготовку, то это уже говорит о ваших высоких кондициях. И наша задача, как и ваша тоже, сохранить их и приумножить к предстоящему полету. Поэтому, здесь надо спокойно заниматься своим делом, ничего не скрывать от врачей, а если возникают какие-то проблемы со здоровьем, то лучше как можно быстрее решить их вместе с нами. Отныне вы не совсем принадлежите себе. На вас работает огромное количество людей, затрачиваются большие средства. И нужно сделать все для того, чтобы все это не оказалось впустую из-за какого-нибудь пустяка...

В справедливости сказанного я имел возможность убедиться потом не раз, но особенно врезалось в память одно чрезвычайное происшествие. Примерно через год после начала подготовки нам предоставили почти двухмесячный отпуск, который я решил провести на Дальнем Востоке, чтобы не оторваться от жизни «своего» региона: поехать по нему и написать оттуда несколько больших статей для «Литературки». Все шло отлично, но недели за две до возвращения в Звездный я здорово приболел. Начались жуткие боли в горле, ломота в суставах, шее, пояснице. Врач поставил «фолликулярную ангину» и прописал полный покой. Неделю провел дома, но болезненное состояние не отпускало, и я решил: все, баста! Как нередко поступал в подобных случаях, начал бегать кроссы... затем – баня с ледяной ванной... Ан нет! Ничего не прошло, а накануне отлета в Москву отключилось еще и правое ухо.

Через три дня возобновлялись занятия в Звездном. Я приехал туда, так окончательно и не вылечившись, но вроде бы стал лучше себя чувствовать. Днем даже провел полчаса на силовых тренажерах, поплавал в бассейне, посидел в сауне, а ночью... Готовясь ко сну и слегка кашлянув, вдруг ощутил во рту непривычный сладковатый привкус. Ничего еще толком не понимая, подошел к раковине и, когда сплюнул туда, чуть не упал в обморок. Белоснежная раковина окрасилась в интенсивно алый цвет моей крови. Надеясь, что она из зуба или десны, я выдохнул интенсивно, сплюнул – и новая порция крови из дыхательных путей ушла в сливное отверстие. При этом я четко услышал какое-то бульканье в груди. То ли в легких, то ли в трахеях или бронхах.

Боже мой, как я перепугался! Ну, как и положено мужчине, да еще и будущему космонавту... В этом судорожном состоянии забылся тревожным сном, но часа в четыре ночи кровь повторилась. Тут я уже

окончательно понял, что это... конец, подготовка и полет в космос завершены, и как-то тупо и обреченно начал собирать вещи в больницу. Если, конечно, останусь жив к утру. Часов в семь позвонил сначала домой своей теще, врачу-педиатру – она посоветовала сделать анализ на туберкулезную палочку. А затем – нашему врачу в ИМБП, Ларисе Михайловне Филатовой. Уж не знаю, какой у меня был голос, но она, кажется, прониклась серьезностью ситуации и начала морально готовить меня к очень неприятной процедуре бронхоскопии. Подтвердила, что готова положить меня в стационар института хоть сегодня, но все же посоветовала сначала обратиться к врачам Центра.

По дороге в медицинский корпус (естественно, ни о каких занятиях я уже не думал – ведь собраны были все вещи для эвакуации из Звездного) я вспомнил еще свою маму, умершую в 56 лет из-за хронической болезни легких, и в кабинет главного терапевта Владимира Александровича Махалева входил, готовый ко всему.

– Это у тебя просто какой-то сосуд в легких лопнул, – спокойно, будто речь идет о какой-нибудь занозе, прокомментировал ситуацию терапевт. – Наверное, перенес инфекцию, напрягся чуть больше обычного при кашле – вот он и не выдержал...

– И что же мне теперь делать? Что со мной будет?.. – начал я, не веря его невозмутимому тону и ожидая немедленной команды «в больницу!»

– Да не надо ничего особенного делать. Только анализ крови на РОЭ сдашь, а там – посмотрим...

РОЭ вместо 3–5 оказалось целых 16! «Ого-го, – думаю, – туберкулез, как минимум». А он: «Вот видишь... Инфекция, о чем я и говорил... Она еще тебя не отпустила. Придется немного полечиться». И, выписав какие-то лекарства от ОРЗ, посоветовал несколько дней поменьше заниматься спортом, а больше – отдыхать...

Через три дня я уже работал в космическом скафандре «Орлан» под водой на макете станции «Мир», и это, одно из самых необычных и трудных испытаний, прошло для меня более чем успешно. Впрочем, я сильно забежал вперед, а в первые недели в Звездном меня волновали совсем другие проблемы.

«Отныне этот необычный, почти недоступный для простых смертных мир, станет на долгое время моим... Я должен буду подчиниться его ритму, законам. Передо мной открываются потрясающие возможности физического совершенствования, испытания таких эмоций, о каких невозможно было даже мечтать. Я имею уникальную возможность исследовать самую необычную и закрытую сферу человеческой деятельности, начинающуюся на Земле, но направленную от нее... Мне необходимо будет максимально погрузиться в эту жизнь, стать органической частью ее. Но в то же время полностью сохранить себя как профессионала-журналиста, остаться самим собой, несмотря на жесткий пресс этого мира, его внутреннее устройство, направленное на подчинение каждого индивидуума, попавшего в его объятия...»

Так думал я, идя по утрам живописной аллеей из профилактория к учебным корпусам, переходя из аудитории в аудиторию, от теории полетов и космической навигации к физподготовке и системе йоги с медитацией. И чувство эйфории от прикосновения к чудесному миру, ведущему меня к высокой мечте, время от времени сменялось неприятным гнетущим ощущением привязанности к Звездному на довольно длительный срок. Стремительной птицей вдруг мелькала мысль о недавней свободной жизни и работе на Дальнем Востоке, но в конце концов все «устаканивалось». Я убеждал себя, что в любой момент могу отсюда убраться, и на этом недолгий конфликт с самим собой заканчивался. После чего я с повышенным

вниманием и интересом бросался к новой дисциплине. Ну, например, основам ЭВМ и персональным компьютерам, которые тогда были советским журналистам в новинку.

Недели через три вдруг пришло ясное ощущение несоответствия того, что я здесь получаю, с тем, для чего сюда пришел. Это было не только у меня, но, похоже, у всех «гражданских» журналистов. Верхней точкой перелома, пожалуй, можно считать робкий вопрос Светы Омельченко на одном из занятий по теории полетов пилотируемых космических аппаратов, когда преподаватель методично разъяснял очень далекие от журналистики вещи да еще заполнял доску всевозможными формулами и расчетами.

– Простите, а что такое «тангенс»? – как бы между делом спросила она.

И вдруг, увидев, как прекратил лекцию молодой капитан и застыл в немом ужасе от такого, по его мнению, невежества, и чтобы как-то смягчить произведенный этим вопросом неожиданный эффект, слушательница, кандидат в космонавты, спокойно добавила:

– Да вы не волнуйтесь так. Я все-все понимаю, вот только про тангенс мне расскажите...

Это было, конечно, смешно – не знать проходимого еще в школе отношения двух катетов прямоугольного треугольника, – но не надо забывать, что та же Светлана окончила школу почти двадцать лет назад, и все мы были чистыми гуманитариями. А я, хотя и имел первое биологическое образование и даже сдавал в свое время в университете высшую математику и физику, но тоже очень быстро ощутил на себе жуткий пресс запредельного для моих мозгов обилия технической и прочей космической информации. Порой, в попытке понять, разложить по своим гуманитарным полочкам в мозгах доносимые до нас тонкости системы управления движением космического аппарата или принципы работы бортового вычислительного комплекса дело у меня доходило до скрипа зубов, слез из глаз и настоящего психического ступора. Мне довелось закончить два университета по различным специальностям, но никогда, никогда не приходилось работать с таким напряжением, как это было в Центре подготовки космонавтов!

Со временем я, конечно, начинал разбираться во всех этих умопомрачительных сложностях все больше и больше, мозги как-то перестраивались на новый способ работы, но все это давалось высокой ценой. Например, у меня практически не оставалось времени для журналистской работы. Я не мог заниматься своей профессиональной деятельностью вечером после лекций из-за очень приличной усталости. Эмоций хватало только на ведение дневника, а заранее поставленные творческие задачи все отодвигались и отодвигались на «потом». Это порождало массу вопросов и внутренних сомнений.

«Да, наверное, можно постичь все эти премудрости управления космическим кораблем, освоить приемы звездной и солнечной навигации, досконально разбираться в системе бортового обеспечения электроэнергией. Но каких это потребует жертв и изменений моего сознания, мышления? Если через два года я стану профессиональным космонавтом, то останусь ли профессиональным журналистом? Сохранится ли у меня особо ценный в моих журналистских замыслах взгляд на космическую деятельность – взгляд наблюдателя со стороны – или я сам превращусь в винтик этой сложной машины. Так что на вопрос „Ну, как там, в космосе?“ буду недоуменно пожимать плечами, не понимая, что такого особенного хотят от меня услышать и что поразительного можно рассказать об обычной человеческой работе?»

Задавая себе эти и другие, не менее сложные и острые вопросы и пытаясь дать на них ответы, я невольно снова вспомнил одно из первых своих посещений Звездного городка. Когда меня вместе с несколькими другими журналистами привезли сюда из ИМБП для особых медицинских обследований, и где-то между кабинетами врачей нам удалось поговорить с только что вернувшимся из полета бортинженером Александром Серебровым.

– Что самое трудное, на ваш взгляд, в космической подготовке? – спросил его тогда кто-то из нас, имея

в виду перспективу в скором времени оказаться в Звездном на его месте и знать к чему готовиться.

Он надолго задумался, а потом вдруг сказал совершенно неожиданное:

– Пройти все это. Ведь тут стольким людям надо на хлеб зарабатывать, и каждый из них норовит как можно больше в тебя своего впихнуть, чтобы доказать свою необходимость в Центре. От этого просто дуреешь. И полет в космос становится освобождением от этой пытки...

Тогда я не понял его странного ответа. А вот теперь начал ощущать все это на собственной шкуре. Мучительная пытка, не сравнимая ни с какими физическими нагрузками и испытаниями.

Хотя я ни с кем из коллег не делился своими сокровенными переживаниями, но, похоже, они тоже испытывали нечто подобное. Во всяком случае, мы несколько раз всем нашим небольшим коллективом обращались к руководству ЦПК с просьбой изменить наш учебный план. Убрать или сократить до ознакомительного объема специальные, технические дисциплины и дать нам больше практических занятий на макетах станции и корабля, а также освободить хотя бы день для своих профессиональных занятий. Нас внимательно выслушивали, кивали в ответ, что-то и впрямь менялось. Но все равно я очень хорошо помню, что до последнего дня продолжался этот суровый, невидимый бой за сохранение себя как личности со своими взглядами на все происходящее в этом необычном мире, как профессионала-журналиста, готовящегося в космическую экспедицию с особой, гуманитарной миссией. Но даже не это оказалось самым трудным в долгом «космическом» пути. О нем чуть позже.

Вообще, я могу представить ощущения местных преподавателей, в основном военных, от соприкосновения с вольными журналистами. И немного посочувствовать им. Ведь они-то привыкли иметь дело с военными летчиками, инженерами закрытых КБ да немногими врачами, которые попадали сюда по своей профессиональной принадлежности к космическим проблемам и были, прямо скажем, людьми подневольными. Мы же – совершенно иное дело. Во-первых, чтобы попасть сюда впервые в истории нашей страны мы прошли открытый всесоюзный конкурс. Во-вторых, были ужасно далеки от техники и любой математики. В-третьих, как я уже говорил, привыкли к довольно-таки вольному существованию.

Наша разношерстная компания, несомненно, привлекала к себе особое внимание и вызывала противоречивые эмоции, поскольку мы вносили в устоявшуюся годами и десятилетиями размеренную и закрытую жизнь военной организации мало знакомые ей элементы свободной, независимой жизни. Я бы сказал, что мы стали проводниками вовсю бушевавшей снаружи демократии в этот особый военно-космический мир. И, как эта самая демократия несла обществу массу хорошего и не очень хорошего, так же, думаю, и мы не всегда представляли в глазах местных обитателей в лучшем свете и являлись для них безоговорочным примером.

Как во всякой военной организации, в Звездном городке все было расписано натурально по минутам. Начало первой лекции в 9.00 – и преподаватель появлялся в учебном классе именно в это время. В крайнем случае, – чуть раньше. Но наша гражданская компания не привыкла жить в таких строгих рамках, и если поначалу графики еще как-то выдерживались, то постепенно – то там, то здесь – начинались сбои. Наши лекторы сносили подобное стойко. Во всяком случае, не припоминаю ни одного упрека по этому поводу. Я очень переживал любое опоздание, поскольку считал, что доставляю этим военному человеку особые переживания. И вот, как-то спешим мы с киевлянином Юрой Крикуном в очередной раз на лекцию. Опаздываем, естественно. Подходим к лестнице, и я бегом бросаюсь вверх, на четвертый этаж.

– Подожди, – осаживает меня Юра, при этом явно не смертельно задыхается от усилий, – куда так гонишь?

– Да ведь опаздываем... Уже минут пять с начала занятия прошло. Неудобно перед преподавателем.

– Ничего, пусть привыкают...

Привыкать приходилось всем: им – к нашему поведению и чуть ли не нулевой технической подготовке, нам – к местным порядкам и требованиям учебного плана. Худо-бедно, но мучительный процесс этот не стоял на месте.

Однако случались вещи, к которым привыкнуть было невозможно. Они обрушивались подобно снегу среди теплого лета и вносили невообразимое смятение в сознание. И заставляли всерьез задумываться о целесообразности дальнейшего пребывания в Звездном.

Получилось так, что практически одновременно с моим переездом в Центр подготовки космонавтов моя жена отправилась на длительную стажировку в Англию, которая должна была продлиться почти год. Перспектива столь длительной разлуки вносила, конечно, определенную нервозность в первые, и без того тяжелые, недели вхождения в ритм учебной космической жизни. Да еще постоянные проблемы со связью: ни туда, ни оттуда невозможно было позвонить близкому, но находящемуся очень далеко, в другом мире, человеку – услышать ее голос, перекинуться хотя бы парой слов. Потому мы решили, что через месяц-полтора я ненадолго приеду в Лондон, тем более что на грядущие ноябрьские праздники выпадала чуть ли не целая свободная неделя...

Эту поездку я, естественно, собирался использовать и для журналистских целей – потому через знакомых была договоренность с известной в Англии газетой «Гардиан» об официальном приглашении редакции посетить Лондон, подготовить для них статью об одной из актуальных проблем Дальнего Востока. Речь шла о ситуации с Южными Курилами и отношении жителей островов и самой Японии к будущему этих спорных территорий – буквально накануне начала занятий в Звездном городке мне посчастливилось побывать и на этих наших островах, и на японском острове Хоккайдо. Одновременно я планировал провести широкую кампанию по привлечению средств массовой информации других стран к первому полету журналиста в космос. Тем более, что за несколько дней до получения английской визы ко мне обратились старые знакомые из японской газеты «Хоккайдо симбун» с предложением начать через их газету открытую переписку с японским ученым, готовящимся в США к полету на американском шаттле. Это была потрясающая возможность расширения моей идеи об осмыслении выхода человечества за пределы Земли – я прекрасно понимал, что для ее реализации меня одного не хватит и нужно опираться на опыт, взгляды, чувства других людей. И на следующий же день после их предложения мое письмо японскому коллеге, кандидату в космонавты на другом конце планеты, было готово.

Задержка приглашения из «Гардиан» и получение английской визы изрядно помотали нервы, но, в конце концов, буквально за два дня до вылета, авиабилет до Лондона на 10 ноября 1990 года был у меня в кармане. Несмотря на все свое свободолюбие и независимость во всем, я прекрасно понимал, что нахожусь сейчас на особом положении и потому приложил все усилия, чтобы официально оформить свое довольно длительное отсутствие на занятиях в Звездном. В бестолковой предпраздничной суете с огромным трудом разыскал нашего журналистского босса, Владимира Губарева, и неожиданно легко получил от него «добро» на отъезд. Гораздо сложнее было в Центре. Начальника подготовки генерала Шаталова и командира отряда космонавта Волкова не оказалось в городке, и по неукоснительно соблюдающейся тут субординации я обратился со своей просьбой к его заместителю, космонавту Анатолию Березовому. Написал длинное заявление с изложением сути обращения и планируемого отсутствия. Тот принял мое заявление, пообещал передать его начальству и пожелал счастливого пути...

Надо же было такому случиться, что возвращался я из Лондона в Звездный в тот самый день, когда с советского космодрома Байконур, на советской ракете «Союз» стартовал в космос японский журналист – 47-летний репортер из частной телекомпании Ти-Би-Эс Тояхиро Акияма. Не знаю, как у других, но у меня состояние было гнуснейшее. От бессилия перед тупой и глупой несправедливостью, которая была допущена не ко мне лично, нет! – ко всем советским журналистам, ко всем нашим людям – этим нагло, цинично проданным полетом. Господи, сколь наивен я был тогда в своем возмущении поведением

государства в отношении к своим гражданам. Какие это были еще цветочки по сравнению с теми ягодками, которые ждали страну через несколько лет!

Но в то время происшедшее сильно шокировало. Я не могу сказать, что для меня все рухнуло, но предстоящий наш полет и оставшаяся подготовка к нему уже не вызывали былого энтузиазма, острого желания пойти на все и пережить любые трудности на ожидающем меня пути. Это был если не удар по голове, то плевков в лицо – точно. От физической боли можно было отвлечься, забыть ее. В конце концов, она проходит, а вот моральное унижение не сотрешь никакими способами – с ним надо жить. Тошно было думать о занятиях в Звездном. Зачем? Кому теперь нужен наш полет, когда утрачен такой важный приоритет? Стоит ли напрасно терять время и продолжать засорять голову бессмысленными техническими знаниями? Какое я вообще имею право впустую тратить народные деньги, есть балыки и шоколад в то время, когда половина страны по-настоящему голодает?

Во власти этих тяжелых мыслей и трудных вопросов приехал я в ЦПК после почти трехнедельного отсутствия. Я рассчитывал найти поддержку своим сомнениям среди коллег-журналистов и, быть может, даже среди преподавателей. Но неожиданно обнаружил нечто совсем иное. Во всяком случае, среди коллег-журналистов. Мои собратья по перу были целиком погружены в процесс постижения сложнейших космических наук, подготовки к близящимся первым экзаменам и зачетам, получения удовольствия от удобной и комфортной жизни в Звездном городке.

– Да, японец полетел. Это, конечно, неприятно, но не смертельно. Наша-то жизнь продолжается, и нам надо готовиться к своему полету, который обязательно состоится...

Так или примерно так думало большинство из них. Пожалуй, только киевлянин Юра Крикун испытывал похожие на мои эмоции. Он на чем свет стоит клял наше дорогое государство, всерьез говорил об отъезде из Звездного и даже почему-то высказал удивление моим возвращением из Англии.

На следующий день меня вдруг срочно пригласили к начальству. Как выяснилось, для разбирательства по поводу длительного отсутствия на занятиях. В присутствии командира отряда космонавтов Александра Волкова начальник Центра подготовки, генерал Владимир Шаталов сразу начал с обвинений: дескать, это небывалый случай, чтобы кто-то отлучился с подготовки на такой срок без получения личного разрешения командира. Вопиющий случай, требующий немедленного отчисления из ЦПК. Все мои веские аргументы – о разрешении на отъезд нашего журналистского руководства, о невозможности найти накануне отлета кого-либо из главных людей в Звездном, об оставленном обстоятельном заявлении, о профессиональном характере поездки – он будто не замечал. И продолжал гнуть свою линию. Я все никак не мог понять истинную причину его возмущения, пока, наконец, он сам не начал говорить открытым текстом:

– Странные у вас объяснения: будто не было времени уведомить меня. Будто визу получили за два дня. У нас тут люди, когда оформляются за границу, тратят на это по два месяца и не то, что предупредить руководство – успевают новое звание за это время получить! И потом, я понимаю, уехал бы в Саранск или Ленинград, а то – в Лондон...

– А какая разница? – искренне удивился я.

И вслед за этим было произнесено нечто, ошелолившее меня не менее первого прыжка с парашютом:

– Вы же носите высокое звание члена отряда космонавтов... А вдруг вы там, в Лондоне, ну... что-нибудь унесли бы из магазина? Это же – тень на всех наших космонавтов...

Наверное, я очень наивный человек, идеалист. Верю всегда в лучшее в людях. Потому, когда случаются такие открытия, будто заново рождаюсь. И вместо простой констатации случившегося и учета подобного в своих дальнейших действиях, начинаю комплексовать, рефлексировать. Пересматривать взгляды на жизнь, обобщать. Вот и теперь я всерьез задумался о смысле дальнейшего пребывания в отряде космонавтов. Что мне здесь делать, зачем я здесь, если тут могут зародиться такие подозрения в мой адрес? Нужен ли мне полет в космос такой ценой – ценой такого унижения?..

То был тяжелый момент пребывания в Звездном. Вообще, вопрос о поставленной цели, мечте и заплаченной за нее цене – особая тема. Она то и дело возникала на протяжении всей моей дороги в космос. И не только передо мной. Еще на этапе медицинского отбора я с ужасом услышал о вырванных здоровых зубах, вырезанных гландах и прооперированных переносицах, о многом другом, на что приходилось идти людям, решившим ступить на этот необычный и внешне привлекательный путь. Кое-что из этого было обещано и мне в случае реального космического полета. Слава Богу, с резаньем переносицы и вырыванием

зубов решили обождать на этапе общекосмической подготовки. Уже в Звездном, когда мы узнали о больших проблемах, вставших перед пилотируемыми запусками в космос нашего «Бурана» и планирующимся в ближайшее время очередном его беспилотном полете, Юра Крикун сильно меня озадачил:

– А ты согласился бы полететь на нем в качестве испытуемого, с тем уровнем гарантий на нормальное завершение полета, какой существует сейчас? Ведь это был бы реальный шанс слетать в космос. Я бы, пожалуй, согласился...

Я не уверен, что, дойди дело до полета и появишься хоть какая-то угроза жизни, наиболее симпатичный мне из всех находящихся в отряде на подготовке журналистов был бы безоговорочно последователен. Он еще во время медицинского отбора в запальчивости заверял окружающих, что готов отдать... почку ради полета в космос. Правда, тут же уточнял: «...но только после того, как слетаю и вернусь на Землю».

В Звездном городке живет и работает в Центре подготовки космонавтов интереснейший человек и блестящий специалист в области космической техники, который попал в отряд в один из первых наборов. Он был в группе кандидатов на нашу лунную программу, которая после двух неудачных запусков мощнейшей ракеты так и не осуществилась в пилотируемом варианте. Слишком велики оказались технические проблемы. Упрощенно говоря, с человеком на борту она могла взять топлива только в одну сторону. Так вот, когда стало известно, что программе этой конец, и все мечты о полете у него рушатся, этот человек всерьез заявил, что готов лететь на таких условиях. Без возвращения на Землю...

Его зовут Михаил Бурдаев и, как бойца невидимого фронта, его практически никто не знает за пределами Звездного городка да узкого круга специалистов области, в которой он работает.

– Неужели вы действительно готовы были отдать жизнь за этот первый в истории человечества полет к Луне и погибнуть там, вдали от родной планеты? – спросил я его, когда над полетом советского журналиста нависли первые тучи, и я сам начал задумываться над подобными вопросами.

– А почему нет, если бы была разработана великолепная научная программа, выполнив которую, можно было закончить свой путь на этом свете?.. Естественно, просто так я свою жизнь не отдал бы – сделал бы все, чтобы вернуться. У меня были друзья-баллисты, которые снабдили бы меня некоторыми секретами экономии топлива при полете к Луне. Но к моим предложениям не отнеслись всерьез. Кто же у нас тогда мог официально взять на себя ответственность за верную смерть?!

Однако, дело тут вовсе не в ответственности за чужую смерть. Но история Михаила Бурдаева – впереди.

Переживания же, посетившие меня после выдвинутого начальником подготовки космонавтов подозрения в том, что я могу что-то украсть из супермаркета в далеком Лондоне, были, конечно, несравнимы с подобными. Но, совпавшие по времени с полетом японского журналиста, они впервые заставили меня не на шутку задуматься над всем происходящим со мной, с нашим полетом. Да, это был действительно тяжелейший момент пребывания в Звездном. Нанесенное мне оскорбление и состоявшийся-таки полет японца толкали к завершению космической подготовки и немедленному отъезду из Звездного городка.

Наверное, так и следовало поступить. А я засомневался. Начал убеждать себя, что генерал Шаталов – это еще не весь Центр подготовки. И это было, конечно, верно, потому что кроме него с нами работали десятки специалистов, которые вкладывали в свое дело, в нашу подготовку всю свою душу. К тому же, я прекрасно понимал, что отнюдь не в Звездном городке принимаются решения о том или ином полете, о той или иной кандидатуре на полет. Здесь лишь даются рекомендации по здоровью космонавта, и оценивается уровень его профессиональной подготовки. А еще мне не давало покоя, брошенное тем же Шаталовым сомнение в благополучной сдаче мной предстоящих экзаменов и зачетов – я ведь пропустил довольно много занятий. Мой уход мог быть расценен, как боязнь идти после этих пропусков на предстоящие очень нелегкие испытания. Не мог я в такой ситуации все бросить! Ужасный был момент. И я остался. И первый, самый сложный экзамен по космической баллистике сдал на «отлично».

С нашим же полетом творилась какая-то чехарда. То прошел слух, что он состоится летом этого, 1991 года, потом эта дата сдвинулась на осень. Потом заговорили о полете уже после завершения подготовки, в 1992 году. И будто бы один из двух оставшихся в Звездном журналистов полетит на нашем «Союзе», а другой – через некоторое время на американском шаттле. Это были совсем уже фантазии, но невозможно

было подумать, что вся огромнейшая и дорогая работа по подготовке шестерых человек к полету в космос может оказаться напрасной. Так хотелось верить, что мечта может осуществиться! И я верил.

Когда мы заводили разговоры о сомнениях по поводу нашего полета с единственным оставшимся в Космической комиссии и изредка допускавшим нас до себя ее председателем Владимиром Губаревым, то неизменно слышали успокаивающие заверения. Мол, все идет по плану, полет обязательно будет, а ваше дело – на совесть овладеть новой квалификацией космонавта и побольше писать из Звездного статей на космические темы. Дескать, Горбачев обещаний на ветер не бросает. А потом был август 91-го, когда развалился великий Союз Советских Социалистических Республик. И сам великий Горбачев стал никем в новой России. Вроде бы после этого на нашем полете должен был быть поставлен жирный крест, а мы с миром, ну, и, может быть, с корректными извинениями – отпущены к своим профессиям.

Но не тут-то было! После двухмесячного отпуска занятия возобновились, как ни в чем не бывало, да еще с удвоенным напряжением. Все-таки в государстве нашем великую силу имеет единожды составленный и утвержденный план. Даже в переставшей существовать стране план этот продолжал жить своей неповторимой и неукоснительной жизнью. Вот мы его и выполняли. Мы и наши преподаватели. План нашей общекосмической подготовки.

В каком-то смысле нам и мне лично, конечно, невероятно повезло. За полтора года в Звездном удалось увидеть, испытать, ощутить, пережить столько, на сколько иным людям не хватает и жизни. Сейчас уже прошли годы с той поры и, вспоминая ее, я сам удивляюсь всему происшедшему и иногда не могу поверить, что все это произошло со мной. Но бесстрастные страницы дневника подтверждают: да, было – и снова заставляют сердце биться с повышенной частотой. Вот одна из страниц того жаркого лета 91-го:

«...Продолжается бой, самый тяжелый мой поединок за выживание. За профессиональное выживание как журналиста. Все труднее и труднее становится писать задуманные статьи. Да и задумывается не так уж много. Статью о возмутительно привилегированном положении иностранцев в Звездном и тревожной ситуации в нашей пилотируемой космонавтике не могу закончить вот уже третью неделю. Затягивают феерические будни подготовки: прыжки с парашютом, а вот теперь уже – полеты на невесомость, полеты на истребителе.

Испытал уже невесомость. Не могу сказать, что это нечто сверхъестественное. Только лишь – довольно приятное состояние. Удивительно, но это оказалось очень, очень похоже на те полеты, что совершал я во сне многократно. За тем лишь исключением, что во сне я мог свободно управлять своим телом во время полета, а здесь после толчка движешься в одном направлении и ничего не можешь изменить в этом движении, если не обретишь какую-нибудь опору. За три-четыре часа мы совершили два вылета на специально оборудованном самолете Ил-76: в каждом по десять „горок“, во время которых и наступает 25-секундная невесомость. Всего, значит, 9 минут чистой невесомости. Оба раза едва не дошло до тошноты, но умудрился сдержаться. А вот Паше Мухортову и Юре Крикуну, которые летали в одной тройке со мной в первом полете не повезло. Хотя, кто знает... Говорят, после приступа тошноты и освобождения желудка намного легче переносить это испытание. Насколько я могу судить по собственному опыту, наиболее тяжела для организма не сама невесомость, а переходы от нее к перегрузкам, когда самолет описывает нижнюю часть синусоиды и начинает взмывать вверх. В этот момент перегрузка доходит до 2 G, ну и в сочетании с недавней невесомостью, делает свое гнусное дело. Как я уже усвоил, главное тут – не дергаться, не двигать головой и сильно не напрягаться.

Не менее интересным оказался и первый полет на учебно-боевом истребителе „Л-39“. Мой

инструктор Яша Базаев, приятный и решительный человек, сразу же продемонстрировал мне чуть ли не все фигуры высшего пилотажа: бочки, штопор, петлю Нестерова, полу-петлю, боевой разворот. Перегрузки до 5 G, а я не одел даже противоперегрузочный костюм. Жуть! Но ничего, сдюжил. А пару бочек, „мертвую петлю“ и еще что-то из высшего пилотажа сделал даже сам. Необычайно приятное чувство управлять самолетом. Он слушается, кажется, даже твоих мыслей. Во втором вылете вел самолет до взлета и чуть ли не до полосы при посадке. Никогда бы не поверил, что в первых же полетах буду делать такое.

После первого дня невесомости была довольно-таки тяжелая ночь. Только-только начал засыпать, как начались непонятные вестибулярные штучки... То „подбросит“ меня к самому потолку, то ноги „закинет“ за голову, то еще что-нибудь в этом роде. Лежишь на кровати, уже находишься в полудреме – и тут полное ощущение этаких полетов. Даже испугался немного, потому что шло время, а эти тревожные ощущения не проходили. Только в шестом часу немного забылся сном. А без четверти семь – подъем на первые полеты на истребителе. Закралась даже подленькая мыслишка отказаться от них под каким-нибудь благовидным предлогом – все-таки такое испытание да после почти бессонной ночи. Но опять же... выдержал. Больше того, после всех этих мертвых петель, штопоров и сопутствующих им перегрузок заснул ночью, как убитый. Без вестибулярных штучек. Ко всему-то привыкает человек...»

Конечно, все эти восхитительные испытания, перегрузки на самом деле совсем не так игрушечны и безобидны, как может показаться с первого взгляда. Например, после первых полетов медики в Центре подготовки вдруг обнаружили у меня в моче эритроциты, а в крови – белок. Совершенно недопустимые для находящегося на подготовке в Звездном человека. Не на шутку встревожились, стали поговаривать о «нехороших процессах» в почках, о необходимости стационарного обследования. Отменили все пробы, полеты. В общем, мое пребывание в ЦПК оказалось под вопросом. Но стоило мне отдохнуть неделю, покинув Звездный, как все в организме нормализовалось.

Напротив, совершенно невозможно было привыкнуть к перегрузкам моральным. И уж, конечно, никакой отдых помочь тут не мог. С каждым днем все более призрачным становился наш несчастный полет. И от все сильнее наваливающегося состояния безысходности, бессцельности нахождения в Звездном городке невозможно было освободиться. Несмотря на предложенную нам с ноября 91 года потрясающую водолазную подготовку в гидролаборатории, которая завершилась двумя полуторачасовыми работами на десятиметровой глубине на макете станции в космическом скафандре «Орлан» (в нем космонавты на станции «Мир» выходят в открытый космос). Несмотря на начавшийся огромный курс лекций по устройству станции «Мир».

Зачем все это было теперь, когда шансы на наш полет свелись почти к нулю? Старая мысль о досрочном прекращении подготовки вновь стала моей постоянной спутницей и, автоматически посещая лекции, практические занятия и послушно внося в тетради все необходимые сведения, я находился в сложнейшей душевной борьбе. Между ясным осознанием желания закончить поскорее эту пытку и некоторыми аргументами в пользу доведения начатого до логического конца. Вспомнился короткий разговор на эту тему в самые первые дни в Звездном, когда нечто похожее не давало покоя уже тогда.

– Да чем тебе не нравится такая жизнь? – весело парировал мои скептические доводы о неуверенности в нашем полете и необходимости пребывания в Звездном один из коллег-журналистов. – Ходи на занятия, занимайся спортом, дыши хвойным воздухом. Одним словом, живи, как на курорте...

– Как в тюрьме, – автоматически ответил я тогда, не подозревая, что со временем почти так оно и будет.

Конечно, я мог в любой момент со всем покончить, и в этом смысле «тюрьма» здесь не совсем

подходящее понятие. Но в том-то все и дело, что какая-то надежда на благополучный исход предпринятого шага в жизни, на осуществление высокой мечты оставалась в моем сердце даже в самые безысходные моменты. И я не мог поддаться совершенно логичным аргументам и бросить свою мечту, даже оглушительно хлопнув дверью. Правду говорят, что надежда умирает последней...

Последние месяцы перед госэкзаменами, оказались особенно тягостными, выворачивающими душу буквально наизнанку. Все было уже совершенно ясно. Никакого полета в космос советского (теперь уже российского) журналиста не будет. Но я опять находил вполне подходящие – прежде всего для самого себя – объяснения неухода: «Не имею я права так поступить – хотя бы из-за преподавателей, которые столько сделали для нас здесь. Ведь многие из них по-настоящему вкладывали душу в занятия с нами, и демонстративно отказаться от экзаменов будет равносильно предательству по отношению к ним...»

Бывало, когда мы что-то не понимали, они приходили к нам после лекций даже с температурой и по несколько раз растолковывали сложные темы. А для окружающих всегда было хорошее объяснение – надо получить диплом космонавта. Впрочем, бывало, я сам начинал путаться, какие здесь объяснения истинные, а какие придуманные. И для кого придуманные? Ведь все это нужно или не нужно было для меня. А чтобы совсем уж не пропадало время в Звездном впуску, начал встречаться с космонавтами, инструкторами и записывать их рассказы о необычных происшествиях во время полетов и испытаний, о которых почти ничего не было известно. Во-первых, мне как журналисту это было очень интересно. Во-вторых, авось, пригодится. Пригодилось!

Расставание с Центром подготовки космонавтов произошло в феврале 1992 года. Позади были успешно сданные госэкзамены и торжественное вручение удостоверения об окончании полного курса общекосмической подготовки и присвоении квалификации космонавта-исследователя. Впечатляющая красная с золотым тиснением корочка не радовала, а лишь напоминала о несостоявшемся.

Звездный городок провожал меня легким морозцем и редким ласковым солнцем, то и дело пробивающимся сквозь тяжелые кучевые облака. Выходя из гостиницы, я остановился на мгновение. Чтобы глубже вдохнуть этот ставший мне родным воздух и как можно отчетливее запомнить щемящий момент расставания. То ли с мечтой, то ли с Центром подготовки космонавтов, ставшим мне родным домом. То ли с целой прожитой здесь жизнью – я как-то не разделял эти понятия в то мгновение. Было довольно тягостное состояние.

И вдруг, словно какой-то знак свыше, посыпал снег. Крупный и пушистый, он тут же наполнил мир особой загадочностью и непредсказуемостью, немного отогревая мое замерзшее сердце и шепча на ухо что-то очень ласковое и успокаивающее. Быть может, о том, что закончилась не жизнь, а всего лишь глава – пожалуй, самая интересная и драматичная, но только лишь глава из этой жизни. Как кончается глава захватывающей книги, от которой никак не можешь оторваться и продолжаешь переживать ее события, даже начав читать следующую.

Будто разом, увидел я все происшедшее со мной здесь, вспомнил людей, которые остались в душе и в памяти навсегда, улыбнулся. И через аллею загадочно молчавших многолетних елей, застывших, будто серебристые ракеты, готовые стартовать ввысь, зашагал к станции Циолковская. Навстречу жизни, которая продолжалась, несмотря ни на какие крушения надежд и невоплотившиеся мечты. Продолжалась и готовила новые сюрпризы и открытия.

Часть 2. Проверки на орбитах

У меня нет сомнений в том, что когда-нибудь будут экспедиции на другие планеты, освоение иных звездных систем, космические колонии землян, о чем еще на заре 20 века начал всерьез говорить Константин Циолковский. Непременно сбудутся слова замечательной песни Владимира Войновича «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...». Люди будут чувствовать себя в космосе не хуже, чем на Земле. А кому-то, возможно, всерьез захочется навсегда оставить родную планету и скоротать свои дни где-нибудь на другом конце нашей галактики – Млечного Пути, – чтобы отключиться от земной суеты и сосредоточиться на написании книги, музыкального произведения или постижении глубин какой-нибудь новой религии, философии...

Но это будет не так скоро. А пока, несмотря на десятки и сотни людей, побывавших там, космос все еще остается для землян не просто чуждой, но весьма агрессивной и предельно опасной для деятельности средой. То и дело ставящей находящегося там человека в предельно тяжелые, непредсказуемые и экстремальные условия. И, пробиваясь к звездам, людям приходится не только испытывать себя на прочность, но, попадая вдали от родной планеты в совершенно невероятные ситуации, порой рисковать и даже жертвовать на этом пути своими жизнями. Пока еще ни одна другая профессия не таит такой опасности для жизни людей, как профессия космонавта. Из чуть более 420 землян, побывавших в космосе, погиб 21 человек – каждый двадцатый! Да разве их остановишь?

Глава 1. «Все будет не так!»

Эта фраза советского космонавта Владимира Ляхова, брошенная им как-то невзначай перед полетом одного из своих товарищей и ставшая крылатой среди космонавтов, как никакая другая отражает суть пребывания человека в генетически и физиологически незнакомой для него космической среде. В мире, где царят жара и холод, невесомость и безвоздушность, пугающая чернота космоса и манящая голубизна родной планеты, неисчерпаемость работы и непредсказуемость следующей секунды.

Он, Владимир Ляхов, пришел к этой космической мудрости на собственном примере, за время трех своих полетов, каждый из которых ставил перед ним совершенно непрогнозируемые и, казалось бы, неразрешимые проблемы. А хронологически последний полет мог стать для него и впрямь последним. Но в итоге все они закончились благополучно и остались в памяти просто моментами профессиональной работы, наполненными чрезвычайными ситуациями, о которых потом, на Земле, можно только вспоминать. Вспоминать с улыбкой или содроганием...

Летом 1983 года вместе с бортинженером Александром Александровым он находился в долгой экспедиции на орбитальной станции «Салют-7», где им предстояло выполнить ряд работ, связанных большей частью с военными программами. Та станция, в отличие от следующего огромного «Мира» и еще большей нынешней международной, была сравнительно небольшим сооружением. Вся ее деятельность в

огромной мере зависела от энергетике, которая обеспечивалась солнечными батареями. Вот их-то и не хватало, чтобы полностью обеспечить запланированные на полет работы и деятельность будущих экспедиций. Потому особо важной задачей космонавтов было выйти в открытый космос и навесить на корпус станции дополнительные солнечные батареи, которые доставили с Земли.

Как и положено, перед выходом стали проверять два хранившихся на станции для этих целей скафандра «Орлана». Один – в порядке. А когда наддули второй, то вдруг обнаружили, что он не держит воздух – на правой ноге зиял разрыв гермооболочки! Вот так фокус – ведь одного скафандра для таких работ недостаточно, потому что второй космонавт обязательно боится своего товарища, тоже облачившись в скафандр! Оказалось, при консервации – полгода назад, после последнего выхода в нем в открытый космос – его неудачно уложили на хранение. Пострадавшая часть попала между металлом и жестким ложементом ноги, пролежала так все это время, а при наддуве слежавшаяся полоска размером в 35 сантиметров разошлась, будто ее разрезали бритвой. И никакие клеи не удержат в космическом пространстве разорванные части.

Доложили в Центр управления полетами (ЦУП), и там, обсудив ситуацию, предложили, было, отменить выход. Но такая отмена тянет за собой острую нехватку электроэнергии, а значит, и невыполнение части запланированной программы. Думаю, американцы в такой ситуации так и поступили бы: ни под каким предлогом не стали бы рисковать здоровьем и жизнью человека, пусть даже рушатся какие-то планы. Но русские сделаны из другого теста. Они же привыкли в земных условиях в безвыходных, вроде бы, ситуациях находить выходы. Что с вышедшей из строя незаменимой деталью автомобиля, которая, в конце концов, меняется на самоделку какого-нибудь «мастера Гриши» и с успехом работает долгое время. Что с домашней сантехникой, ну, и так далее.

Короче, пораскинули космонавты мозгами, и командир экипажа Владимир Ляхов принял решение... починить поврежденный скафандр с помощью имеющихся на борту станции подручных средств и все-таки выполнить поставленное перед экипажем важное задание. «Земля» дала добро, но с условием полного дублирования и проверки на фирме, разработавшей и выпускающей «Орланы», всех операций, которые будут производиться с поврежденным скафандром на станции.

И закипела необычная работа – операция по ампутации с последующим приживлением конечности скафандра. Космонавты полностью отрезали ногу скафандра ниже колена, последовательно отделив теплоизоляционную, силовую и резиновую прокладки (оболочка скафандра для выхода в открытый космос представляет собой очень сложную конструкцию, на манер слоеного пирога) оставив нетронутой только последнюю, шелковую прокладку. Затем отрезали примерно 30 сантиметров трубы штатного воздуховода в переходном отсеке своего космического жилища – он более всего подходил по размеру – и, примерив его к отрезанной ноге, обнаружили, что он чуточку больше. А в деле герметизации для работы в полном вакууме не только каждый миллиметр, но и каждый микрон играет важную роль. Пришлось вспомнить геометрию и по формуле площади круга определить нужные размеры. После чего вырезали из имеющегося уже куска воздуховода кусок нужного размера. Но его ведь надо прочно соединить в кольцо...

В общем, сверлили дырки, подтачивали для точности края, клепали стыки – не хуже, чем в иных российских гаражах владельцы десятки лет служащих стареньких «Москвичей» да «Жигулей» восстанавливают своих измученных временем и дорогами четырехколесных коней. Заклепки брали (кто бы догадался!) из... медицинской книжечки, где страницы скреплены с помощью алюминиевых штырей с накруткой. Сделанное таким образом кольцо точного размера надели поверх неповрежденной и нетронутой шелковой оболочки скафандра. На него – разрезанные части герметичной оболочки и все это забандажировали капроновой нитью. Далее идет резиновая оболочка – и для ее скрепления нашли материал в неожиданном месте: как нельзя более подошел резиновый пакет для сбора мочи из сантехнического комплекта транспортного космического корабля. Вырезали нужный кусок и, наложив его поверх полученного уже бандажа герметичной оболочки, тоже пробандажировали по открытым краям. После этого паяльником оплавляли концы силовой оболочки, загнули соединенные края и их тоже прошили капроном. Поверх всего этого надели стяжные регулировочные ленты и их тоже сшили – правда, регулировать ими длину и толщину конечности стало уже невозможно, но это было не столь важно. Думается, хирурги в своей работе по присоединению конечностей тратят меньше сил и времени.

И, наконец, поверх всего этого надели электровакуумную защиту, после чего наддули скафандр для

проверки герметичности. Злополучную его ногу, сшитую и склепанную в далеких от операционных условий, вертели и так и сяк, но воздух она не пропускала. По полетному заданию в открытый космос должен был выходить именно в этом скафандре (размеры соответствовали) космонавт Александров, но командир Ляхов, который мог все решить с помощью приказа (и больше никаких разговоров не вести), по-человечески предложил своему напарнику:

– Саша, давай в нем пойду я.

– А разве это не одинаково? – спросил удивленный таким предложением командира бортинженер...

И тогда Ляхов понял, что второй член космической экспедиции, несмотря на подразумевающуюся на борту станции довольно жесткую субординацию, отдает себе отчет, что оба они все же находятся в одних – человеческих, моральных – условиях. И он совершенно естественно готов работать в любом скафандре, целом или залатанном. А когда командир предложил Александрову такое, то последний тоже понял, что Ляхов точно так же готов к любому варианту. Два человека, находившиеся в трехстах километрах от поверхности родной планеты, в нечеловеческих космических условиях, сделавшие сложный ремонт своего космического одеяния, в результате двух этих коротких фраз поняли, что верят друг другу. Более разговоров на эту тему не было. А была нормальная космическая работа, во время которой они два раза по три часа выходили в открытый космос, успешно навесили дополнительные солнечные батареи и вместо запланированных 70 суток провели на орбите по предложению руководства 150 суток.

Впоследствии, когда на станцию доставили новый скафандр, знаменитую эту «ногу» отрезали и спустили на Землю. Там ведь тоже – параллельно с экипажем – делали такую же, чтобы специалисты контролировали весь сложный процесс ремонта и конечное качество важного для жизни человека аппарата. Так вот: сделанная в космосе нога скафандра не только не уступала «земной» в герметичности, но была признана более эстетичной. Она до сих пор хранится в музее НПО «Звезда» (там делаются многие космические атрибуты, в том числе и скафандры), и желающие могут на нее полюбоваться.

Куда более драматично развивались события в следующем его полете, в августе 1988 года, когда он стартовал уже к станции «Мир» вместе с врачом Валерием Поляковым (штатно он назывался «бортинженер») и представителем дружественного Советскому Союзу Афганистана Абдулом Ахадом Момандом (космонавт-исследователь).

С самого начала на командира экипажа легла повышенная ответственность за полет и соответствующая моральная нагрузка. Дело в том, что Ляхов в свое время был подготовлен как командир корабля-спасателя, который действует в одиночку. А оба его напарника готовились к полету всего по полгода и лишь до уровня космонавтов-исследователей (один, врач, летел, чтобы провести на станции эксперимент на себе по рекордному пребыванию человека в невесомости, второй, летчик, – по списку космонавтов дружественных стран), но этого крайне мало для настоящего овладения космической техникой. И даже в бортовой документации было записано «бортинженеру и космонавту-исследователю выполнять команды по команде командира». То есть командир Владимир Ляхов обязан был строго контролировать любое действие своих подопечных. А выглядело это примерно так:

– Поляков, – говорит командир, – выполнить команду Г-9 (нажать соответствующую кнопку на пульте управления кораблем)!

Тот сначала кладет палец на указанную кнопку, после чего командир внимательно смотрит, куда он

положил палец и только тогда следует:

– Нажимай!

А в руках у командира еще и длинная указка, чтобы в случае чего во время подъема ракеты, когда из-за перегрузок невозможно оторваться от кресла, нажимать кнопку нужной команды самому. Что же касается члена экипажа по другую его руку, то рассказывали, будто Ляхову приходилось даже несколько раз указкой этой давать ему по рукам, когда тянулись они не к той кнопке...

Впрочем, стартовали, состыковались с «Миром» и отработали они на станции нормально, без каких бы то ни было ЧП (это было даже удивительно). Врача Валерия Полякова оставили вместе с отработавшим там космическую смену экипажем на длительный срок, а сами через 8 суток стали собираться назад, на родную Землю. В спускаемый аппарат на кресло космонавта-исследователя поместили целую кучу необходимого груза, афганца посадили на этот раз в кресло бортинженера (вроде как повысили его в космическом звании) и столь же благополучно отстыковавшись от станции и, «сделав ручкой» оставшимся там коллегам, приготовились к тормозному импульсу, чтобы начать спуск с орбиты. Правда, было одно изменение в их полете (как позже выяснилось – существеннейшее изменение!): прибыли они на станцию на корабле «Союз ТМ-6», а возвращались на «Союзе ТМ-5», который доставил в космос предыдущий экипаж и все это время был пристыкован к «Миру». Такие замены транспорта – вполне нормальная и уже практиковавшаяся до сей поры вещь. Но кто мог предвидеть происшедшее дальше?!

Неприятности начались сразу после расстыковки корабля и станции. Как восстанавливают те далекие события в ЦУПе, Ляхов специальной указкой ошибочно нажал клавишу «дискретный контур» вместо нужной «аналоговый контур». В результате чего ручное поддержание ориентации корабля на станцию для контроля отхода стало невозможным (корабль не слушался ручки), экипаж потерял станцию из поля зрения оптического визира и телекамеры. Возникла серьезная проблема: в каком направлении делать увод корабля от станции для обеспечения безопасности?

С этой ситуацией разобрались в темпе: глянув телеметрию и сигнализацию на пульте, по указанию «земли» снова включили «аналоговый режим» и провели безопасный увод корабля из окрестностей станции. Но, известно, «пришла беда – отворяй ворота». За 30 секунд до включения двигателя на торможение в автоматическом режиме почему-то вдруг пропала готовность системы ориентации корабля. А это одно из условий включения двигателя, и он в заданное время вообще не включился. Ляхов вышел на связь с Мусой Манаровым – бортинженером основной экспедиции на «Мире», – рассказал о ситуации и попытожил:

– Надо выдать ОДР! (отбой всех приготовленных к выполнению динамических режимов, в том числе программы разделения отсеков корабля, как это и записано для подобных случаев в бортовой документации)

– Не надо, – отвечает Муса. – Машина умная. По выходу из земной тени она сама должна построить солнечную ориентацию, выполнить необходимую для подзарядки солнечных батарей закрутку корабля и дать этот самый отбой, чтобы ты шел в закрутке до полной подзарядки. По входу в зону связи доложишь ЦУПу – они примут решение (до зоны было около 6 минут).

Действительно, по выходу из тени восстановилась ориентация. И... включился двигатель. Ляхов глянул на глобус (в космическом корабле имеется маленький глобус, по которому в любой момент можно определить, куда сядет спускаемый аппарат, если спуск начнется в текущий момент) и... извините, замаячила посадка в Тихом океане! Из-за отказа ориентации двигатель включился на торможение не в заданном месте, а на несколько минут позже. И Ляхов его выключил. Как и положено в такой ситуации, по входу в зону связи доложил руководству полетом о происшедшем.

Две нештатные ситуации подряд на спуске – это уж слишком. И экипаж, и «земля» вошли в стрессовое состояние. Доклад командира был взволнованным и несколько сумбурным, из него в ЦУПе поняли, что двигатель вообще не включался. Подобная ситуация предусмотрена в документации, и выход из нее определен. У «земли» для этого случая был подготовлен резервный спуск на третьем витке. Снизу говорят:

– Володя, не волнуйся, через виток сядем куда надо.

У опытного Ляхова вопросов нет. Через виток – так через виток. Двигатель в порядке. Выполним ориентацию в нужное время, включим его, затормозимся, а потом и сядем в нужном месте – о чем тут волноваться?

Заканчивается очередной виток, опять происходит ориентация корабля на торможение, включается двигатель... И тут происходит такое, от чего у много что повидавшего и в небе (бывший летчик-истребитель) и в космосе (два космических полета за плечами) космонавта Владимира Ляхова начинают шевелиться волосы. Потому что вместо положенной долгой работы двигателя в течение 200 секунд для полноценного тормозного импульса, который и обеспечивает возвращение на Землю, он отработывает всего 6 секунд. А космонавт хорошо знает, что после этого автоматически одновременно с выключением двигателя по ГК (главная команда – соответствует заложенной в компьютер величине скорости торможения) штатно начинает действовать гибкий цикл для включения программы разделения спускаемого аппарата с приборно-агрегатным отсеком. И затем, по прошествии 24 минут, также автоматически запускается программа разделения, которая через 2 минуты 14 секунд произведет отброс от спускаемой капсулы с космонавтами той части корабля, где находится двигатель с запасом топлива. Потому что после нужного торможения ни топливо, ни двигатели уже не нужны – капсула летит к поверхности Земли под действием силы тяжести и собственных аэродинамических свойств. А поскольку двигатель черт знает сколько не доработал до нужного замедления корабля, то капсула с людьми так и останется на орбите. Однако двигателя для торможения у них уже не будет! Это же долгая, мучительная смерть в космосе!

Ляхов мгновенно оценил эту страшную ситуацию. Просчитал свое и своего напарника недалекое будущее – афганец-то пока ничего не понимал и потому был довольно спокоен – и, несмотря на страшные перспективы, способные кого угодно повергнуть в шок и бездействие, тут же, не дожидаясь начала и окончания роковых 24 минут, когда безвозвратно исчезнет двигатель, снова включил его – вдруг сработает как надо.

Здесь Ляхов, находясь в состоянии сильного возбуждения, допустил, по оценке ЦУПа, еще одну неточность: двигатель включать повторно с пульта ни в коем случае нельзя – это могло привести к непоправимым последствиям. Согласно логике бортовой автоматики на этом участке стабилизация корабля была отключена, и, таким образом, каждый раз двигатель включался не в направлении торможения, а в произвольном направлении – корабль остался бы на орбите, израсходовав все топливо. Бортовая инструкция дает тут следующий вариант действия: если экипаж не полностью понимает причины нештатного поведения автоматики, выдай команду ОДР и доложи руководству в очередном сеансе связи. При короткой работе двигателя (6 секунд) корабль остался практически на штатной орбите с большим временем существования, а команда ОДР останавливает цикл спуска и программу разделения отсеков, чего не делала команда включения двигателя, выдававшаяся Ляховым дважды.

Но это взгляд из ЦУПа, где выход из ситуации ищут десятки специалистов, и все удобно сидят, находятся в нормальных земных условиях, с привычной силой гравитации... А тут, в космосе, в тесном спускаемом аппарате, в невесомости. В ситуации, где от каждого твоего действия зависит твоя и твоего напарника жизнь, двигатель снова отработывает всего 6 секунд. Не зная, что тут и думать, – надеясь лишь на какое-то чудо, заложенное то ли в судьбу, то ли в машину, невероятно рискуя, командир выжидает еще 2 минуты. А программа-то разделения отсеков, как он полагает, продолжает идти! А двигатель-то молчит, то есть корабль не тормозится. И тогда он снова врубает двигатель. А тот опять отработывает злосчастные 6 секунд...

За эти два краткосрочных включения двигателя корабль все же немного затормозился и потерял высоту орбиты, но очень мало. В очередную двухминутную паузу после 6-секундной отработки двигателя Ляхов подробно доложил в ЦУП о чрезвычайном положении.

И уже теперь по согласованию с «землей» командир экипажа Владимир Ляхов выдает, наконец, ту самую «пожарную» и нужную в сложившейся ситуации команду, о которой подумал в самом начале – ОДР (отбой динамических режимов). Впоследствии в отряде космонавтов ее так и будут называть «команда Ляхова», в память о том полете. Отдав машине эту команду, он прекращает все заложенные в нее процедуры и остается на орбите. Остается с тяжелыми мыслями в голове и нарастающей тревогой в душе, с афганцем, который только теперь начинает понимать, что идет попытка спуска, однако что-то у них не клеится. Но, главное, остается с приборно-агрегатным отсеком, где есть двигатель и топливо для возвращения назад! А это самое главное.

Он мог бы, конечно, после первых серьезных проблем выдать эту самую ОДР, но счел необходимым

доложить обо всем на Землю, чтобы в этой экстремальной ситуации вместе с руководством полета понять, что же происходит, выработать оптимальное решение и только после этого действовать. Еще, как думал Ляхов, можно было бы длинной серией включений двигателя по 6 секунд набрать эти необходимые для торможения 200 секунд. Но при каждом включении, как уже упоминалось, происходит потеря стабилизации и все импульсы выдаются не на торможение, а в произвольном направлении. Как только после краткосрочных включений двигателя отклонение превысило допустимое значение – на корабле дико завывла сирена, зажегся аварийный транспарант «Нарушение режима стабилизации». Это уже было слишком для дальнейшего промедления – тогда, после согласования с «землей», Ляхов и дал команду ОДР.

К этому моменту корабль немного подпортил свою орбиту – сделал ее эллипсоидной. И во время одного из пролетов над Памиром, где она оказалась максимально близкой к поверхности Земли, афганец вдруг настороженно спросил:

– Командир, не низко летим?

– Ахад, нам до этого «низко» знаешь, сколько еще тормозить! – с тоскойотреагировал Ляхов.

А причина возникшей экстремальной ситуации была вот в чем. Во-первых, когда предыдущий экипаж, на чьем корабле они возвращались на Землю, шел на стыковку со станцией, «уставка» на последнее включение двигателя была 6 секунд. Стыковка прошла нормально. Но когда Ляхов с Момандом оказались на этом корабле и пошли на спуск, никто не вспомнил, что в определенный раздел памяти его бортовой ЭВМ были заложены эти самые 6 секунд работы двигателя.

Во-вторых, из-за отказа системы ориентации не сложилась ее автоматическая готовность перед торможением, в результате чего двигатель и не включился в нужное время. После 20-минутного сбоя система восстановилась, и двигатель готов был отработать в правильном режиме. Но Ляхов обнаружил, что с включением его в этот момент посадка будет в Тихом океане. И, дабы избежать этой неприятной во многих отношениях ситуации, быстренько отключил двигатель, запущенный на долгий тормозной импульс в 200 секунд. А действительно умная и не раз выручавшая космонавтов бортовая вычислительная машина устроена так, что при подобном отбое происходит замена программы ее работы на следующую заложенную в нее человеком последовательность действий. И после подачи Ляховым так называемой «главной команды» по отмене готовой к включению автоматической программы на торможение, основой для работы двигателя стала не нужная экипажу 200-секундная программа, а та – введенная предыдущим экипажем для набора высоты – в 6 секунд. Последующая же операция на разделение спускаемого аппарата с приборно-агрегатным отсеком в ней оставалась без изменения. Так всякий раз при запуске двигателя на торможение он и включался на эти самые злосчастные 6 секунд, после которых, как справедливо опасался космонавт, должна была последовать программа разделения отсеков.

Вот какие удивительные шутки может сыграть с человеком техника. Умная-то она умная, но всю непредсказуемость возникающих в космосе ситуаций и забывчивость человеческую пока еще покрывать не может. Впрочем, все это и еще многие другие подробности полета выяснились много позже – уже после возвращения экипажа Ляхова и скрупулезного разбора случившейся чрезвычайной ситуации.

В Центре управления полетами, где ведется подробнейшее документирование каждой нашей космической миссии (переговоров, действий экипажа и специалистов, обеспечивающих полет с Земли, поведения техники и т. д.), первопричиной, породившей все остальные проблемы, назвали особенности

внешней оптической обстановки на орбите в момент подготовки корабля к торможению. Так все расположилось тогда, что свет солнца под каким-то особым углом попал на датчик системы ориентации – в итоге была отменена ее готовность на торможение. А дальше уже пошла цепочка событий, где с каждой задействованной в событиях стороны обнаруживались некоторые некорректные действия. Например, по бортовой документации экипаж в случившейся ситуации первого невключения двигателя на торможение должен был сразу выдать команду ОДР, чтобы вместе с ЦУПом прежде всего разобраться в случившемся и принять правильное решение. Сам ЦУП не проконтролировал ситуацию с перезаписью программы работы двигательной установки после первого ее отказа.

Однако, какой смысл разбираться по прошествии многих лет, кто там больше или меньше виноват, что-то сделал не так или не совсем так. Главное – то, что крайне опасная ситуация все-таки благополучно разрешилась, люди остались живы, техника цела. Значит, и экипаж, и ЦУП, и техника российская в той экстремальной ситуации сработали надежно. А все необходимые выводы и поправки на будущее сделали в самом полном объеме. Но все это было потом. А тогда...

Тогда – последний раз возвращаемся к первым минутам экстремальной ситуации в космосе – у командира экипажа Владимира Ляхова было состояние, способное кого угодно просто парализовать: двигатель недоработал уйму времени, и вот-вот произойдет разделение отсеков, после чего мучительная смерть.

Что могло случиться с двигателем? Что будет с ними? Вопросы бешено прыгали в голове у командира, учащая дыхание и сердцебиение. Но главной мыслью оставалась одна: «Не допустить разделения, пока не отработан нужный тормозной импульс! Тогда – смерть!». И, инстинктивно включая двигатель на 6 секунд, по крохам набирая, таким образом, нужное тормозное ускорение, Ляхов не только сам помнил о недопустимости разделения, но и заставлял Моманду всякий раз подключать термодатчики. Дополнительно подстраховывался, чтобы за 14 секунд до разделения включилась еще и сирена, возвещающая об этом необратимом событии. Страшное напряжение немного спало, только когда Ляхов, наконец, понял, что угроза несанкционированного разделения отсеков миновала. Понял, что они сядут, и это лишь вопрос времени. Любопытно, что в те мгновения командир совершенно не подумал еще об одной проблеме – кислорода в корабле оставалось лишь на двое суток полета. Об этом он вспомнил только через сутки после приземления.

Когда через какое-то время после доклада командира экипажа из ЦУПа лаконично и многозначительно спросили: «Что ты сделал?», он столь же лаконично, явно не по инструкции и, насколько это было возможно в подобной ситуации, ехидно и зло ответил: «Сохранил жизнь себе и Ахаду!». Потом он все же донес до руководства сложившуюся ситуацию и оттуда, просчитав, наконец, всю дальнейшую перспективу «Протонов» (космические имена этого экипажа), предложили:

– Давай искать запасной полигон для приземления, поскольку на свой мы в приемлемые сроки уже не попадаем.

«А куда получается?» – заинтересовался Ляхов. И когда отчетливо понял, что на ближайших витках это будет Франция или Канада, то решительно сообщил в ЦУП:

– Э, нет, ребята, – домой! И только домой!

– Ну, тогда... еще сутки на орбите...

– Согласен!

И Ляхов с Момандом еще на одни внеплановые сутки остались летать в маленьком спускаемом аппарате вокруг Земли. Без воды, без еды, без туалета – облаченные в скафандры, поскольку тесное пространство аппарата не позволяло их снять и потом одеть.

Наиболее запомнившейся в эти долгие часы проблемой для командира экипажа был решительный отказ афганца... мочиться прямо под себя, в скафандр. А что делать: бытовой отсек корабля, где есть необходимая для этих целей автономная санитарная установка (АСУ), в те времена отстреливался от спускаемого аппарата сразу же после отстыковки от станции и никто не рассчитывал, что космонавты после этого могут задержаться в космосе на целые сутки? Кстати, после этого случая в конструкцию были внесены изменения, и бытовой отсек стал отстреливаться от спускаемого вместе с приборно-агрегатным... Так вот, Ляхов, прекрасно понимавший, что если пойти на спуск, где и в штатном-то варианте обязательны четырехкратные перегрузки, с полным мочевым пузырем, то он может просто разорваться, настаивал на

этой физиологической процедуре. А Моманд, стеснительный и религиозный человек, – ни в какую:

– Мне, – говорит, – Аллах этого не позволяет. На небе потом не простят такой грех!

– Миленький, родненький, – умолял его командир, – да ты мне на Земле нужен живым! Слышишь, как булькает у нас внутри. Давай, не стесняйся. Перед Аллахом я, командир, отвечу, если что будет не так. Да никто и не узнает об этом «грехе» – клянусь, как только приземлимся, нас в молоке искупают!

Все же уговорил. И потом, на Земле, целый и невредимый афганец после помытия в душе лишь с улыбкой спросил:

– Где же обещанное молоко?..

А вслед очень серьезно добавил:

– Командир, четвертый раз не летай – Аллах не простит!

Но это было лишним напоминанием. Потому что, вернувшись из того экстремального полета живым, только-только приземлившись и ступив первые шаги по твердой земле, его командир открыл остекление скафандра, снял шлемофон, выдернул разъемы связи. Шлемофон – шварк об землю и воскликнул в сердцах:

– Все! Космический дед Владимир Афанасьевич Ляхов свою космическую одиссею закончил...

И действительно, пришедший в отряд космонавтов в 1967 году, ставший в нем летчиком-испытателем и закончивший заочно Военно-воздушную академию, бывший двенадцать раз (как никто другой!) дублером космонавтов и сам трижды побывавший в космосе, Владимир Ляхов больше туда не летал, уйдя в 1994 году на заслуженную пенсию.

Глава 2. На половине пути к смерти

Если в списке великих деяний человечества по освоению незнакомого для нас космического пространства под первым номером стоит полет Юрия Гагарина, то второе место в нем, несомненно, занимает выход в открытый космос Алексея Леонова, происшедший в марте 1965 года.

Об этом замечательном событии в истории космонавтики написано очень много, но мало кто знает, что тот короткий – всего-то 26 часов – исторический полет может войти в книгу рекордов Гиннеса по количеству нештатных, по-настоящему аварийных ситуаций. Их было семь, а три из них – сверхэкстремальные, заставившие оказавшихся в них двух космонавтов действовать на грани жизни и смерти, а подчас – и в неведомых большинству физических и моральных рамках. Особенно это касается выхода Леонова за пределы корабля. Вернее – его возвращения назад!

К первому выходу человека в открытый космос в Советском Союзе готовились в условиях жесткой нехватки времени – американцы вот-вот должны были осуществить нечто подобное, и чтобы опередить их, мы сильно спешили. Но, несмотря на это, предпринимались все необходимые меры для обеспечения безопасности принципиально нового полета. Как и положено в такой ситуации, прежде всего в космос был послан аналогичный корабль-разведчик в автоматическом режиме. В определенное время орбитального полета у него открывалась шлюзовая камера, из которой в открытый космос выдвигалась платформа с установленными на ней образцами всех технических материалов, планируемых к использованию человеком, и образцами биологических тканей. Это делалось для изучения того воздействия, которое должно будет оказать на живые и неживые материалы в планируемом выходе человека «нечто» из космоса, о котором пока еще мало было известно. В это «нечто» входил уровень солнечной радиации, температуры, частиц с высокой энергией и все остальное.

Корабль отлично отработал в космосе, собрал все запланированные сведения, а далее произошло совершенно непредвиденное: при возвращении на Землю он по нелепой случайности был взорван, и все эти бесценные накопленные данные погибли. Все автоматические объекты имели тогда систему АПО (автоматического подрыва объекта) на случай серьезного отказа при посадке, чтобы многотонная машина не рухнула на головы людей целиком, а разлетелась на мелкие части. Так вот при заходе этого беспилотного «Восхода» на посадку конец одной команды и начало следующей неожиданно сформировали третью – на подрыв объекта, и он был уничтожен. Совершенно дикий случай, но как тут не вспомнить ситуацию, сложившуюся в космосе много позже с экипажем Владимира Ляхова?! Тогда на орбите тоже возникла трудно прогнозируемая ситуация, связанная с формированием бортовым компьютером неадекватной команды на работу двигателя во время торможения, и только своевременное вмешательство человека позволило предотвратить катастрофу и благополучно закончить полет.

В результате за полтора месяца до намеченной экспедиции Павла Беляева и Алексея Леонова, когда должен был состояться первый выход человека в открытый космос, его устроители остались без каких бы то ни было сведений о том, что там ждет человека и всего с одним подходящим для этой цели кораблем. Главный конструктор Сергей Павлович Королев честно обо всем этом рассказал экипажу и стал советоваться:

– Что будем делать? Пойдем на запланированный эксперимент с большой неопределенностью или будем ждать новый корабль – а это месяцев 6–8, – чтобы снова запустить его в беспилотном режиме для сбора всех утерянных данных и только потом лететь самим? Ваши мнения?..

Оба космонавта прекрасно знали, что американцы тоже готовят похожий эксперимент – их астронавт на корабле «Джемини» должен будет полностью его разгерметизировать, высунуть руку наружу, и это будет зафиксировано, как первый выход человека в космос. Они прекрасно понимали, что это такое – конкуренция между США и СССР в космической сфере. Ответ их был прост и ясен:

– Мы находимся сейчас в прекрасной форме. Прошли для этого полета все, что необходимо, и психологически готовы выполнить задание. Конечно, понимаем, что там все будет по-другому, чем планируется и продумано на Земле. В общем, мы готовы и надо лететь...

А почему ж не лететь? На Земле, во время полетов на невесомость, неоднократно был отработан даже вариант потери сознания выходящего в космос и действия командира по разгерметизации всего корабля и затаскиванию в него бесчувственного человека в скафандре. Корабль проверялся на герметичность – все отлично. Шлюзовая камера – в порядке. Выходной скафандр «Ястреб» – сложная многослойная термостатическая система с автономным жизнеобеспечением примерно на час работы в космосе – тоже был проверен, как только можно. Зачем же откладывать?

И они полетели. Королев потом им признался, что очень волновался и сомневался в этом полете. Когда «Алмазы» (космические позывные Беляева и Леонова) ушли в небо, он долго стоял на стартовой площадке, охваченный нервозностью и какой-то духовной пустотой, думая, что ошибся и плохо поступил – на что же послал ребят? Ведь он был человеком, привыкшим перед каждым новым экспериментом иметь максимальное количество ответов на все возникающие вопросы. А тут совсем без разведки пошли на такое дело!

И началось. Прежде всего, вместо запланированных 300 километров их выбросило на орбиту аж в 500 километров от поверхности Земли. Но не это было самым страшным, самым непредсказуемым в том полете, а выход в открытый космос. Тот самый выход, восторженные оценки которого космонавта Леонова

из космоса быстро обошли весь мир и абсолютно ничего не говорили об истинной чрезвычайной ситуации, возникшей у Алексея Архиповича в черной космической бездне, на фоне нашего замечательно голубого шарика. Ситуация, которая вполне могла закончиться большой трагедией.

До полета сам выход в открытый космос моделировался в барокамере, где Леонов находился в скафандре, работающем в «космическом» режиме, а атмосфера вокруг разрежалась до той, что соответствует 60–90 километрам над уровнем моря (выше разрежение не позволяла создать техника). Была даже просчитана вероятность попадания в человека приличного метеорита. Получалось, раз в 80 лет – достаточно невысокая (хотя, конечно, кто его знает, когда попадет?!). Задачей такого моделирования было дать космонавту уверенность, что скафандр его защитит, потому что в случае его разгерметизации на такой высоте человек умирает почти мгновенно. Леонов эту уверенность получил и в открытый космос шел без особой боязни. Однако, там и случилось непредвиденное.

Во время земных тренировок он находился в скафандре хоть и в разреженной атмосфере, но все же атмосфере, где еще есть какие-то крохи различных газов. На высоте же в 500 километров человека ждал если не абсолютный, то очень глубокий вакуум. Давление там составляет всего одну миллиардную часть от нормальной, земной! Было ясно, что в таких условиях произойдет какая-то деформация скафандра, поэтому Леонов перед выходом тщательно и плотно затянул все ремни на скафандре. В условиях глубокого вакуума – в шлюзовой камере и в открытом космосе – он находился всего-то 50 минут. Но этого оказалось достаточно, чтобы скафандр непредсказуемо деформировался: раздулись перчатки и сапоги, руки и ноги вышли из них, угрожающе вспухли все его сегменты. Скафандр сильно увеличился в объеме – и в длину, и в ширину.

И вот, когда после окончания работы в открытом космосе, где-то над Енисеем (он хорошо это запомнил) Леонов получает команду командира возвращаться в корабль, то с ужасом понимает, что у него это не получается. Как и было запланировано, он снял со стойки корабля снимающую его выход кинокамеру и, соблюдая инструкцию, попытался войти в открытую шлюзовую камеру вперед ногами. Не получилось! Раздувшийся скафандр не пускал. И так и сяк пытался Леонов войти – ни в какую. Не хватало сил, чтобы преодолеть это цепляние безумно раздутого скафандра за края люка шлюзовой камеры. Почувяв что-то неладное, на связь вышел командир Павел Беляев. Спросил, как дела.

– Ерунда какая-то, – насколько мог спокойно, чтобы не пугать товарища, ответил Леонов, – я не могу войти...

– Почему? В чем дело? – услышал он встревоженный голос командира экипажа.

– Скафандр, скафандр раздулся и мешает...

И через некоторое время доложил командиру: «Паша, это, кажется, серьезно... Я попробую войти головой...»

– Давай Леша, пробуй, все пробуй, – еще более взволнованно отозвался Беляев. – Только входи. Не волнуйся, я тебя подстрахую, если что...

Вышедшему в космос первому человеку, трудно было позавидовать. Такая, как снег на голову, неожиданно свалившаяся проблема. И, главное, времени – в обрез. Всего на тридцать минут оставалось кислорода в системе жизнеобеспечения скафандра. И если он не придумает что-то, не войдет в корабль – гибель! Он, конечно, понимал, что Павел сильно переживает за него и действительно сделает все от него

зависящее, чтобы помочь. Помнил, что они даже отработывали в невесомости эвакуацию его в корабль в случае потери сознания, но он также и прекрасно понимал, что это возможно лишь в случае свободного его входа в шлюзовую камеру. А именно это у него не получалось! И здесь только он сам мог себе помочь.

Но мучительно искавший выхода из сложившейся экстремальной ситуации, Леонов не предполагал, что и его напарник оказался в не менее тяжелых обстоятельствах. Только если у вышедшего в открытый космос это состояние было связано с физическими проблемами, то все происходящее с ним ставило командира корабля в невыносимую моральную ситуацию. И связано это было с разговором, который перед самым их стартом произошел у Беляева с Главным конструктором Сергеем Павловичем Королевым. Леонов при нем не присутствовал, но узнал о содержании от командира только после завершения полета. Вот как он его понял:

«Возможно, на орбите складывается ситуация, что корабль не может вернуться на Землю – нет топлива на ориентацию, на спуск или еще что-то случилось. Упали бы на поверхность Земли лет через пять в мумифицированном состоянии... При неизбежном в таком случае кислородном голодании у человека нарушается сознание, критика. И лучше, мужественнее до такого состояния не доходить – это должен понимать каждый трезвый, смелый человек. Через 10–15 минут я все равно погибну, но перед этим буду кричать, психовать, реветь, как ненормальный – человека-то уже не будет... Тогда надо в какой-то момент мужественно покончить с собой. В этой ситуации сначала Паша убивает меня, а потом – себя. Это и есть настоящий, мужской подход.

– Ты знаешь, что сделать, если случится подобное? – спросил Королев у Беляева в завершение того разговора.

– Да, я знаю, – ответил ему Павел. – У нас есть для этого все...».

А затем Королев подозвал к себе Алексея. После общих вопросов и ответов о готовности, Королев ни о чем подобном ему не говорил. Только попросил:

– Ты там особо на рожон не лезь. Просто выйди из корабля, помаши нам рукой и – назад. И мы пойдем, может ли человек работать в открытом космосе.

И вот теперь вдали от Земли, в чуждом безвоздушном пространстве и непредсказуемо сложившейся ситуации, которая фантастическим образом приблизила их к тому, о чем говорил с командиром экипажа Главный конструктор, каждый из них оказался перед своей проблемой. Леонов – перед физической проблемой входа в корабль за оставшиеся ему считанные минуты. Беляев – перед сложнейшей, жесткой моральной проблемой, о которой ему говорил Королев и о которой он вообще не хотел думать. Однако, поди ж ты, как в воду глядел Королев: еще десять-пятнадцать минут безуспешных попыток Алексея, и тогда...

Потому Беляев, бессильный как-либо вмешаться в происходящее, молил всех мыслимых и немыслимых богов, чтобы у Леонова получилось. Чтобы он вошел в корабль. И у того получилось! То ли молитвы командира, то ли собственные опыт или удача помогли, но он сообразил, что нужно сделать в такой кошмарной ситуации. Перевёл давление скафандра на аварийный, пониженный режим, соответствующий нахождению человека примерно на 5-километровой высоте. Сделал это без доклада руководству, который по инструкции обязан был делать.

– Представляю, что бы было, если бы я сообщил им, что не могу войти?! – комментировал он много лет спустя в беседе со мной ту страшную ситуацию. – И, допустим, сообщил бы, что собираюсь перейти на аварийный режим работы скафандра...

(В этот момент нашего разговора, по прошествии тридцати лет со времени тех событий, увидел я на лице первого вышедшего в открытый космос человека неподдельный ужас и безысходность – нет, не за свою судьбу в ту роковую минуту, хотя висела она на волоске. А из-за того, к чему привело бы его обращение с такими проблемами к руководству полетом.)

– ...Тут же нашлась бы куча спецов, которые прежде всего захотели бы изучить мою электрокардиограмму, прочую «физиологию», чтобы выяснить, готов ли я к этому. А у меня, простите, всего тридцать минут до окончания кислорода и пять минут до входа в тень. И далее – полная темнота, поскольку никакой подсветки на корабле не было. И кто бы мне помог?! Лучше меня никто ситуацию не понимал.

Как только он уменьшил давление внутри скафандра, тотчас руки у него вошли в перчатки, ноги – в

сапоги, скафандр принял привычный объем. Правда, где-то билась мысль о возможной кессонной болезни от нахождения в условиях сильно пониженного давления, но он понимал, что уже более 50 минут пребывания в открытом космосе дышит смесью с большим содержанием кислорода, а, значит, азот из крови успел вымыться, и кессонная болезнь не грозит. Увидев, что скафандр принял привычные размеры, он начал вход – правда, на этот раз уже руками вперед, поскольку боялся потерять кинокамеру, ее пустил перед собой.

И – о, счастье! – в шлюзовую камеру вошел без осложнений. Но тут же выявилась новая проблема – поскольку вошел вперед руками, надо разворачиваться на 180 градусов, чтобы закрыть выходной люк и войти затем в корабль уже только ногами вперед. А при сечении шлюза 120 сантиметров да длине скафандра 190 сантиметров (и в нем можно лишь слегка шевелить конечностями) – сами понимаете. Но куда денешься – пришлось разворачиваться с невероятным напряжением сил. В этот момент пульс подскочил до 190 ударов в минуту, и начался жуткий внутренний перегрев. На дыхание и вентиляцию у Леонова было всего 60 литров кислородной смеси в минуту – это чрезвычайно мало. Для примера, в сегодняшнем выходном скафандре этот показатель составляет 360 литров.

В общем, когда он все же сделал все и уже, находясь напротив своего командира, снял гермошлем, то не увидел напарника, поскольку ручьем льющийся со лба пот заливал глаза. Время от ясного понимания того, что он не может войти в шлюзовую камеру, до принятия решения о переключении скафандра на аварийный режим давления заняло всего-то две минуты, а разворот в шлюзовой камере – полторы. После приземления выяснилось, что за сутки полета Леонов потерял почти 7 килограммов веса, и большая часть потери пришлась именно на выход в космос. Из каждого сапога вылил по три литра воды. Но все это уже были мелочи. Главное – Алексей Леонов вышел в открытый космос и благополучно вернулся. Отстрелив выполнившую свою функцию и ненужную более шлюзовую камеру, они стали готовиться к спуску. И здесь судьба преподнесла им еще один сюрприз, который запросто мог привести к гибели, на этот раз обоих сразу.

Вдруг ни с того, ни с сего в корабле начался подъем парциального давления кислорода: 160, 180... 220. Космонавты принялись бороться с ним, понижая влажность, температуру. Но подъем продолжался и достиг значения в 460 миллиметров ртутного столба. А уже при 360 – это чистый гремучий газ, чрезвычайно взрывоопасная смесь. То есть давление в корабле у «Алмазов» превысило эту цифру на 100 миллиметров! Тут достаточно небольшой искорки – и произойдет взрыв. При значительно менее опасных показателях атмосферы в барокамере сгорел во время испытаний – еще до полета Гагарина – советский космонавт Бондаренко. А позже, в январе 1967, в кабине «Аполлона-1» – американские астронавты Гриссом, Уайт и Чаффи.

«Алмазы» были в оцепенении, но потом, видимо, сказалось утомление первых часов полета, и они просто плюнули на весь этот кошмар и 7 часов находились во власти провидения. Даже уснули ненадолго. И все же удача шла с ними рядом. Неожиданно они проснулись от какого-то взрывообразного хлопка. Поначалу решили, что это конец – тот самый взрыв, но вокруг ничего не горело. Наоборот, давление вдруг начало медленно падать и вскоре нормализовалось.

Оказалось, все довольно просто. Во время выхода Леонова в космос корабль находился долгое время в статичном положении. Из-за этого обращенный в сторону солнца его бок нагрелся до +160 градусов, а другой, в тени, остыл до –140. Из-за этой разницы произошла небольшая деформация всего корпуса, и внутренний люк при заходе космонавта в корабль не до конца сел на свое место, хотя соответствующие датчики просигнализировали закрытие. Но какой-то ничтожный, микронный зазор все же остался. Его оказалось достаточно, чтобы пошло травление воздуха наружу. Система же жизнеобеспечения ничего этого не понимает, а при любом падении давления просто реагирует добавлением в атмосферу корабля кислорода – до выравнивания общего давления. А стравление воздуха в космос продолжалось, и космонавты не успевали перерабатывать дыханием добавленный кислород – вот его общее содержание и росло. Кроме этого, засыпая, они случайно включили тумблер подачи воздуха в корабль, и у них общее давление поднялось аж до 960 миллиметров вместо положенных 760. В этот момент, из-за высокого давления, с хлопком сработал специальный клапан сброса лишнего давления. Видимо, Господь в этот полет благоволил космонавтам, и нет худа без добра. Лишнее давление посадило на свое место выходной люк, и парциальное давление кислорода вошло в норму.

Потом, при подготовке к спуску, был еще отказ солнечной ориентации и вынужденный переход на ручную ориентацию, а потом – впервые в космонавтике – ручной спуск космического аппарата. Да вдобавок сели в незапланированную точку – в тайгу. И уже на Земле, в самую неожиданную для Леонова минуту, Павел Беляев вдруг вернулся к тому разговору с Королевым перед полетом о чрезвычайной ситуации, возникшей у них в космосе. Взяв для чего-то имеющийся в корабле пистолет, он сказал – то ли сам себе, то ли своему напарнику, то ли еще кому-то:

– Знаешь, я вот смотрю на тебя, когда ты спишь... У тебя слюнка течет от уголка губ, как у младенца... И я думаю: «Господи, неужели же я тебя мог убить?!»

Вслед за этим он и рассказал удивленному Леонову о напутствии Главного конструктора, которое тот дал ему перед стартом.

– И мы были на половине пути к гибели – к тому, чего так боялся Сергей Павлович Королев, – попытожил Алексей Леонов тот непредсказуемый полёт.

Взаимоотношения трех этих людей – Королева, Беляева и Леонова – накануне непредсказуемого исторического полета с первым выходом человека в открытый космос и критическая ситуация, сложившаяся во время этого выхода, оставляют непреходящее ощущение настоящего драматического спектакля, который только и может сыграть жизнь. Но, похоже, его завязка была на самом деле еще драматичнее. Она запрятана в том самом разговоре, который незадолго до их полета произошел у Беляева с Главным конструктором Сергеем Павловичем Королевым. Вернее, с новыми сведениями о нем, ставшими известными много позже. Оказывается, у того памятного разговора был свидетель!

Тогда, за несколько недель до старта Беляев и Леонов прошли ответственную тренировку в термокамере и после нее, когда с космонавтов были сняты все датчики и прочая медицинская амуниция, с ними захотел тет-а-тет поговорить Королев. Ему предоставили кабинет врача, в котором только что закончилось медицинское разоблачение недавних испытуемых и который был пуст. Первым с Сергеем Павловичем туда вошел командир экипажа Павел Беляев. Но незадолго до этого психолог отряда космонавтов Ростислав Богдашевский, собрав всю снятую с ребят медицинскую экипировку, удалился в так называемую «темную комнату», находившуюся в этом же помещении, чтобы там привести экипировку в порядок. Разговор Королева с Беляевым начался настолько неожиданно, что выходить из этой комнаты ему было уже очень неудобно, – так Богдашевский стал невольным свидетелем того исторического диалога. Вот его версия:

– Как самочувствие, как тренировка, – спрашивает Главный, – как оцениваете готовность экипажа к выполнению программы?

– Все нормально. К полету готовы, – дежурно отвечает Беляев.

– Что ж, это хорошо, что готовы. Очень хорошо... А сам, как командир, к полету готов?

– Да, готов.

– Сейчас проверю... Вероятность того, что все будет хорошо на сегодняшний день, – порядка 0,7. Если еще полгода поработаем, то сможем ее повысить от силы до 0,8. Через неделю-другую после намеченного нами времени старта ту же программу должны выполнить и американцы. Сам понимаешь, что такое первый выход в открытое космическое пространство. А теперь, Павел Иванович, проверяю твою готовность. Что будешь делать, если Алексей не сможет войти в шлюз?

– Во время тренировок на невесомость при полетах на самолете-лаборатории Ту-104 я отрабатывал такую нештатную, – отвечает Беляев. – Он (Алексей) имитировал бессознательное состояние, и я «затаскивал» его в шлюз и далее в спускаемый аппарат.

– А если у тебя ничего не будет получаться, сможешь отстрелить Алексея вместе со шлюзовой камерой? – напрямую, в упор спросил Главный конструктор.

После некоторого недоуменного молчания Беляев ответил:

– Я уверен в себе. Такого не может быть.

Теперь задумался Королев. А потом неожиданно подытожил:

– Что ж, спрашивал о твоей готовности, Павел Иванович, не зря. К полету не готов. Иди...

Снова замолчал Беляев. Никуда, естественно не пошел, а после минутной паузы тихо выдал из себя:

– Если потребуется, я смогу это сделать.

– Спасибо, – спокойно принял его слова Королев...

Два свидетельства того памятного разговора Королева с Беляевым при некоторой внешней схожести сильно отличались по своей фактической, но более – моральной сути. Потому, обнаружив такое несоответствие, я попытался, как можно более точно услышать о нем от обоих оставшихся в живых людей, кто имел к нему отношение. Однако, оба, передавая тот разговор в деталях, стояли каждый на своем. Более того, Леонов решительно не принимал не только подобное его толкование Богдашевским, но даже сам факт возможного присутствия кого-то третьего при личном разговоре Королева с Беляевым. Где же истина?

Осмелюсь предположить: если и впрямь тот разговор был таким, как его описывает психолог Богдашевский, то в его толковании правы... оба. И в этом нет ничего странного, поскольку Леонов-то излагает эту историю со слов своего командира Павла Беляева. А тот в счастливую минуту благополучного возвращения, передавая своему другу и напарнику недавний диалог с Королевым и находясь во власти вполне понятных сентиментальных чувств, полусознательно чуть изменил его суть. Конечно, Леонову было бы более обидно услышать всю истину, по которой при определенном стечении обстоятельств он (или его безжизненное тело) просто бросалось в космосе, ради возвращения на Землю оставшегося в живых другого члена экипажа. Во всяком случае, так мог предполагать сам Беляев, и, видимо, это обстоятельство заставило его рассказать о том разговоре по-своему.

А действительно, что делать, если во время выхода Леонова в космос возникает ситуация, при которой он не может войти в шлюзовую камеру и погибает вне корабля? Да, во время тренировок в самолете-лаборатории он втаскивал «безжизненное» тело напарника в корабль, но это же на Земле, а что может случиться там – в космосе?! Не гибнуть же обоим – ведь при неотстреленной шлюзовой камере благополучное возвращение корабля невозможно – тут хоть одного спасти! Именно такой и должна была быть позиция Главного конструктора Сергея Павловича Королева, который нёс персональную ответственность и за жизни людей, и за успешное выполнение намеченной космической программы. И в ситуации подготовки к столь непредсказуемому полету-эксперименту он просто обязан был предусмотреть

минимизацию возможных потерь. Что он, видимо, и сделал, проведя соответствующую проверку-инструкцию командира экипажа накануне полета в том памятном разговоре с ним. И в этом случае услышанный психологом Богдашевским разговор Главного конструктора с Беляевым вполне мог иметь место. А Беляев, в свою очередь, проявил истинно гуманные чувства, не обманывая Леонова полностью, нет! – лишь несколько, по его мнению, изменив тот разговор и по-своему интерпретируя его суть сразу после их благополучного приземления. Но кто посмеет упрекнуть его за это?!

И можно только очень отдаленно представить себе, что пережил Павел, когда у Алексея возникли серьезные проблемы при возвращении из открытого космоса в корабль – все как будто развивалось по жуткому сценарию, оговоренному с ним Королевым. Как молился он за то, чтобы у Леонова все получилось, и ему не надо было выполнять наказ Королева! Какое великое счастье, что в самый решающий момент того исторического полета неведомый режиссер счастливо изменил ход своего драматического спектакля – Алексей нашел единственно правильный выход из смертельной ситуации. Иначе имели бы мы, по меньшей мере, на одну жертву освоения космоса больше, а космонавт Павел Беляев остаток своей жизни испытывал бы великие моральные муки, считая себя косвенно виноватым в гибели друга.

Глава 3. Летящие в огне

В длинной веренице чрезвычайных космических происшествий, неизменно, как все земные события подчиняются закону Ньютона, подчиняющихся короткому правилу космонавта Владимира Ляхова «все будет не так» (не так, как планирует руководство и предполагает готовящийся к полету в неизведанное человек), есть одно, полностью из нее выпавшее. К сожалению, закончившееся трагедией. Гибель космонавта Владимира Комарова. К великому несчастью у него все случилось именно так, как он предчувствовал.

Почему-то этот печальный день – солнечный весенний день 24 апреля 1967 года – из всех многочисленных потрясений того времени врезался в мою память особенно четко. Я учился в шестом классе и прекрасно помню, как о случившемся нам объявила – прямо на уроке – учительница русского языка и литературы, пожалуй, самая моя любимая учительница в той школе. Занятия прекратили, в школе организовали митинг. На нем – а потом и в разговорах родителей и других взрослых – я всеми струнами своей души ощутил неподдельную всеобщую скорбь и настоящее, большое горе. Быть может, потому, что это была первая человеческая трагедия в шестилетней эйфории советских космических побед. А, может, просто оттого, что имя этого человека воспринималось и произносилось людьми с какой-то особой теплотой и любовью...

За высокопарными словами о подвиге в космосе, о геройской кончине при исполнении своего служебного долга и последующими посмертными высшими наградами как-то не детализировалась причина гибели Комарова. А уж тем более никто и не задумывался о том, как повел себя в той чрезвычайной ситуации в полете этот человек, как и какую, он встретил смерть. Неважно, что смерть его фактически произошла на Земле, когда на высоте 10 километров отказала парашютная система спускаемой капсулы, и она, подобная стремительному горящему метеору, так и пролетев до поверхности планеты, почти не затормаживаясь, ударила об нее со скоростью около 150 километров в час. Отчего разрушилась, возник пожар, в котором практически дотла и сгорел Володя... Пусть случилось это уже на Земле по столь нередкой и в докосмическую эру причине, как нераскрытие парашюта, – эта трагедия произошла именно в космическом полете и из-за рокового отказа новой космической техники (он ее и испытывал в нем), когда от человека уже ничего не зависело.

Переживания, чувства, мотивы и действия того или иного индивида – будь то событие его внутреннего мира или трагическая смерть при исполнении профессионального долга – не являлись предметом особого внимания в советском государстве, если они, конечно, не были связаны с прославлением существующего строя и обслуживанием тоталитарной идеологии. В лучшем случае ими интересовались психологи или друзья и близкие. Потому об этой стороне гибели Комарова советскому народу тогда ничего не рассказывали. Кое-какие новые сведения стали просачиваться к людям много позже. Когда не стало уже ни тоталитарного строя, ни могучего советского государства, а главные свидетели или носители тех тайн либо ушли из этого мира совсем, либо – на пенсию.

Например, известный военный журналист Михаил Ребров, специализировавшийся в газете «Красная Звезда» на космической тематике, имевший доступ ко многим закрытым источникам и, несомненно, знавший из этой области очень многое, попытался приоткрыть завесу секретности и замалчивания о Комарове и других космических происшествиях лишь в 1993 году в книге «Космические катастрофы». Однако и он, похоже, не сумел сказать всю правду – либо в силу своих корней из того же тоталитарного коммунистического строя, либо из-за неполного знания тех событий, либо в силу каких-то еще причин. Так, цитируя некоторые вышедшие в последнее время западные книги на эту тему («Предсмертные крики Комарова зафиксировали американские наблюдательные станции. Он знал об обреченности еще на орбите, и американцы записали его душераздирающие разговоры с женой, Косыгиным, а также с друзьями из группы космонавтов. Когда начался смертельный спуск корабля на Землю, он только отметил нарастание температуры, и после этого были слышны только его стоны и, похоже, плач...»), он называет написанное в них одурачиванием людей, деланием на сенсационных сведениях денег или имени. Правда, довольно точно передает политическую и техническую обстановку, сложившуюся в стране перед полетом Комарова и связанными с ним космическими экспериментами, но при этом абсолютно забывает о самом важном, имеющем отношение к чувствам, мыслям и действиям главного действующего лица той трагедии.

Новые, куда более интересные, истинно сенсационные сведения о гибели Комарова просочились на всеобщее обозрение благодаря откровениям перед журналистами бывшего офицера КГБ Вениамина Русяева, выполнявшего первые несколько лет после полета Гагарина функции его телохранителя, опекуна, советчика и бывшего просто его другом. Любопытно, что неизвестные сведения о Комарове стали известны в связи с разбором другого, куда более запутанного, дела – о трагической смерти первого космонавта Юрия Гагарина. Истории, которая до сей поры полна тайн, недосказанностей и домыслов.

Признаюсь, когда я только начал писать эту книгу и в бесконечной цепочке поведения человека в чрезвычайных ситуациях искал место гибели Комарова, мне наиболее важными казались последние минуты жизни этого космонавта. Те самые две-три запредельные для обычного человека минуты, которые пережил в тесном пространстве спускаемого аппарата до удара о поверхность Земли Владимир Комаров. Когда, завершая свой второй космический полет, он ясно понял, что у него не сработал парашют, что он со страшной скоростью «свистит» вниз, никто и ничто ему уже не может помочь, и – вот она, смерть! Я слышал о какой-то таинственной записи его реплик в эти минуты – надорванных криков, чуть ли не матом в адрес всех и вся, якобы случайно пойманных в эфире то ли английским радиолобителем, то ли какой-то радиостанцией. Слышал о будто бы имеющемся в наших космических архивах, куда более выдержанном его репортаже о происходящем с ним в эти роковые минуты... Однако первое мне нигде найти не удалось, а второе мне никто не показал.

Но преданные огласке бывшим телохранителем Гагарина сведения о гибели Комарова вот, что открыли. Задолго до этих действительно страшных минут – когда он оказался в физической ситуации, в которой человек и впрямь может потерять рассудок и наговорить-накричать чего угодно, находясь уже в нечеловеческом состоянии, – судьба поставила его в куда более страшную и неразрешимую моральную ситуацию. Экстремальную моральную ситуацию, в которой в отличие от последующей страшной физической ситуации, где у него уже не было выбора, он оказался перед сложнейшей проблемой нравственного выбора. Выбора между жизнью и смертью. Причем не только своей, но и другого человека... – Юрия Гагарина. И он осознанно сделал этот выбор не в пользу своей жизни.

Как известно, полет Комарова открывал новую серию трехместных кораблей «Союз» – на них, кстати, летают и по сей день, но тогда это была принципиально новая, неизведанная космическая техника. Он намечался на конец апреля – как всегда, спешили к очередному большому празднику, на этот раз Первомаю, а дублером был Гагарин. И вот Русяев рассказывает, что за месяц-полтора до рокового старта Комаров пригласил его с женой к себе в гости, познакомиться с семьей. Уже вечером, когда гости стали уходить, Владимир вышел их провожать. И на лестничной площадке, подождав, когда они останутся одни, вдруг сказал Русяеву:

– Ты знаешь, а я ведь из этого полета не вернусь...

Тот просто опешил и попытался ему возразить: мол, над новым кораблем работали сотни высококлассных профессионалов, каждый узел и агрегат проверяются десятки раз.

– Поверь мне, я знаю, о чем говорю, – настаивал Комаров.

И вдруг он... расплакался. Русяев был совершенно поражен: бесстрашный, волевой человек, побывавший во всевозможных передрягах летчик-испытатель – и такая реакция! Понимая, что его собеседник имеет в виду какие-то серьезные недоработки в новой машине, Русяев единственное, что нашелся на это сказать:

– Если ты так уверен, что погибнешь, то откажись от полета.

– Нет. Ты же знаешь, – без тени иронии или обреченности, но жестко и серьезно возразил его собеседник, – откажусь я, полетит первый. А его надо беречь...

«Первый» – это первый космонавт планеты Юрий Гагарин, дублер Комарова. Вот она, тяжелейшая, запредельная моральная ситуация, в которую был поставлен этот человек социальными, политическими обстоятельствами и просто своей гражданской позицией. Позицией, по которой жизнь первого в истории космонавта, принадлежащую всему человечеству, он изначально ставил выше своей собственной.

Понятно, освоение космоса – такое рискованное дело, что любой полет может закончиться трагически. Описанная выше история с выходом в открытый космос Леонова лишний раз подтверждает это. Наверное, и Сергей Павлович Королев умер явно раньше времени в большой мере от того, что перед каждым запуском «туда» своих «ореликов» сильно переживал за них, частенько кляня себя за то, что что-то еще можно и нужно было сделать лучше, отработать четче, подстраховать надежней... Космос – это не Земля. Это постоянный риск.

Да... и к этому полету Комарова Сергея Павловича уже не было в живых – некому было столь же ревностно биться за своих ребят, используя свое положение и влияние. Но и Владимир Комаров не шел обреченно на это заклятие – он посвятил во все Гагарина. В итоге первый космонавт организовал большую группу из разных специалистов, которые обладали достаточной квалификацией, чтобы сделать решительный вывод: «Союз-1» к полету не готов, и значит, запуск его следует во что бы то ни стало отложить. Оно было доведено до сведения первых лиц космической отрасли, и даже предприняли попытку передать его лично генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу. Неизвестно, читал ли его последний, но с прискорбием следует признать, что опять возобладало желание отрапортовать о новом космическом успехе к очередному празднику... Победила надежда не на здравый смысл и многократный расчет, а на русское «авось» – авось пронесет... Не пронесло!

Серьезные проблемы начались у конструкторов с новым «Союзом-1» еще на Земле. Конечно, сведения об этом тщательно скрывались, но до журналистов дошло, что за несколько дней до старта во время одной из проверок корабля произошел серьезный отказ клапана наддува азотных баков, потом проявился еще какой-то дефект... Ох, не надо, не надо было лететь этому кораблю!

Состояние Комарова во все эти дни, когда решалось, полетит корабль вообще или нет, думаю, поймет каждый. И когда все же было принято роковое решение лететь, он, как человек военный, подчинился приказу, с достоинством и без паники приняв свою судьбу. Как утверждают видевшие его перед стартом журналисты, внешне был довольно спокоен, а голос его – тверд.

– Самочувствие отличное, – доложил он сразу после посадки в корабль. – Закрепился в кресле, у меня все в порядке. Дайте сверку времени.

Да, у него все было в порядке. С совестью, чувством долга – профессионального и человеческого. И с выдержкой – тоже все в порядке. А вот что творилось тогда у него в душе – этого уже не узнает никто...

Неразрешимые сложности у Комарова с новой техникой возникли уже на орбите, когда не раскрылась одна из солнечных батарей – с ее включением был связан последующий эксперимент по пристыковке к «Союзу-1» другого корабля «Союз-2» и переходом двух из трех его космонавтов к Комарову. Но отсутствие этой батареи перечеркивало возможность стыковки и совместного полета двух кораблей. Владимир понимал все происходящее, сильно расстраивался и пытался собственными силами открыть злополучную батарею – стучал даже ногами в то место корабля, где с внешней стороны располагалась пружина той солнечной батареи, но это не помогло. Кто знает, возможно, от этих ударов и повредился механизм парашюта. Ах, если бы ему не стучать тогда... Впрочем, от судьбы не уйдешь, ее не обманешь.

Руководство полетом приняло решение: эксперимент по стыковке отложить, а Комарова возвращать на Землю. Через 27 часов после старта он затормозился где-то над Африкой и помчался вниз – навстречу своей смерти. Когда вошел в зону радиовидимости наземных станций слежения, с одной из них доложили: «Объект прошел зону. Время видимости две секунды». Некоторых из присутствующих в ЦУПе специалистов озадачила эта информация: «Почему две секунды? Локаторы должны вести его дольше – ведь спуск на парашюте длится куда больше!»

Сигнал бедствия из района приземления стал ответом на эти вопросы...

Я не знаю, как себя вел, что говорил или кричал – в эфир, или только себе – космонавт в последние минуты жизни, когда узнал, что парашют спускаемого аппарата не раскрылся и он несется навстречу Земле со скоростью курьерского поезда. Думаю, невозможно вообразить себе весь ужас, охватывающий человека, когда вместо спасительного рывка парашюта он продолжает ощущать стремительное падение сквозь атмосферу с все большим разогревом стенок – до пламени на обшивке от трения о плотную атмосферу – и отчетливым осознанием близкого конца... Но я знаю, что Владимир Комаров с честью выдержал куда более трудный экзамен. Он сделал истинно великий шаг в тяжелейшей моральной ситуации, когда перед ним отчетливо встал вопрос о его вероятной смерти ради спасения жизни своего коллеги по отряду космонавтов и одновременно человека, ставшего достоянием всего мира. Он мог, мог отказаться от вероятной смерти, мог выбрать другое. Но он сделал свой выбор. И вечная ему память в сердцах людей за профессиональный подвиг и этот великий человеческий поступок.

Однако – о, эти непредсказуемые совпадения, в которых тем не менее явно существует какой-то если не событийный, то астральный смысл, – хотя бы отчасти мы можем проследить, как себя вел и что чувствовал Комаров в подобной критической обстановке в космосе. Поскольку волею судьбы еще один космонавт оказался в очень похожей ситуации при спуске на Землю, пройдя, быть может, половину того пути к смерти (который прошел Комаров) и чудом спасшийся в самый последний момент. А люди эти замешены из одного теста.

В январе 1969 года космонавт Борис Волинов поднялся в космос на корабле «Союз-5» вместе с космонавтами А. Елисеевым и Е. Хруновым. Они благополучно состыковались с взлетевшим за сутки до них «Союзом-4» с космонавтом В. Шаталовым, двое перешли в этот корабль, а Б. Волинов приготовился в одиночестве к возвращению. Нормально отстыковался от другого корабля. После чего прошло торможение, а следом должно было произойти одновременное разделение спускаемого аппарата с двумя ненужными уже отсеками: бытовым и приборно-агрегатным.

К сожалению, оно прошло не совсем удачно: когда взрывом отделился бытовой отсек, взрывная волна

легла на крышку люка и металлическая балка, на которой крепится его штурвал, слегка прогнулась. Из-за этого крышка люка отошла внутрь и со щелчком легла назад. Произошел так называемый «прохлоп крышки люка». Великое счастье, что в ненадолго образовавшийся зазор не попали плавающие в немалом количестве в невесомости в аппарате всякие шайбочки, контрольные проволочки – тогда вообще вся атмосфера могла уйти за несколько секунд. Но и за эти доли секунды за счет короткой разгерметизации корабля из него вышла часть воздуха, и давление внутри разом упало на 100 миллиметров ртутного столба. Будто в долю секунды космонавта забросило с поверхности моря на высоту 6 километров. Ощущения не самые приятные, особенно если учесть, что он находился без защитного скафандра.

Но, как выяснилось, это были только цветочки. Чуть только Волынов опомнился от случившегося и отошел от бароудара, он глянул в иллюминатор. И – обомлел! Рядом, за рожками антенн, торчали крылья солнечных батарей. Но их же на спускаемом аппарате быть не должно! Они есть только на приборно-агрегатном отсеке, который в полете корабля на орбите питает его электроэнергией. А это означает, что он по какой-то причине не отстрелился от спускаемого аппарата вместе с бытовым. И корабль его не идеально аэродинамически спускается к поверхности Земли жаростойким днищем, которое благодаря своей специально рассчитанной форме помогает затормаживать при падении, а какой-то другой, незащищенной частью. Ведь из-за присутствия в его конструкции незапланированного для этой фазы полета тяжелого приборно-агрегатного отсека он имеет другой центр тяжести и форму.

Космонавта пронзил холодный пот, поскольку все это означало только одно: до смертельного приземления остается 30 минут. Это если до той недалекой поры он не сгорит в раскаленном от трения о плотный воздух аппарате. «Земля», как и бывает в подобных ситуациях, замолчала сразу же после его короткого доклада о стряпне ЧП и перестала выдавать какие бы то ни было команды... Ему оставалось надеяться только на судьбу.

И, как Комаров еще на Земле, он тоже оказался перед выбором, но в космосе, в страшной ситуации, в которой от него уже ничего не зависело. Он мог орать, вопить, сходить с ума, биться головой о стенки аппарата. Мог плакать или молить Бога о спасении. Но он выбрал другое. Дабы хоть что-нибудь осталось после того, когда его не будет, Борис Волынов включил магнитофон и спокойно, без дрожи в голосе, начал диктовать происходящее на пленку:

– При разделении отсеков от взрывной волны произошел сдвиг крышки люка, с последующим возвращением его на место. За это время давление в аппарате упало на 100 миллиметров...

– Не отделился приборно-агрегатный отсек – вижу в иллюминаторе крылья его батарей. Корабль идет к Земле выходным люком. Возрастают перегрузки в нестандартных направлениях...

Тут начался разогрев аппарата, и вскоре он уже диктовал, хрипя от перегрузок, жары и собственного бессилия:

– Вижу, как языки пламени лижут стекла иллюминатора – горит боковая обшивка. В аппарате все труднее дышать...

Находящиеся в этот момент в ЦУПе некоторые его коллеги по отряду космонавтов, все слышавшие и понимавшие, натурально плакали от кошмара этой ситуации и мужественного поведения товарища в ней – горит, вот-вот погибнет, но продолжает вести репортаж!

И тогда произошло самое страшное, что могло случиться для находящегося в этих обстоятельствах человека. Раздался такой взрыв, что ему показалось, будто спускаемый аппарат полностью разорвало и прячущееся в нем от смерти двуногое существо заглатывает космическая бездна. «Это конец, – мелькнула мысль, естественно, не записавшись на пленку. – И так рано...»

Но предполагаемый «конец» оказался, как нередко бывает, спасением – это от перегрева взорвались топливные баки приборно-агрегатного отсека, а от них, видимо, сработали и термодатчики, призванные в случае отказа этой штатной операции дать команду на подрыв соединений отсеков при сильном подъеме температуры. Последний уровень безопасности, о котором он, конечно же, совершенно забыл в этой катастрофической ситуации. Космонавт в этот момент уже не думал о спасении, и оба эти взрыва произошли практически одновременно, удвоив его ощущение конца. Итак, разделение отсеков произошло принудительно, и одновременно с взрывом отсоединился, наконец, сам злосчастный отсек. На высоте примерно 80 километров от Земли он отлетел от аппарата – вернее, аппарат от него, поскольку весит намного меньше, – как пинг-понговый мячик от ракетки. Спускаемую капсулу бешено закрутило, но

все-таки развернуло днищем навстречу страшному потоку воздуха. Вольнов даже не заметил, когда выбросился парашют. Парашют хоть и был спасением, но все же не смог полностью погасить набранную огромную скорость спускаемого аппарата.

Удар о землю получился такой силы, что стационарно закрепленный около кресла магнитофон, в который он и диктовал свои последние слова, мгновенно оторвало и мимо коленей швырнуло в днище, подобно снаряду из пушки. Космонавту показалось, что раскололся его череп, но то была иллюзия – от сильного удара произошел перелом корней части верхних зубов, и они откололись.

Сел, вернее, грохнулся он в 500 километрах от расчетной точки, где корабль никто не ждал. Мороз снаружи под -40 градусов по Цельсию! Когда сам открыл выходной люк, то увидел жуткую картину: жаропрочная сталь от перегрева превратилась в пенообразную шапку. Посидел немного – вроде бы все нормально. Ну, за исключением отлетевших зубов и сильных ушибов на теле.

А потом были десять дней торжеств по случаю счастливого – вот уж действительно счастливого! – возвращения. А потом – 20 дней в военном госпитале, где вставляли потерянные зубы. Но он был жив, жив, несмотря ни на что! После этой посадки врачи сказали, что летать он больше не будет. Психологи заявили: такой психологический барьер никто еще не проходил и вряд ли пройдет. Его назначили на административную должность в отряде космонавтов. Но он потихоньку отошел от страшного стресса и начал летать на истребителе: сначала на спарке, затем в одиночку. А потом, летом 1976 года, снова поднялся в космос и вместе с В. Жолобовым проработал на станции «Салют-5» более полутора месяцев.

Когда в апреле 1967 года в Москву в маленьком цинковом гробике привезли то, что осталось от Владимира Комарова после его страшного возвращения на Землю, то тогдашний Главком ВВС маршал К. Вершинин после некоторых колебаний распорядился показать это членам отряда космонавтов – летавшим и нелетавшим. Чтобы не строили иллюзий и шли в полет осознанно. Среди них был и Борис Вольнов. Его увиденное не остановило. Не остановило и никого другого.

Часть 3. Неизвестные герои

Прорыв в новое, неизведанное – а что более подходит под эти определения, нежели космос?! – всегда требовал от людей необходимости идти на риск, самопожертвования, иногда и жертв. Потому покорители космического пространства и стали получать звания героев, потому они на виду. Однако, не следует забывать, что, как не бывает вершины пирамиды без огромного количества поддерживающих ее камней, так не смогли бы состояться все наши потрясающие успехи в космосе без целой армии людей, ставших для них той самой фундаментальной опоркой. Некоторые из них тоже готовились к космосу, готовы были лететь туда и точно так же, как и известные герои, жертвовать при этом самым дорогим, но в силу целого ряда причин остались на Земле. Другие вообще не имели никаких шансов на полет, многие из них не смели даже мечтать о нем, но сделали для дела освоения космоса ничуть не меньше, чем пилот корабля или бортинженер на орбите.

Все они, хотя кое-кто отдал великому делу человечества здоровье и даже жизни, а некоторые получили серьезные награды за свой необычный труд, остались неизвестны большинству людей. Но без них вряд ли стали бы возможными наши самые громкие победы в космосе.

Глава 1. Билет в один конец

Ныне космонавтика стала каким-то обыденным делом. Более десятка землян уже побывали на Луне, сотни людей – на орбите Земли, и мы порой не запоминаем даже их имен. Сейчас получить билет в космос может практически любой человек – «всего-то» за полтора десятка миллионов долларов и проведя несколько месяцев в Звездном городке на специальной подготовке. Дальше, думаю, будет еще проще и легче. А в первые годы освоения космоса вокруг него разворачивались нешуточные драмы, гибли люди. Но порой для заветного полета недостаточно было пожертвовать даже самой жизнью...

Любое большое дело, связанное с принципиально новой техникой, – всегда рискованное мероприятие, в котором трудно сказать, где ткань окажется тоньше и когда разорвется. А уж такое дело, как освоение космоса, и подавно. Еще до проникновения туда первого человека космос начал брать от человечества страшную плату за дерзкие замыслы выйти за пределы своей колыбели.

23 марта 1961 года, за двадцать дней до намеченного уже на 12 апреля первого старта ракеты с человеком на борту, произошла ужасная и нелепая трагедия. В тот день член первого отряда советских космонавтов летчик Валентин Бондаренко проходил стандартное испытание в барокамере, где моделировалось нахождение человека в условиях разреженной атмосферы. Она соответствовала нахождению его на высоте 5 тысяч метров, за тем лишь исключением, что для лучшего самочувствия испытателя была насыщена чистым кислородом. И вот, в первом часу ночи, во время смены датчиков на теле Валентин протер спиртом места их прикрепления на коже и, проходя мимо раскаленной электроплитки, на которой разогревал себе ужин, случайно обронил проспиртованный тампон прямо на

раскаленную спираль. Мгновенно все в барокамере превратилось в сплошной огонь. На Бондаренко загорелся спортивный костюм. Пока, предварительно стравив давление, открыли барокамеру, он успел страшно обгореть, но был еще жив.

– Никого не вините – я сам виноват, – еле слышно произнес он, выпадая на руки врачей и теряя сознание...

И умер через три часа. «Наш звоночек» – так ласково звали Валентина Бондаренко в отряде за его тонкий и звонкий голос. А ведь он вполне мог стать одним из первых космонавтов. Но стал первым из первого отряда советских космонавтов, кто отдал свою жизнь великому делу освоения космоса. Было ему тогда всего-то 23 года – самый молодой в отряде.

Но космос требовал от людей не только такие «простые» жертвы, как жизнь. Иногда стремившиеся к нему люди и готовы были ее отдать, но этого было недостаточно. И они платили за свое стремление попасть туда иную, куда более изощренную плату.

Как я уже рассказывал, в январе 1969 года во время возвращения на Землю корабля «Союз-5» с космонавтом Борисом Волыновым произошла самая, пожалуй, страшная ситуация из случившихся в полетах. За исключением, конечно, тех, что закончились гибелью космонавтов. После торможения корабля для спуска не произошло его разделения с приборно-агрегатным отсеком, и аппарат летел к поверхности планеты не жаростойким днищем вперед, а совершенно незащищенной частью. И начинал гореть. Свидетелями этой страшной сцены оказалась группа из отряда космонавтов – уже летавших и готовящихся к полету. Они находились в это время в ЦУПе, слышали голос терпящего бедствие Волынова, ясно понимали, что происходит и к чему все идет. Внимая его бесстрастному комментарию о происходящем («Корабль идет к Земле выходным люком. Возрастают перегрузки в нестандартных направлениях. Вижу, как языки пламени лижут стекла иллюминатора...»), все напряглись, сопереживая своему товарищу. Одних колотила дрожь, у кого-то на глаза навернулись слезы, но никто ничего не мог сделать, – только ждать и надеяться.

Среди этой группы находился член отряда космонавтов Михаил Бурдаев, тоже готовившийся к своему полету и прекрасно понимавший, что подобное в космосе может произойти с кем угодно, в том числе и с ним. Однако происшедшее с Волыновым никоим образом не повлияло на его желание лететь в космос. Более всего в поведении гибнущего товарища его поразило то, что, прекрасно зная об очень близкой и неотвратимой смерти, Волынов не паниковал. Не кричал «Прощайте, товарищи!», «Умираю за Родину» или что-то в этом роде. Он видел в иллюминаторе солнечную батарею, которой уже не должно было быть, знал, что теплозащита у него за спиной, и корабль несется вниз не ею вперед, а титановым люком с резиновым уплотнителем (при входе в атмосферу сгорает за пару секунд!). При этом не хватался судорожно за детали аппарата, а вел репортаж без дрожи в голосе. Он до конца работал, несмотря ни на что! Выполнял свою миссию, зная, что его сообщения о происходящем очень важны для специалистов на земле.

Мог ли Михаил Бурдаев тогда предполагать, что через какое-то время сам он сознательно предложит свою жизнь для великого дела освоения космоса, но она никому не будет нужна?! Впрочем, об этом чуть позже. Сначала – история прихода в космонавты этого необычного человека.

Его путь в отряд космонавтов был довольно нестандартен и совершенно не связан с детской розовой мечтой о полете, что было бы не удивительно в то время. А связан оказался с его профессией.

После первых полетов людей на орбиту Земли в Советском Союзе довольно быстро научились делать специальные космические аппараты для военных целей. Стало совершенно ясно, что это направление в

освоении космоса способно вывести страну на совершенно новые горизонты в области обороны. Появилась необходимость проведения на орбите соответствующих разнообразных экспериментов. Их заказывали и разрабатывали в различных военных НИИ, а выполнять во время полетов приходилось пилотам и летавшим время от времени туда инженерам космической техники. И вот кому-то из высоких начальников пришла в голову весьма светлая мысль: «Чем учить сложным военным экспериментам пилотов – людей случайных в этой области, – не лучше ли послать в космос тех, кто к этому ближе стоит? Послать военных ученых, подготовив их по программе космонавтов».

Так в 1966 году в войсках ПВО СССР был проведен отбор научных сотрудников в отряд космонавтов. Наш герой работал в это время в одном из НИИ ПВО страны, где ковали космический щит Родины. Занимался космической баллистикой и ни о каком полете за пределы планеты не помышлял. Получив приглашение на этот необычный конкурс, он не верил, что пройдет его, и отправился на первичный медицинский отбор только для того, чтобы проверить свое здоровье. Медицинская комиссия проводилась в два этапа. После первого Бурдаеву сказали, что он «временно негоден», вырезали зачем-то железы и вернули в институт. Однако, через некоторое время в НИИ пришло письмо из военного госпиталя с недоумением – почему это Бурдаев не приезжает на второй этап медицинского отбора? Его вызвал начальник института и строго потребовал объяснений.

– Не хочу я быть космонавтом! – чуть ли не на колени упал подчиненный. – Зачем мне это? У меня прекрасная тема в институте, хорошие перспективы по работе: я уже старший научный, вот-вот получу отдел. Ну, куда мне в космонавты с ростом 183 и весом 93 кг, кто меня туда возьмет?

– Да ты что! – взорвался начальник. – На все войска ПВО нашли только трех таких пригодных по здоровью, а ты отказываешься...

В общем, задумался Бурдаев крепко. Раскинул все свои карты, возможности. Обнаружил на руках одни козыри: классное образование, опыт работы по космической тематике, научная степень и ученое звание в этой области. А еще, как выяснилось, и крепкое здоровье. То есть по всем параметрам именно ему лететь в космос. И он решил воспользоваться таким раскладом звезд и карт. Но с самого начала условился со своим руководством: полтора года подготовки, полет на орбиту и... назад в институт. Начальство согласилось.

Эх, знал бы блестящий военный специалист Михаил Николаевич Бурдаев на что идет?! С первых дней он и немногочисленные его коллеги увидели, что все в отряде космонавтов не так, как представлялось со стороны, как пишут в газетах. Началось с того, что пришедшие до них в отряд претенденты на полет заявили: мы пришли раньше, мы раньше и полетим – это негласный закон тут! Бурдаев взял на себя смелость возразить от имени новичков:

– Нет, должно быть иначе. Кто окажется лучше готов, лучше покажет себя на тренировках, тот и имеет право лететь в первую очередь. Я не собираюсь стоять в очереди за полетом, как за колбасой в магазине. Мы здесь все делаем работу государственной важности, поэтому давайте вместе трудиться, совершенствоваться и конкурировать по делу, а не заниматься хождением по начальству, анонимками и тому подобным...

Увы, аналогично мыслящих в отряде оказалось очень мало. Несколько лет спустя, уже достаточно насмотревшись на творящиеся кругом интриги и несправедливости, он откровенно сказал о своей позиции чуть ли не самому главному человеку, от которого зависело, кто полетит, а кто нет – помощнику главкома ВВС по подготовке космонавтов Николаю Каманину. Тот столь же честно ответил:

– Я тебя хорошо понял. Но таких, как ты предлагаешь, в отряде я найду от силы 2–3 человека. Куда остальных-то дену?

– Николай Петрович, жизнь суровая и серьезная штука, – возразил Бурдаев. – И если не тянешь, то уступи место. Найдутся более достойные.

– Нет, – решительно подвел черту Каманин, – так не будет...

Конечно, Бурдаев мог в любое время уйти из отряда, вернуться в институт и продолжить там научную работу. Но когда набираешь такой разгон, нацеливаешься на такое большое дело, как полет в космос, то очень трудно резко сворачивать в сторону, а тем более, идти назад. К тому же возвращаться, не выполнив космическую миссию, для которой его призвали, было сродни признанию поражения. И, вообще, он не видел причин уходить из отряда космонавтов. Ведь он не был болен, слаб или в чем-то хуже других. Правда, дважды его пытались списать по состоянию здоровья, но он отчаянно боролся и выходил

победителем. Главное же, он еще верил, что истина восторжествует. Тем более что начиналась наша лунная программа, и в случае удачи он мог рассчитывать на место в этой интереснейшей космической экспедиции.

Но надо все-таки понять, с чем, с какими такими мыслями пришел в отряд космонавтов Михаил Бурдаев – быть может, тогда станет понятно, почему так не вписывался он в сложившуюся там систему взаимоотношений и почему так и не состоялся его полет?

Специалист по космической баллистике, Бурдаев много лет занимался тем, что пытался разработать практическую, летную небесную механику для пилотов кораблей. Чтобы подготовленный таким образом человек мог взять ее на вооружение, лететь в космос и работать там подобно пилоту или штурману самолета. А то ведь у нас просто нет в космических полетах штурманов. Летаем в космосе по принципу известного литературного героя Митрофанушки, которого мама наставляла примерно так: «Зачем тебе, сынок, географию учить – тебя извозчик довезет». Кстати, один из космонавтов после полета заявил: «Недостаток подготовки – нас в отряде не учили географии...».

А был еще случай, едва не закончившийся трагедией. Два наших известных космонавта, герои, получили во время полета на борт радиограмму на коррекцию орбиты, состоящую из двухимпульсного маневра. И в ней оказалась элементарная техническая ошибка, указывающая один из импульсов в противоположном от нужного направлении. Любой летчик на самолете обнаружил бы подобную грубую ошибку моментально, поскольку прекрасно понимает, что делает. И либо уточнил бы все у руководителя полетов, либо сам изменил команду. Космонавты же летают очень абстрактно – законы небесной механики пока еще от них далеки. Большинство из них, даже бывшие летчики, не ощущают космический полет, как ощущает его пилот истребителя. И эти космонавты спокойно отработали коррекционный импульс двигателя... не в ту сторону. Хорошо, он был всего-то величиной 5 метров в секунду, и, быстро заметив ошибку, ЦУП ее тут же исправил. А если бы дали 50 метров в секунду?! Этих космонавтов пришлось бы искать на половине дороги к Марсу!

Он прекрасно понимал, что вся околоземная космонавтика с позиций даже масштабов глобуса – не более чем елозанье брюхом по Земле. Вот полет к Луне да еще с высадкой на ее поверхность – это настоящая космическая миссия, требующая иной баллистики, иной подготовки.

Вообще Луна в космической одиссее Бурдаева занимала особое место. Когда шли лунные полеты американцев и весь мир, кроме Китая и СССР, затаив дыхание, следил за ними по прямым трансляциям из США, наших космонавтов возили по ночам в Останкино. И там, в специальной комнате, они тоже приобщались к победам землян в космосе. Со смешанными чувствами зависти, восхищения и возмущения от того, что это довелось делать не им. А в начале 70-х годов в Звездный городок приезжал один из героев тех полетов – Ф. Борман. Каманин попросил навести о нем справки, чтобы понять, кому его встречать, и весь отряд космонавтов бегал по знакомым и библиотекам. Оказалось, что этот участник лунных экспедиций имеет еще и две ученые степени, семь сбитых советских истребителей в Корее да 700 часов космических полетов! И кому же выходить к нему навстречу, чтобы соответствовать по учености и космическому налету? Таких в нашем отряде не было. Отрядили космонавтов Берегового и Феоктистова – пилот и инженер, которые по сумме этих показателей хоть как-то уравнились с американским гостем.

Бурдаев искренне удивлялся нелепостям, которые творятся в нашей пилотируемой космонавтике.

Например, зачем мы тянем полеты до года и более – якобы, готовимся к межпланетным экспедициям, но там ведь человека ожидают совсем другие условия, там нужна другая подготовка.

Эти и другие недостатки нашей космонавтики прекрасно видел Михаил Бурдаев, честно пытался их исправить собственным участием и, конечно же, иногда откровенно говорил о них. Той же насущной необходимости участия штурманов в космическом полете, соответствующему обучению будущих космонавтов он даже посвятил подробное выступление на одном из собраний в отряде. Но ровным счетом ничего не изменилось. Разве только его собственный полет отодвинулся чуть дальше, чем даже в то время, когда он только пришел в Звездный городок. Ему еще раз дали понять в отряде, что он может расти до любых профессиональных высот, до самого высокого уровня готовности, а будет все дальше и дальше от своей цели, поскольку такие самостоятельные и инициативные сейчас не нужны.

Впрочем, в какой-то момент Бурдаев оказался очень близок к полету. Связано это было с... чужой диссертацией. Многие наши космонавты-герои после завершения пилотской карьеры обзаводятся степенями. Не всегда, однако, диссертации их становятся плодом исключительно собственной работы. Бывает, герой-соискатель не знает не только темы своей работы, но и тех, кто ее писал. Бурдаев принципиально отказывался помогать обращающимся к нему искателям легких путей к ученым степеням. Не исключено, что сия принципиальность сыграла свою роль в отлучении его от космического полета. Но один раз его обманули. Пришел хороший приятель, работавший в одном из отделов Звездного городка, и попросил написать для него часть отчета по научно-исследовательской работе. По-дружески попросил, и Михаил Николаевич не смог отказать. А потом нашел свой материал в диссертации очень известного космонавта-героя. Через две недели после сдачи работы он был включен в экипажную подготовку – это всего один шаг до полета. Но, увы, опять чем-то не вышел перед начальством.

Шел уже десятый год его пребывания в отряде космонавтов. Хлебнув всяких гадостей и подлостей, Бурдаев держался с большим трудом. Жена порой не понимала, что вокруг происходит, что творится с ним. Сам-то он уже ясно осознавал, что в этом бедламе, куда его занесла судьба, в этой не борьбе даже, а в свалке без правил ему к своей цели не пробиться. Тем более, если он явно вылезает из общей мерки и не умещается в прокрустово ложе понятия «советский космонавт».

А ведь он очень многим пожертвовал ради гипотетического полета в космос. Не считая того, что ушел из НИИ в самый перспективный для себя момент, еще отказался – уже во время нахождения в отряде космонавтов – от предложения пойти в школу летчиков-испытателей. Когда Герман Титов уходил из отряда в Академию Генерального штаба, то звал с собой и Михаила Бурдаева. Тот снова отверг заманчивое предложение, хотя попадание туда – прямой путь к генеральским звездам.

– Я хочу лететь в космос, – упрямо ответил Бурдаев на предложение Титова.

– Думаешь, полетишь? – удивленно спросил тот.

– Надеюсь.

– Ну, надейся, надейся...

Понять состояние человека, оказавшегося в его положении, очень трудно, почти невозможно, не зная, что представлял собой отряд космонавтов того времени. Нет, не только блестящая «кузница советских космонавтов», как его подавали в печати и по телевизору, а еще и сообщество очень разных людей, собранных сюда для конкретной высокой цели – покорения космоса. Покорения, которое очень часто шло не ради постижения истины, новых достижений в науке или технике, а по идеологическим мотивам. А в них, как известно, не только справедливость, но и сама человеческая жизнь нередко отходят на второй план.

Когда в феврале 1992 года, сдав госэкзамены и получив квалификацию космонавта-исследователя, покидал я Звездный городок с полным пониманием того, что журналистская космическая одиссея завершена и мне от Земли не оторваться, признаюсь, было очень тягостно. Думал, хуже не бывает. Но испытываемые мною гнетущие чувства меркли рядом с теми истинными человеческими трагедиями, которые поджидают здесь человека, решившего посвятить этой высокой мечте жизнь, но по не зависящим от него причинам так и не полетевшего в космос.

Многие из них – мужественные люди и уникальные специалисты – были готовы на любые тяготы и жертвы ради этого полета, ибо он, как мало что другое, способен раскрыть все профессиональные и человеческие качества пришедшего в космонавтику человека. Но они оказывались совершенно

беспомощными перед главной пыткой нашей космонавтики – ожиданием заветного полета годами и даже десятилетиями. Ожиданием без твердых гарантий его осуществления, видя, как летят в космос другие, обладающие чаще всего качествами, отличными от профессиональных. Когда в первую голову играют роль идеологические, социальные заказы или умение претендента найти общий язык с начальством и быть послушным.

Так уж сложилось в нашей пилотируемой космонавтике, что все, имеющие к ней отношение люди, резко делились и делятся до сих пор на два класса. Летавшие – не летавшие, герои – не герои. Независимо от лет, проведенных в отряде космонавтов, человеческих и профессиональных качеств, первым всегда было: звезда Героя на грудь, масса льгот, мелькание на телевизионных экранах и страницах газет, зарубежные поездки, гарантированные продвижения по службе и в прочих сферах (в том числе и политических). Вторым – безызвестность, раненое самолюбие, существование в профессии «космонавт», но в то же время, фактически, вроде и не космонавт.

От внешнего разделения никуда не денешься – раз есть вершина пирамиды, которая видна издали, то есть и масса невидимой, но поддерживающей ее породы, без которой самой вершины никогда не было бы. И в космическую эту пирамиду входят не только готовившиеся, но так и не слетавшие в космос пилоты, инженеры, врачи или журналисты. А еще и разработчики, строители космической техники, инструкторы и испытатели, сотрудники ЦУПа... В общем, сотни и тысячи людей, без которых невозможен полет одного человека. Потому и стоит он так дорого, и ценится так высоко. И основная часть этих людей прекрасно все понимает, но глупое это разделение, производимое золотым пятиконечным значком на груди, все же остается. Остаются, к сожалению, и серьезные социальные и моральные разделения слетавших и неслетавших космонавтов на героев и не героев.

Слов нет, есть космические подвиги, которые без оговорок достойны высочайшей награды родины. Несомненно, полет первого в мире человека. Наверняка первый выход за пределы корабля. Возможно, реанимация «умершей» орбитальной станции. Конечно, героическая гибель при исполнении своего профессионального долга в космосе... У нас же повелось развешивать высочайшие награды, звезды десятками, пачками – всем, кто удостоился самой по себе великой чести стать представителем человечества за пределами планеты. И нашим, и чужим (из ушедшего уже в прошлое соцлагеря), а в иных случаях и по несколько звезд на одну грудь. Как-то незаметно мы проскочили тот рубеж, когда работа в космосе уже десятков людей перестала быть постоянным героизмом, а перешла в разряд пусть еще не массовой, но нормальной профессиональной деятельности. И надо было признать, что далеко не всякий полет тянет на высшую награду – для различных подвигов и просто успешных действий на орбите есть различные же и знаки отличия: например, ордена «За личное мужество», «За заслуги перед Отечеством», «Дружбы народов» или всевозможные медали. Скоро, глядишь, полстраны побывает в космосе – звезд-то золотых на всех точно не хватит!

Впрочем, я опять далеко ушел от своего героя, который, к слову сказать, мечтал вовсе не о генеральских или геройских звездах и не за ними пришел в космонавты. Михаил Бурдаев мечтал о тех самых настоящих звездах, которые когда-то натолкнули великого философа Эммануила Канта на одну из потрясающих земных мудростей и которые заставляют любого человека восхищенно смотреть в ночное небо. Которые неотвратимо манят к себе. И вот ради этих звезд Бурдаев был действительно готов на все.

А надеяться же практически было уже не на что. Себя он переделать не мог. К тому же перспективная поначалу наша лунная программа, участником которой он значился, потихоньку умерла после нескольких

взрывов лунных ракет-носителей и шумных успехов американцев. Стало определенно ясно, что наших технических возможностей хватает только для полета до Луны и в лучшем случае для прилунения. И не более! Потому на первый план выходила программа освоения Луны беспилотными аппаратами – луноходами...

Новая идея созрела в душе и голове Бурдаева как-то совершенно естественно и закономерно. Созрела, когда он отчетливо понял, что ситуация с полетом для него совершенно безысходна, а время его, и без того крайне ограниченное, уходит безвозвратно. И вот на одной из «волынок» – регулярном, по понедельникам совещании членов отряда космонавтов, где председательствовал тогда тот самый Борис Волинов, свидетелем драматического спуска которого наш герой когда-то стал, – в очередной раз живо обсуждалась проблема далеких полетов к Луне или Марсу. Окрашенная нашей технической невозможностью посетить иное небесное тело и вернуться назад. Михаил Бурдаев встал и спокойно сказал:

– Я готов лететь без возвращения на Землю. И говорю это совершенно осознанно, без рисовки или желания выделиться. Чем потом на пенсии гнить, лечить накопленные на этой работе болячки, лучше я серьезно сделаю свое дело в космосе и с чувством исполненного долга уйду из жизни...

Он был морально готов к любым крайним последствиям такого странного заявления. К тому, например, что его просто поднимут на смех. Или что вдруг воспримут серьезно и действительно отправят в дальний космический полет – к Луне или даже к Марсу. Ведь он, Михаил Бурдаев, и впрямь редкий в космонавтике специалист по баллистике. К тому же, за долгие годы интенсивного обучения, тренировок и работы в Звездном городке находился в прекрасной профессиональной и физической форме.

Надо сказать, что, осознанно готовый на «полет в один конец», он вовсе не собирался сдаваться на милость сложившимся обстоятельствам и черной бездне без боя. Опытный космический баллист, он прекрасно знал о так называемых «пертурбационных маневрах» космических аппаратов, когда взаимное положение планет может оказаться таким, что проходящий мимо них корабль дополнительно доразгоняется их гравитационными силами не хуже самого мощного двигателя – наподобие камня в праще. Все ведущие специалисты страны в этой области были его хорошими друзьями. Еще раньше, когда у Бурдаева появлялся шанс только приблизиться к космическому старту, друзья-баллистики совершенно серьезно заявляли: «Ты только взлети! А мы тебе так орбиту „вылижем“ – как для себя!» Хоть и выполняют эти специалисты свою работу на «все сто» перед каждым полетом, но известно же, когда для своего товарища делают – это же не сухая формальность, тут могут и на «все сто пятьдесят» сработать! И когда они вместе начинали думать о подобном далеком полете, то появлялись слабые надежды сыграть на этих гравитационных силах и вернуть корабль на Землю. Однако, Бурдаев ясно отдавал себе отчет, что все это хоть и красивые, желанные, но все же фантазии. И если вдруг неожиданная его идея будет принята, то лететь ему придется с билетом в один конец. И он был действительно готов к этому, был совершенно искренен в своем безумном, со стороны, порыве.

«Ведь я же потомственный военный, – снова и снова прокручивал он в уме мотивы своего решения. Солдат, профессионал, заранее согласившийся отдать, если потребуется, жизнь за то дело, которому решил служить и для которого смерть – не фантом какой-то, а реально возможный исход работы. Почти все религии мира призывают не бояться смерти, быть к ней готовым. И, наконец, есть еще профессиональная сторона – интересная задача, работа, которую можно сделать за этот полет. Не просто лететь, чтобы слетать и, прославившись, погибнуть – это полная глупость! – а исполнить перед смертью как можно более серьезное дело. Дело, которое много даст космонавтике, людям!»

Реакция на искреннее, выстраданное и серьезное заявление Михаила Бурдаева превзошла все его ожидания. В отряде пошли разговоры, что он занимается саморекламой, демагогией. Говорит так, точно зная, что его никто в ракету для такого полета не посадит. Пытается на чем-то неожиданном сыграть, получая таким образом дополнительную выгоду к пробиванию к космическому креслу и отодвигая с пути конкурентов.

Ей-Богу, никогда не поверил бы я в то, что в прославленном отряде советских космонавтов возможно такое – гнусные интриги, сплетни, идейное обворовывание товарищей, переворачивание с ног на голову истины ради космического полета – если бы на личном примере не столкнулся с подобным во время подготовки к полету нашей группы журналистов. У нас завершилось одно из весьма серьезных испытаний – двухсуточное зимнее выживание в тундре под Воркутой, которое я проходил в паре, «в экипаже» с

украинским журналистом Юрой Крикуном. И вдруг одна из наших коллег начала всерьез рассказывать остальным, будто у нас с ним во время испытания настолько испортились отношения, что дело дошло до... драки. Ничего подобного и близко не было, а вот, поди ж ты, родилось почему-то в воспаленном мозгу конкурента и пошло гулять по отряду.

Так следует учесть, что это случилось уже в пору демократических преобразований в стране, когда наши люди стали себя ощущать куда свободнее, да еще происходило это в весьма либеральной журналистской среде. Можно только вообразить, что творилось в Звездном городке, в отряде космонавтов в худшие годы застоя – расцвета Советской власти! Когда в такой до предела закрытой структуре решался вопрос, кому стать Героем СССР, а кому прозябать в безызвестности.

Тогда, во время нашей космической подготовки, я просто рассмеялся на гнусную и глупую неправду. И позволил себе подыграть клевете, поддакнув, мол, «даже выколол в этой драке Крикуну один глаз – сами посмотрите!»... А что оставалось делать Михаилу Бурдаеву, который, как и многие другие в отряде, лучшие годы жизни положил на подготовку к своему космическому полету, стольким уже пожертвовал ради него?! И который не ради славы, благ или геройской звезды, а только ради служения своему делу готов был отдать и жизнь?! А к нему отнеслись как к карьеристу!

Чуть позже произошел случай, лишний раз объективно подтвердивший искренность намерений Бурдаева. В космосе затевался очередной сложный эксперимент, в котором необходимо было получить глубокие данные о физиологических изменениях в организме человека. В отряд космонавтов пришли медики и предложили: «Нужен кандидат на космический полет, но до него и сразу после возвращения на Землю мы будем вырезать из грудины космонавта по кубику костной ткани. Кто согласен?» Поднялся только один человек – Михаил Бурдаев. Но то было уже несколько иное, чем намерение лететь к Марсу или Луне, не возвращаясь назад. То была готовность к жертве ради полета, которого он ждал более десяти лет, но так и не совершил. Ситуация, когда ты многократно прошел подготовку к нему, абсолютно готов по всем показателям, но сидишь без дела. Тут он осознанно готов был жертвовать кусками собственного тела, чем угодно, лишь бы довести дело до конца – реализовать заложенное в себе за многие годы стремления к одной высочайшей цели. Вот так: вырезайте из меня куски откуда угодно, хоть вообще на части порежьте, но только дайте, наконец, слетать!

Похожее может испытать человек, готовящийся к первому прыжку с парашютом. Этому одновременно и опасному и очень желанному событию. Когда уже в небе стоит он перед открытой дверью самолета, настраивается, затаив дыхание, а инструктор вдруг отодвигает его в сторону и говорит: «Прыгать сегодня не будешь...». Увы, и этот эксперимент – этот его полет в космос по какой-то причине не состоялся.

...С доктором технических наук, профессором и академиком Российской Академии космонавтики Михаилом Николаевичем Бурдаевым мне довелось встретиться, когда он уже перешел из отряда в отдел, готовящий космонавтов к проведению в космосе научных исследований и экспериментов. Любимой своей баллистикой он тоже продолжал заниматься, но уже вне службы. Мы много говорили о нашей космонавтике, о ее ошибках и достижениях, прошлом, настоящем и будущем. Об экстремальных ситуациях в космосе и на Земле. Тут он вдруг вспомнил об одной из них, в которую попал однажды в небе.

Во время затяжного прыжка с парашютом вошел в сильнейшее вращение, отчаянно боролся с ним и не спешил раскрывать парашют, поскольку в такой динамике стропы его могут переплестись, и купол не раскрыться. Это за него сделал автомат, но уже на высоте 500 метров. И парашютные стропы скрутились-таки, как он и опасался. Оставалось несколько секунд, чтобы что-то сделать. За это время Бурдаев успел очень многое пережить, передумать, но страха не было. Билась в голове только отчаянная мысль: «Как же это я, такой развитый, умный, способный – и вот сейчас расшибусь в лепешку?! Думай, думай!!! Ищи выход». И он его нашел. Успел всунуть руки в переплетенные стропы, растянуть их и ускорить обратное раскручивание купола. Между ударом о воздух купола и ударом ног о землю прошла всего секунда. Начни он распутывать чуть позже, было бы наоборот.

Я не мог не задать ему вопроса, который мучил меня с тех пор, как я узнал о его необычной космической одиссее. А если бы сейчас предложили такой полет в один конец – полетел бы?

– Непременно! – не задумываясь ответил он. – И с еще большим желанием и основанием, чем раньше. Мне теперь вообще терять нечего – седьмой десяток идет. Но возвращаясь к тем годам и тому моему заявлению лететь к Марсу или Луне без возврата, я хочу повторить: то была не поза, не обреченность,

эпатаж или безумие. Эта была норма военного человека и профессионала, желающего реализовать себя в самой высокой задаче.

Как-то уже после ухода из отряда космонавтов Бурдаев направлялся вечером с космонавтом Г. Береговым к нему в гараж, и тот вдруг сказал:

– Ну что ты, Миша, себя ешь из-за того, что не полетел?

Сильно удивленный такой постановкой вопроса, тот оглядел себя с ног до головы и возразил:

– Почему «ешь»? Вроде немного съел-то...

И после неловко повисшей в воздухе паузы, не вдаваясь в подтекст разговора, серьезно продолжил:

– Посмотри, сколько я уже сделал, чего достиг после того, как меня списали с должности космонавта!

Стал доктором наук, профессором, действительным членом Академии космонавтики – в ней ведь нет не летавших космонавтов, а я попал в первый же набор. Это за четыре-то года! А если бы эту энергию, эту силу удалось обратить на пользу нашему космосу для созидательной работы там?!

Береговой тогда замолчал. Сказать на это было нечего.

– Самая страшная, невыносимая ситуация, с которой мне пришлось столкнуться, – воскликнул вдруг Бурдаев в разговоре со мной, – это все пребывание в нашем отряде космонавтов. Нет, не бесконечное ожидание желанного полета и даже не сводящая с ума неопределенность в твоём положении. А то, что летят в космос люди, хуже тебя подготовленные, менее знающие и умеющие! Это оскорбительно и унижительно, когда ты отлично знаешь, чего стоишь, (а я знаю это дело, я – специалист, ученый, организатор, творец!), но сидишь, сидишь, сидишь...

Он снова помолчал, а потом продолжил явно болезненную для него тему о своем восприятии отряда космонавтов, но уже несколько в ином ракурсе:

– Десятилетиями наблюдать эту необъективность, терпеть оскорбления, а потом видеть, как те, кто мало заслуживает полета, становятся героями. У них – деньги, дача, машины, книжки, слава. Это все игрушки, конечно, но это ведь все кому-то надо! Кто-то ради них готов на любые подлости. И, самое главное, наше основное дело от этого очень много теряет...

Он опять задумался и снова заговорил на живую для него и после стольких лет тему опять в ином, на этот раз каком-то особом, человеческом измерении. Заговорил, как будто сам с собой:

– Возможно, они полетели потому, что понимали: если не полетят, то останутся никем, а я... все равно реализуюсь в жизни. Что и произошло в итоге...

– Но я и сейчас полетел бы! – вдруг вырвалось у него снова. – А перед этим использовал бы все средства, чтобы вернуться. И если бы их не было – все равно пошел бы на это! Поверьте, то не очередной жест отчаянья или жажда славы – это осознанное желание человека, стоящее на накопленном профессиональном опыте...

В августе 2002 года Михаил Николаевич Бурдаев отметил свое семидесятилетие. Несмотря на пенсионный возраст, он ведет активнейшую жизнь: работает в Звездном городке, готовит молодых космонавтов к полетам, пишет книги, выступает с докладами на конференциях. В общем, продолжает трудиться на наши космические программы. И... готов к полету.

В истории нет сослагательного наклонения, и мы не можем точно сказать, что было бы, если бы Бурдаев и впрямь полетел бы в космос. Как пишущий человек, могу предположить только, что наверняка получилась бы интересная история, надеюсь, не трагическая. Но вот что могло случиться с ним в безысходном ожидании полета, не оставь он себе свою любимую науку, не окажись его нервы достаточно прочными, можно, как ни странно, предположить.

За два года до Михаила Бурдаева в отряд космонавтов пришел Владимир Преображенский – тоже весьма неординарный, очень способный человек. Выпускник МАИ, отличный специалист по летательным аппаратам, музыкант, писал стихи... В общем, очень нестандартный, не такой, как большинство других членов отряда космонавтов, человек. После многих лет, проведенных в Звездном городке в подготовке к полету, после окончательного осознания того, что в космос он не полетит, начал пить. В какой-то момент оказался в психиатрической больнице на лечении. Бурдаев прорвался к нему в палату – у Преображенского тогда как раз был светлый период болезни, – попытался образумить по-своему:

– Володька, как ты мог довести себя до такого?! Ты же – космонавт! Ты должен пробивать стены на своем пути! А ты...

– Наверное, я оказался не готов ждать полета 17 лет, – со странной для этого заведения грустью и глубиной ответил его товарищ.

После увольнения из отряда космонавтов в 1980 году он работал инженером-испытателем в ЦПК. Затем участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В 1993 году трагически погиб под колесами автомобиля.

Между двумя этими явно крайними примерами – десятки более или менее удачных судеб военных и гражданских специалистов, в разные годы (в том числе и вместе с Гагариным) пришедших в космонавты, но так и не побывавших в своем полете. Все они тренировались и готовились к нему рядом с теми, кому потом повезло, кто стал героями СССР и России, которым рукоплескала страна и все восхищённое человечество. А они, хотя и были готовы к полету по меньшей мере не хуже слетавших товарищей, так и не полетели, остались не востребовааны и практически никому не известны. Что поделать: такая была страна, такие нравы...

Только в 2001 году отчасти была восстановлена эта несправедливость: информационно-издательский дом «Новости космонавтики» при содействии Импэксбанка выпустил в свет большой и подробный справочник «Советские и российские космонавты 1960–2000 годов». В нем подробно рассказано обо всех, кто прошел за эти сорок лет через отряд космонавтов, не взирая на их звания, должности, партийность и звездность. Теперь любой желающий, открыв эту книгу, может прочитать истории жизни этих людей, узнать об их так и не завершившихся дорогах к заветному полету. И благодаря помещенным в ней фотографиям взглянуть в лица тех, кто готов был рискнуть самым дорогим ради освоения человеком космоса.

Глава 2. Полет, которого не было

...Шел 12-й час полета космического корабля с экипажем из двух человек: командиром Юрием Шкуратовым и бортинженером Михаилом Новиковым. Старт и выведение на орбиту прошли нормально. Их ждала стыковка со станцией, а затем напряженная двухмесячная работа на ее борту. Но прежде людям надо было перейти из спускаемого аппарата в бытовой отсек корабля, чтобы выполнить насущные физиологические операции – сходить в туалет, попить воды, подкрепиться, если кто-то сильно проголодался. И уже после этого готовиться к стыковке.

Все действия в полете строго регламентированы, и обязанности каждого члена экипажа расписаны в бортовой документации. По ней люк в БО должен открывать бортинженер. Поэтому Михаил взялся за свое дело. После 12 часов полета – нахождение в скафандре да еще в очень маленьком пространстве космического корабля – было довольно жарко. Он изрядно взмок, пот буквально заливал глаза, и

бортинженер снял с головы шлемофон, чтобы хоть немного проветриться. Люк, однако, на поддался его первым усилиям. Он попытался снова – опять не идет. Новиков доложил о ситуации командиру и, устроившись поудобней в тесном пространстве, дернул неподдающийся люк на себя, приложив всю силу. Дальнейшее не укладывалось ни в какую бортовую документацию. Вместо плавного отхода от переходного створа металлическая махина резко соскочила со своего места и с огромной силой ударила бортинженера по голове. Видимо, между атмосферами корабля и бытового отсека образовался некоторый перепад – излишек давления в последнем. Он и выбросил люк после освобождения всех креплений. Сильный и внезапный, как выстрел, удар люка не только прилично оглушил человека, но и рассек ему кожу на ничем не защищенной голове. Моментально пошла кровь, и уже она, а не пот, начала заливать глаза, лицо.

Что делать? Докладить руководству полетом о случившемся, как требует строгая и почти все знающая инструкция? Но там могут сильно обеспокоиться ранением одного из членов экипажа и, не дай Бог, потребовать экстренного возвращения. Это значит – прекратить полет, к которому так долго готовились и срывать программу всей предстоящей двухмесячной работы. Значит, не только себя, но и многих, многих людей, готовивших эту программу, подвести. И каково будет напарнику возвращаться, так толком и не начав работу?

Все эти мысли вихрем пронеслись в гудящей от удара Мишиной голове. И моментально родился четкий ответ: «Нет, только не это!». Однако, все-таки, что же делать? Перво-наперво хотелось улечься в свое кресло-ложемент и просто полежать, закрыв глаза. Но через телекамеру руководство тут же все увидит, и тогда такое начнется...

– Юра, давай все, что есть из обвязочного материала, – обратился бортинженер к сильно взволнованному командиру, – буду кровь останавливать.

А сам быстренько повернулся спиной к направленной на него видеокамере. И Юра, тоже закрываясь от второй камеры, начал быстро рвать салфетки из мочеприемника автономной санитарной установки (АСУ) – там самый лучший обвязочный материал для остановки крови – и передавать их своему напарнику. А тот стал спешно прикладывать их к рассеченной голове.

Тем временем «земля» спрашивает: «Окрыли люк?».

– Открыли, открыли, – отвечает командир экипажа.

– Почему не видим вас?

Что-то придумали на ходу и там, вроде, поверили. Надолго ли поверили?

– Давай, поднимайся в бытовую отсек, – приказал командир, когда кровь удалось немного остановить.

А бортинженер не может – такая навалилась на него слабость, головокружение после удара. Не иначе – сотрясение мозга. Но пошедшим на такое дело людям, известно, мужества не занимать. Они, конечно же, не стали ничего сообщать о случившемся и блестяще выполнили всю намеченную двухмесячную программу.

Так что не пытайтесь в каких бы то ни было газетах того времени обнаружить что-либо об этом происшествии – ничего не найдете! Как, впрочем, нигде – ни в какой газете, ни в каком космическом справочнике – не прочтаете ничего вы и об этом полете, и об этих космонавтах. Потому что, строго говоря, ни полета того не было, ни космонавтов таких не было.

Только вот люди эти – Юрий Шкуратов и Михаил Новиков, выполнявшие полную программу двухмесячного орбитального полета, – были! И транспортный корабль, и станция, и рассекший голову Михаилу люк бытового отсека, и окровавленные салфетки, и мужественное его поведение – все это тоже было. Но только не в космосе, а на Земле. А название этим людям особое – космические испытатели!

Они действительно полгода готовились в Институте медико-биологических проблем к долгой и важной космической работе. И все изложенное выше, и еще многое, не попавшее на эти страницы, происходило в макетах корабля и станции – в барокамере, где моделировались абсолютно все условия полета, за исключением перегрузок и невесомости. Даже вот удар переходного люка по голове, как это запросто может быть в реальном полете в космосе, случился. Но сотрясение мозга и пролитая кровь не заставили Михаила Новикова попросить у организаторов прекращения полета-эксперимента. Ну, никак не мог он перечеркнуть всю долгую подготовку и так подвести задействованных в этой работе людей. Правда, на такой случай был дублирующий экипаж, готовый в случае крайней необходимости сменить основной. Но тут Новиков сильно подставил бы своего товарища. Не мог он пойти на такое!

А когда через два месяца покидали станцию-барокамеру, Михаил аккуратно и тихо собрал все салфетки с запекшейся кровью и закинул их подальше в маленькую личную сумку. И никто, никто не узнал о случившемся с ними ЧП. Зачем кому-то там знать о подобных мелочах? Они классно выполнили свое дело, а разбитая голова, пролитая кровь – это все не так важно в святом деле служения покорению космоса...

Мы познакомились с ними накануне прыжков с парашютом. Руководство ЦПК имени Гагарина объявило о том, что у нас – готовящихся к космическому полету журналистов – начинается специальная парашютная подготовка космонавтов и представила инструкторов Центра, которые будут с нами работать на этом этапе подготовки, а также в условиях кратковременной невесомости на летающих лабораториях. Руководителем этих видов подготовки был представлен Виктор Рень, а моим непосредственным инструктором практического обучения назначен Михаил Новиков.

О том, что оба они были испытателями, я узнал много позже, когда закончились и прыжки, и невесомость, и вся наша космическая подготовка. Во время работы с нами они не распространялись об этой стороне своей жизни. Узнал я о ней, когда годом позже приехал в Звездный городок по журналистским делам и сел с ними обоими за стол, и мы, вспоминая совсем еще недавнюю совместную работу, выпили по «рюмке чаю».

А тогда, накануне вселяющих во всех нас первоначальный страх прыжков с парашютом, они были для нас только лишь одними из многочисленных сотрудников Центра подготовки космонавтов, с которыми нам предстояло пройти самое, пожалуй, эмоциональное и опасное испытание.

Они являли собой некоторую противоположность. Рень – коренастый, с непроницаемыми карими глазами, черноволосый, коротко стриженный и очень спокойный. Новиков – высокий и худощавый, голубоглазый, с пышными кудрями, весельчак и балагур. Но, несмотря на подобные различия, в обоих чувствовалась удивительная уверенность, недекларируемая правильность действий и такая трехсотпроцентная надежность, что все мы довольно быстро успокоились от присутствия рядом этих людей. Думаю, во многом благодаря им прыжки наши прошли без каких бы то ни было серьезных ЧП, и все остались целы.

Помню, как у меня произошла настоящая нештатная ситуация, связанная с одновременным выбросом основного и запасного парашютов в четвертом прыжке. Первые прыжки производятся только с принудительным раскрытием купола, и вместе с автоматическим раскрытием ранца основного парашюта мы обязаны были имитировать его ручное раскрытие. Чтобы потом, в затяжных прыжках, это важное движение выполнялось чуть ли не рефлекторно. Для чего надо было, отсчитав три секунды с момента покидания вертолета, выдернуть красное кольцо раскрытия ранца, располагавшееся на передней части подвесной системы с левой стороны. И мы неоднократно тренировали это движение на земле, чтобы достигнуть автоматизма в столь важной для жизни процедуре. Кольцо же запасного парашюта, с которым мы работали на земле и прыгали в небе, было таким же красным и располагалось на ранце запасного парашюта, закрепленного на передней части подвесной системы, в районе селезенки, так что была вероятность перепутать два эти кольца. Чтобы этого не произошло, мой инструктор Михаил Новиков постоянно обращал внимание на то, что перед тем, как выполнить движение для раскрытия ранца парашюта, необходимо обязательно посмотреть на соответствующее кольцо, взяться за него рукой и только тогда выполнить движение. Но там, в воздухе, когда тебя бросает, кидает, дергает в разные стороны в момент раскрытия основного парашюта, ошибиться подобным образом вполне возможно. Одновременное

же раскрытие двух парашютов, учили нас, – вещь абсолютно недопустимая и чреватая большой опасностью: два раскрывающихся купола могут переплестись, оба не раскрыться полностью и тогда...

Понятное дело, в один вовсе не прекрасный момент все произошло именно так, как я и опасался. На четвёртом прыжке, сразу после выхода из вертолета, я, как положено, досчитал до трех, и вместе с ощущением рывка основного парашюта, не посмотрев куда требовалось, дернул кольцо, имитируя его ручное раскрытие. Каково же было мое удивление, когда краем глаза заметил что-то белое, мелькнувшее в районе моего живота, где располагается запасной парашют?! Одновременно осознавая, что я выдернул-таки кольцо «запаски», и вспоминая все сказанное об этом во время занятий в классах, я автоматически схватил начавший раскрываться запасной парашют и крепко прижал растущий белый ком к животу.

Катастрофы не произошло: основной купол полноценно налилсся воздухом надо мной, а запасной теперь меня не заставила бы отпустить от живота никакая сила, хотя, как мне позже объяснили, теперь его можно было спокойно бросить, и он лишь повис бы подо мной. Но я-то этого в воздухе не знал и потому отпустил запасной парашют от живота только в момент приземления, когда нужно было освободить руки и работать ими со стропами основного. Хотя все и закончилось благополучно, я ожидал, что на земле предстоит по этому поводу серьезный разговор. Но никто мне ни слова не сказал, хотя и Новиков и Рень определенно все заметили. Только вечером я подошел к последнему и осторожно начал зондировать почву:

– Виктор Алексеевич, вы знаете, что у меня случилось, как во время имитации выброса основного парашюта ошибочно раскрыл «запаску»?..

Я уже приготовился все детально ему рассказать, особенно то, почему так случилось. Возможно, услышать упреки и какие-то мудрые слова на этот счет или даже похвалу в свой адрес по поводу правильных действий в экстремальной ситуации. Но он поднял на меня свои невозмутимые карие глаза и спокойно произнес:

– Да, конечно, я все видел. Это не есть хорошо...

И все! И никаких выговоров, никаких комментариев, никаких расспросов. А зачем? Все и так просто и понятно. Я сам должен был сделать нужные выводы из происшедшего. И мне как-то вдруг передалось его удивительное спокойствие, основанное на некоем неведомом мне, но очень твердом, надежном фундаменте. Все последующие прыжки прошли на удивление четко, хотя уже на следующий день я прыгал с 10-секундной задержкой раскрытия парашюта.

А потом я понял природу столь надежного фундамента в этих людях. Они были космическими испытателями. И выпавшее на их долю было настолько выше человеческих возможностей, что, пройдя через это, они обрели редкие и удивительные качества. Способность не только самим быть уверенными и нестигаемыми в самых невыносимых условиях, но и вселять эти качества в других, когда те идут на риск, на что-то неизвестное.

Дорога космического испытательства у наших будущих инструкторов по невесомости и парашютной подготовке, Виктора Реня и Михаила Новикова, легла довольно нетипично для подобного рода людей. В 70-е и 80-е годы им, тогда бортовым инженерам – испытателям, офицерам Советской армии просто время от времени предлагали поучаствовать в несвойственных для них по роду основной занимаемой должности экспериментах. Испытаниях медикаментозных средств, которые могут повысить возможности организма в процессе трехсуточного выживания при экстремальных условиях в различных климато-географических зонах. Трое суток летом в пустыне с ограниченным запасом воды, трое суток зимой за полярным кругом с минимальным количеством одежды. И трое суток летом в спускаемом космическом аппарате на акватории

моря.

Это был не приказ, не служебное принуждение регулярно работать в особом качестве, а только лишь предложение стать универсальными испытателями в самом широком смысле этого понятия. Чтобы попробовать на себе все, что доводится испытывать настоящим космонавтам, только в многократном размере. Испытать себя на прочность, приобщиться к великому делу. Обещали и неплохое вознаграждение, но об этом отдельный разговор. Они могли выбирать: соглашаться или отказываться. И они соглашались.

Вот, например, как протекало испытание по выживанию в туркестанской пустыне в июле 1983 года. Сначала испытуемые проходили так называемую «иммерсию» – суточное вылеживание в бассейне в специальном, предназначенном для спасения на море, надувном костюме «Форель», в полупогруженном состоянии. Это для того, чтобы подвести их состояние к тому, которое наступает у человека после семисуточного космического полета в условиях невесомости. Этакое зависание в воде в положении приподнятых у поверхности ног, головы с плечевым поясом и проваленного вниз таза, из-за чего легкие все время сдавливаются. И все это – в открытом бассейне, над которым хотя и сделали навес из парашютной ткани, но ультрафиолетовые лучи все равно проходят, а температура воздуха днем +45 градусов по Цельсию!.. Через 24 часа испытателей вынимают, переодевают и на трое суток забрасывают для выживания в пустыню. Тут уже можно ходить, строить укрытие из того же парашютного материала и пользоваться минимальным набором спасательных средств. На трое суток – два литра воды. Температура песка днем достигает +60! Мало не покажется.

Для сравнения скажу, что будущим космонавтам предлагается для проверки выживаемости в пустыне провести в ней всего сутки. Без всякой предварительной иммерсии, с куда более полным набором спасательных средств и значительно большим количеством воды – более полутора литров на человека в сутки. Однако, прошедшие через упомянутое трехсуточное выживание испытатели – в нем, помимо упомянутого выше, в то время инструктора отдела невесомости Михаила Новикова, участвовали сотрудники поисково-спасательной службы ЦПК Виктор Федоров и Александр Козлов – героями себя не считали. Более того, по сравнению с прочими испытаниями, они рассматривали его чуть ли не как поездку на курорт!

Куда круче было в февральской тундре. Сначала – та же суточная иммерсия в бассейне (на этот раз в закрытом и с температурой воды около +34). Затем их вытаскивали из воды, высушивали, обклеивали датчиками и на несколько суток помещали в суровые зимние условия. Но тут обнаружилось новое непредвиденное экстремальное обстоятельство: их, мягко говоря, ввели в заблуждение с условиями эксперимента. Сказали, что после иммерсии надо будет просто погулять по тундре, и никто не разъяснил, что это будет за испытание. Оказалось же, что это «просто погулять» сводится к таким жесточайшим условиям, при которых еще неизвестно, останешься ли ты жив. Температура воздуха за –40. На голове только спортивная шапочка, а на теле лишь два теплозащитных (считай, спортивных) костюма. Еще можно пользоваться прорезиненным костюмом «Форель», предназначенным для удержания космонавта на водной поверхности на плаву с прорезиненными носками и перчатками. На таком-то морозе! Но и это еще не все.

Условия эксперимента требовали, чтобы в течение суток люди не могли находиться в построенном из снега самодельном эскимосском укрытии иглу более четырех часов. Нельзя ничего жечь, чтобы обогреться или вскипятить воду. Из еды – только сублимированные продукты из одного НАЗа (носимый аварийный запас, где есть еда для завтрака, обеда и ужина) на трое суток. Обычно же космонавтам в такое испытание дают по НАЗу на сутки. Впрочем, когда Виктор Рень сунул какой-то съедобный кубик оттуда себе в рот, то он не растаял, как ожидал человек, а просто примерз к небу. Потребовалось немало времени, чтобы он начал таять. В иглу было так холодно, что даже тесно прижавшись друг к другу и завернувшись в полотно парашюта, испытатели не могли провести там более пяти минут – от жуткого холода выскакивали из снежного укрытия, как пробки, и «прогуливались» по тундре. Из дежурной будки, где в тепле сидели наблюдавшие за экспериментом врачи и спасатели, время от времени кое-кто выходил – тоже прогуляться, ноги размять. Так за двадцать минут такой прогулки в унтах, меховых куртках, штанах, перчатках и шапках они обморозивали себе носы, уши, брови, пальцы.

У испытателей же – свои «прелести» и проблемы.

– Я понимаю смысл подобных испытаний, – рассказывал о том эксперименте мой инструктор по прыжкам с парашютом и невесомости Михаил Новиков, – в том, чтобы испытать не технику, а найти

предел человеческих возможностей. Если температура тела понижалась до +35,5 градуса, то эксперимент прекращался. Для контроля над ней у каждого в анальное отверстие вставлялся термодатчик, длиной в 25 сантиметров и толщиной с палец. Сначала – вроде ерунда: просто очень непривычно его ощущать в своем теле, неудобно ходить, потому что нужно его придерживать рукой. А потом сильно расслабляешься, и появляется ощущение, будто в тебя вонзили кол, и его оттуда уже вообще никак не вытащишь. На сильном морозе прорезиненная и герметичная «Форель» замерзала изнутри от осевшего на стенки и тут же замерзшего конденсата и... лопалась пополам.

– В итоге ты ходишь по тундре, как голый, – дополнял его рассказ Виктор Рень. – Будто ветер обдувает обнаженное тело, а ты весь такой совсем бестелесный, и он идет через тебя, как через сетку. Только мозг еще работает, отмечая порой: «Так, ноги: палец уже замерз... Ну, ладно, похожу побыстрее. Теперь второй палец замерз... на пятку наступать нельзя – значит надо срочно массировать».

Надо сказать, что такое «выживание» очень сильно отличалось от выживания готовящихся к полету космонавтов. Они имеют и более комфортное оснащение, и чуть ли не половину времени вообще проводят в постепенно остывающем спускаемом аппарате. Который им для этих целей специально предварительно разогревают до +28 градусов. Пьют горячий кофе, сколько захочется. После завершения двухсуточного выживания долго отходят от него в бане и теплой гостинице, а потом едут домой. У испытуемых же был совсем иной распорядок. Через три дня после первого полуторасуточного выживания, немного отогревшись и содрав с себя отмороженную кожу, они шли на новое – все то же самое, только на этот раз надо было продержаться трое суток. При этом все испытуемые еще получали какие-то таблетки, которые по предположению врачей могли повысить границу переносимости в экстремальных условиях. И никто не знал, у кого настоящее лекарство, а у кого – пустышка.

– Самое светлое, радостное ощущение от того эксперимента, – вспоминает Виктор Рень, – было увиденное мной впервые в жизни северное сияние. Красоты неопишуемой! А самое тяжелое – это когда от нас забирали почти неживого солдата, который был третьим в аналогичном экипаже и сидел, как настоящий подопытный кролик, все трое суток. Он обморозил руки, ноги, уши, щеки и нос. Я тогда впервые видел человека в таком состоянии, когда он не реагировал ни на какие обращения. Как будто был уже без рассудка. Наверное, перешел ту самую грань между жизнью и смертью, которую пытались определить на нас в этих экспериментах. Его в таком виде увезли от нас, и я не знаю, что с ним потом стало, как не знаю даже его имени...

Быть может и нашим инструкторам Реню и Новикову тоже суждено было сделать этот страшный переход, но у Михаила умер дед, и их сняли с эксперимента через 49 часов. Впрочем, они готовы были сидеть в тундре и далее. Несколько лет спустя врачи в Звездном городке, узнав о подобных испытаниях, искренне удивлялись: «Да вы что, ребята, головой ударились – на такое пошли?! Это же – как подписание смертного приговора! Или, по меньшей мере, гарантированная инвалидность».

Но, как выяснилось, то был не предел. Одно из самых кошмарных испытаний ждало их на Черном море. На том самом российском южном море, которое, как большинство отдохавших на нём знает по собственному опыту, дарит человеку тепло и радость, шоколадный загар и запас сил на долгую зиму. Теплое солнце, горячий песок и ленивая убаюкивающая волна. То самое море, куда большинство жителей России так стремится во время отпуска. Оно может быть совсем другим! Таким, каким явилось нашим испытуемым летом 1984 года. Им предстояло два эксперимента через недельный перерыв при волнении моря от двух до пяти баллов, в которых моделировалось длительное пребывание человека в спускаемом

космическом аппарате при приводнении в редко посещаемую часть мирового океана.

Сначала – традиционные сутки иммерсии. Однако уже здесь начались предельно экстремальные нагрузки. Иммерсия проходила в бассейне, расположенном на палубе специального спасательного корабля «Севаш». Со стороны Турции в борт судна била мощная плоская волна, и его так раскачивало, что вода из палубного бассейна емкостью 70 тонн постоянно выплескивалась. Его шесть раз приходилось снова и снова заполнять в течение этих суток. Испытателей, находящихся на поверхности воды, подбрасывало на три с лишним метра, и они едва не доставали головами до погрузочно-разгрузочной балки, расположенной над бассейном.

– В итоге, – описывает то выдающееся испытание Виктор Рень, – мы не только не расслабились, как положено во время иммерсии, а, наоборот, измучились и страшно устали. С нами на иммерсии в бассейне был один парень из отряда космонавтов. Так на исходе этих суток он всерьез начал кричать: «Мамочка, зачем же я, дурак, согласился на этот ужас?! Решил себя загубить!». А он прошел уже полный курс общекосмической подготовки...

После этой жуткой иммерсии доктора еще провели каждому участнику эксперимента так называемую «ортопробу». В ходе ее испытатель стоит неподвижно с небольшим отклонением назад, отчего у него начинаются изменения в кровяном давлении. Ведется его постоянный замер, и когда у кого-нибудь верхнее и нижнее давления сравниваются, то этот человек переходит из нормального состояния в эйфорическое, теряет сознание и падает. Вслед за этим их, быстренько приодев, как положено по программе, тут же отправили в спускаемый космический аппарат, который швыряло на море, подобно пинг-понговому мячику во время игры. А там – очередной внеплановый сюрприз.

Во время прохождения испытателями иммерсии этот аппарат на короткое время предоставляли членам отряда космонавтов, проходящим одновременно с ними морскую подготовку. Так, всего за два часа их там так укачало, что никто не избежал тошноты. Но одни эту неприятную процедуру делают с использованием предназначенных для нее герметических мешков, а другие боятся показывать, что им было так плохо во время тренировки и возвращают свои завтраки куда угодно – лишь бы подальше от глаз. Например, за панели приборов, которых в спускаемом космическом аппарате великое множество. Отмыть все запачканные места практически невозможно. И испытатели должны были войти в него после такой кошмарной иммерсии! Без содрогания этого сделать было нельзя, но они должны были. И они сделали это.

А близкий по форме к усеченному конусу спускаемый космический аппарат на беснующейся штормовой воде – это далеко не морской корабль! Он испытывает хаотическую и тошнотворную для людей болтанку, имеет все возможные степени свободы. Так что находящимся внутри его совершенно невозможно угадать, что произойдет в следующее мгновение: то ли ты окажешься наверху, то ли по кругу тебя развернет, то ли кто-то повиснет над тобой. Или вдруг вода хлынет в иллюминатор...

Трое суток первого эксперимента прошли по намеченному для испытаний графику. В тяжелейших условиях, когда температура воздуха в спускаемом аппарате достигала +38 градусов, влажность 100 процентов и плюс волнение моря. Из трех НАЗов, выданных на троих на трое суток испытаний, не был съеден полностью ни один, так как постоянное поддавливание изнутри организма, которое преследовало практически всех участников эксперимента, аппетита не прибавляло. Наоборот, у некоторых «на гора» выдавались последние запасы желудочного сока и желчи. По окончании эксперимента участники испытаний в костюмах «Форель» покинули спускаемый аппарат через люк на водную поверхность. Там их «спасли» специалисты, обеспечивающие безопасность, поиск и спасание, подняли на борт спасательного судна. На нем, как и до начала эксперимента, медики провели ортопробу, в ходе которой двое из трех участников эксперимента перешли грань эйфорического состояния и потеряли сознание. Только Виктор Рень прошел все этапы первого эксперимента, успешно выполнив процедуры и задания, предусмотренные программой.

Второй морской эксперимент начался для испытателей с тяжелейшего ожидания кошмарной иммерсии, но волнение в эти сутки было небольшим и все прошло нормально. Зато в спускаемом аппарате им снова преподнесли сюрприз. Один из проходящих морские тренировки космонавтов решил остаться в нем еще на сутки – дополнительно проверить себя на прочность. И вот на исходе этих суток, когда при волнении в три балла испытатели впервые задремали, произошло непредвиденное. Их коллега по выживанию вдруг, спросонья, наверное, взял да и... помочился прямехонько на работающий вентилятор, который

равномерным слоем распределил все это по участникам эксперимента, находящимся в аппарате. А в нем +38 градусов и влажность 100 процентов!.. В общем, когда по завершению эксперимента испытатели покидали спускаемый аппарат, от них пахло, как из привокзального туалета.

Мужественный и очень сдержанный человек, Виктор Рень не стал более подробно рассказывать о тех дважды по трое морских сутках в космическом аппарате: что они там пережили, что чувствовали, как преодолевали этот кошмар. Просто он так же лаконично и спокойно, как когда-то прокомментировал мое нештатное раскрытие запасного парашюта, сказал: «Это были самые страшные эксперименты в моей жизни. И я понял, что если даже после восьмисуточного полета космонавт приводнится хотя бы в трехбалльное море, то он не выживет и двух суток!».

Чего ради, по каким таким особым соображениям шли эти люди на подобные муки, чреватые не только потерей здоровья, но порой и жизни? Ведь ни космический полет, ни всеобщая слава за такие геройства им не светили. Быть может, денег заработали?

О вознаграждении за их кошмарный труд – особая песня. Как-то Реню и Новикову предложили пройти большой комплекс сложных и физически тяжелых экспериментов, связанных с испытаниями медикаментозных средств в процессе работы испытателей на различных динамических стендах. Главная изюминка этих экспериментов состояла в том, что целый букет вредных факторов должен был воздействовать на организм испытателя в течение максимально возможного времени его работы на каждом из них. По результатам экспериментов каждому пообещали заплатить приличное денежное вознаграждение, которое позволит безбедно жить их семьям в течение продолжительного времени. Мол, денег получите столько, сколько за всю свою жизнь не видели!

Заплатили... Эти цифры почему-то в памяти у Виктора Реня на всю жизнь так и отложились: он – 36 рублей 80 копеек, Михаил Новиков – 32 рубля 60 копеек. Рень еще шутил: «Ты, Миша, видать, где-то там сачканул – не досидел, раз тебе на четыре рубля меньше выписали...». А потом, когда пришел их получать, то искренне, от всего сердца предложил руководителю эксперимента (кстати, хорошему знакомому обоих испытателей, тому самому, который обещал денег «сколько в жизни не видели»): «Володя, да забери ты эти деньги себе, чтобы я их действительно больше никогда в жизни не видел! Пусть это будет подарок от нас с Мишей всем организаторам экспериментов!». Два гражданских испытателя за участие в аналогичном опыте по линии Института медико-биологических проблем получили по несколько тысяч рублей. В то время килограмм колбасы стоил 80 копеек.

За описанный выше страшный эксперимент по выживанию на море военные участники заработали от 70 до 200 рублей в зависимости от времени, проведенного в аппарате. Реню, который пробыл в эксперименте дольше всех, – в течение требуемых двух суток иммерсии, шести суток непосредственно испытаний в спускаемом аппарате на акватории моря и четырех часов ортостатических проб – выплатили аж 380 рублей. Гражданские подопытные за участие в аналогичных экспериментах получили более 15 тысяч рублей каждый! Автомобиль «Волга» тогда стоил 9 тысяч. Понятно, за такие деньги можно было терпеть невероятные нагрузки, жертвовать здоровьем. Чтобы потом не только купить машину или даже квартиру, но и беззаботно жить год-два до следующего эксперимента.

Военным испытателям приходилось, возвратившись домой после различных тяжелых выживаний и экспериментов, в поте лица трудиться на своих основных работах, чтобы прокормить семьи. Но этих денег, конечно, тоже часто не хватало. Тогда искали левые заработки. Как-то отделение невесомости Центра подготовки космонавтов, где в то время работали наши герои, решило в полном составе немного подзаработать на хлеб с маслом. Для чего договорились с районным строительным управлением о разовых

работах по ремонту крыш нескольких высоких домов. Все же они – высококлассные профессионалы, имеющие огромный опыт работы в самых экстремальных условиях. Что им крыша дома или долгое висение вдоль его стен?! Все происходило примерно так.

Заранее сколоченная бригада подъезжает утром на своих машинах к районному стройуправлению, берет у них задание и едет к указанному 15-этажному дому, где нужно отремонтировать крышу. Прямо в машинах переодеваются в грязные рабочие робы и уже с матюшком и плоскими шуточками – дабы жильцы не видели и не поняли, что это идут подполковники и полковники Советской армии, – поднимаются наверх, где предстоит латать крышу. Заодно предлагают свои услуги и хозяевам квартир верхних этажей – там стык плиты со стеной всегда течет.

Когда дверь шикарной квартиры открывает молодая привлекательная женщина и с ней начинается разговор об индивидуальном ремонте – халтуре на 150–200 рублей, – кому-то из стоящих перед ней испытателей, прошедших уже куда больше, чем любой космонавт, нет-нет да и вспомнится встреча с профессионалом-невесомщиком из американского NASA. От которого они узнали, что за два года куда более спокойной работы, чем постоянная основная деятельность наших ребят, он зарабатывает столько, что хватит даже его внукам. Так наши-то еще и за бесценок участвуют в кошмарных экспериментах по выживанию! Да еще вынуждены подобным образом халтурить. Но это так – мимолетное, когда только появляется в проеме двери хорошей квартиры красивая женщина...

А уже вскоре после этого, когда достигнута договоренность о работе (а она достигается всегда – кому же не захочется быстро и качественно решить проблемы с текущей крышей?!), они одевают подвесную систему от парашюта УТ-15, навешивают капроновые веревки и, взяв в руки ведра с толуоловым лаком, делают свое дело. А толуоловый лак, который им поступает с «Атоммаша» и которым по жизни заделывают атомные реакторы, не только очень хороший герметик, но еще и чрезвычайно токсичное вещество. Бывало, у работающих с ним на высоте пятнадцатого этажа людей из носа шла кровь. Но эту работу они делали на «отлично», впрочем, как и любую другую, которую им поручали.

И вот после одной из таких халтур они, провонявшие и испачканные этим лаком, сильно уставшие, в каких-то грязных лохмотьях, собирают внизу у лифта свое оборудование перед отъездом домой. Вокруг всякий местный народ ходит, с работы домой возвращается. Им – специалистам по невесомости, классным мастерам парашютной подготовки, участникам тяжелейших космических испытаний – очень неудобно и морально довольно тяжело. А у Михаила Новикова кто-то еще краской на спине рабочей куртки ласково и крупно написал «Миша». И вдруг один из жильцов дома этак снисходительно и назидательно произносит: «Вот, Миша, учился бы ты в школе хорошо – не мазал бы крыши...». Почти в рифму произносит да еще с таким значительным моралите. Ребята вокруг как грохнут со смеху... Ведь Миша Новиков, к которому было это обращено, когда-то участвовал в математических олимпиадах, университетский курс математики прослушал.

– Но тогда чего же ради? – не переставал я задавать сам себе и им этот вопрос. – Зачем шли вы на эти нечеловеческие и, вдобавок, почти благотворительные испытания, к которым вас к тому же и не принуждали?

– Вся наша космонавтика была овеяна красивыми легендами, нужными делами, очень привлекала, – задумчиво и очень лирично начал Михаил Новиков. – И хотелось хоть что-то сделать для нее. Внести и свою маленькую частичку. Нам ведь не приказывали, а просто предлагали: «Пойдете?». А мы в ответ: «Пойдем!». Вот точно как перед парашютным прыжком, когда с утра ты можешь подойти к доктору и сказать, что не готов прыгать, и он обязан, не задавая тебе никаких вопросов, освободить от прыжков. То же самое – и во всех этих испытаниях...

– Конечно, это был энтузиазм, внедренный в нас когда-то, – продолжил Виктор Рень. – Я всегда говорил и говорю перед началом любого эксперимента: «Миша, если не мы, то кто же еще. Не дрейфь, Миша, вперед, вперед!». Но еще это, конечно, и большой интерес к тому, что же в этих испытаниях с человеком происходит и как ты будешь себя чувствовать в этих экстремальных условиях. Ну, и себя испытать. Я как-то поставил перед собой задачу пройти все, что и настоящие космонавты. И даже – сверх того. И могу точно сказать: я прошел многократно больше, чем космонавты.

Нет никаких сомнений в том, что направь кого-нибудь из них в космическую экспедицию, он чувствовал бы себя там, как рыба в воде. Но в космос они не полетели – не космонавты! Зато славно поработали на великое дело не только в пустыне, тундре или на море, где выступали в роли этих любознательных добровольцев.

С 1980 года Виктор Рень и Михаил Новиков в составе специалистов-профессионалов по парашютному и психологическому делу активно участвовали в исследованиях, относящихся к программе разработки и внедрения методологических основ организации и проведения специальной парашютной подготовки космонавтов. Отрабатывая упражнения и методики их испытаний, они выполняли экспериментальные прыжки различной сложности с высот от 100 до 5500 метров и на скоростях летательных аппаратов от 120 до 550 километров в час. Во всех этапах прыжка с парашютом надо было решать простые и сложные математические, логические и другие задачи, при этом все решения сопровождалось словесным объяснением на диктофон, закрепленный на испытателе. Любая ошибка в решении конкретной задачи влекла за собой или недопустимую потерю высоты, или раскрытие основного парашюта на большой высоте, или приземление в точке, очень далекой от расчетной.

В первых же прыжках Новиков получил сложнейший винтовой перелом ноги, но завершил программу и только по окончании рабочего дня обратился к врачам, которым сказал, что сломал ногу, поскользнувшись на апельсиновой корке. Врачи надолго замуровали его в гипс, с которым он приезжал на прыжковое поле и переживал вместе со всеми за результаты каждого прыжкового дня. У Реня были аварийные отцепки от отказавшего основного купола, но он, переуложив запасной парашют, снова и снова поднимался в небо для того, чтобы делать эту непростую работу. Виктор и Михаил прыгали практически со всех типов летательных аппаратов, предназначенных для этих целей: вертолетов Ми-8, Ми-6, Ка-27, самолетов Ан-2, Ан-12, Ан-26, Л-410, Ил-76 и многих других. Они в совершенстве овладели практически всеми существовавшими на этот период времени парашютами – от примитивного Д-1-5У до сложнейших планирующих оболочек. Начиная с 1980 года, за двадцать с небольшим лет Рень выполнил около 1500 прыжков с парашютом, Новиков – около 1300, и большая часть из них были необычными, экспериментальными прыжками.

Более 400 часов провели они под водой, принимая участие в различных испытаниях с использованием специального снаряжения и скафандров. Прежде всего, это испытания системы обеспечения жизни и активной деятельности космонавтов в скафандрах «Орлан», предназначенных для выхода в открытый космос в условиях моделированной невесомости в гидросреде. Перед испытателями ставилась серьезная задача обкатать стационарную систему воздухо- и водоподготовки скафандров и водолазного снаряжения на предельных режимах. Параллельно – испытать организм человека при воздействии на него комплекса вредных факторов с максимально возможной активной его деятельностью в скафандре. Температура охлаждающей воды, подаваемой в костюм водяного охлаждения в скафандре, регулировалась от +4 до +24 градусов по Цельсию. При этом, чем меньше температура охлаждающей жидкости, тем активнее должен работать оператор в скафандре (дабы не замерзнуть) и наоборот. Работа классифицировалась по характеру нагрузок только как «тяжелая» и «очень тяжелая». Достаточно сказать, что за одно из погружений на протяжении семи часов непрерывной работы под водой Виктор и Михаил потеряли в весе 5 и 5,5 кг соответственно, а частота сердечных сокращений в отдельных случаях достигала у них 180 ударов в минуту (ну, точно, как у Алексея Леонова во время его драматичного выхода в открытый космос, когда случилось непредсказуемое ЧП!). В результате больших нагрузок и переохлаждений в течение определенного времени после окончания некоторых экспериментов у каждого при мочеиспускании обнаруживалось кровотечение. Но об этом знали только два человека, Рень и Новиков, ибо любая жалоба

на здоровье – это госпитализация, внеочередное медицинское освидетельствование с непрогнозируемыми последствиями. А уходить с такой ответственной и интересной работы практически на старте им совершенно не хотелось.

Занятные воспоминания остались у них от испытательных работ на вестибулярных стендах (на так называемом «кресле КУКа», качелях Хилова) и центрифуге. Здесь, как и везде, их ждали предельные нагрузки и режимы. На отдельных стендах космонавты, готовящиеся к космическому полету и уже слетавшие в космос, выдерживали сильно раздражающие вредные воздействия на вестибулярный аппарат лишь в течение двух-трех минут. Виктору и Михаилу по условиям эксперимента приходилось работать при аналогичных начальных условиях более тридцати минут! Доктор, проводивший эксперименты, увидев «неадекватность» реакции подопытных на раздражающие факторы (ну никак не входили они в обычное при таких нагрузках тошнотворное состояние), ввел дополнительное пренеприятнейшее воздействие на вестибулярный аппарат, но не смог довести их до нужного ему дискомфортного состояния. Тогда у него вырвалась весьма примечательная фраза: «Мужики, на вас я науку не сделаю». После этого Виктор и Михаил получили памятное вознаграждение, немного превышающее 30 рублей каждый, которое возвратили организаторам экспериментов, на чем это испытание и закончили.

Однако, несмотря на все эти умопомрачительные эксперименты, каждый из которых мог бы довести до самых печальных последствий любого смертного, есть у Реня и Новикова предмет особой гордости в их испытательской жизни. Самые продолжительные и интересные эксперименты они провели в условиях кратковременной невесомости и перегрузок на летающих лабораториях. По-настоящему они начались для них в 1980 году и продолжают у Виктора по сей день – он работает в качестве наставника молодежи, выполняя обязанности инструктора-испытателя в Центре подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина.

Что такое невесомость в специальной летающей лаборатории, следует рассказать подробнее, поскольку это главный стрессирующий фактор любого космического полета, и к нему именно таким образом готовились и продолжают готовиться абсолютно все космонавты, начиная с Гагарина. Для ее достижения специальный самолет горизонтально разгоняют на высоте 6500 метров, и с перегрузкой в 2 G он вводится в кабрирование – резко взмывает вверх. При достижении угла кабрирования в 45 градусов самолет продолжает далее лететь как свободно брошенное тело по параболической траектории. В этот момент и начинается режим невесомости. А заканчивается он в момент входа самолета под углом 45 градусов на пикирование. Продолжительность перегрузок 23 секунды, невесомости 25 секунд. Обычно за один полет выполняется десять таких режимов. Подобный маневр считается весьма рискованным, потому все, находящиеся в самолете, обязательно имеют за спиной парашюты и готовы в любой момент покинуть воздушное судно.

На протяжении всего времени участия в испытаниях и тренировках космонавтов на невесомости Виктор Рень выполнил более 900 полетов с общим временем пребывания в условиях перегрузок более пяти суток, а в невесомости более трёх суток. Михаил Новиков – более 800 полетов. Дольше них в нашей стране (а, возможно, и в мире) в условиях столь продолжительного действия вредных факторов невесомости и перегрузок не пребывал никто. Это абсолютный рекорд. Но испытатели не просто плавали в невесомости. Во время этих полетов проводились сложнейшие эргономические испытания различных образцов космической техники, типов космических скафандров и снаряжения. Разнообразные медицинские эксперименты, испытания по пригодности космической пищи, среди которых были образцы с, мягко говоря, неудачными вкусовыми качествами и запахом. Технические и технологические испытания и

эксперименты с использованием опытных образцов космической техники, специальных систем пилотируемых и беспилотных космических аппаратов. В результате совершенствовалась существующая техника, появлялись новые образцы, а также новые технологии и конструкции. Большую часть в этих работах занимали работы по созданию и испытаниям крупногабаритных космических конструкций, которые в последующем использовались при строительстве орбитальных станций и радиотелескопов. Все работы, выполненные в условиях кратковременной невесомости, позволили значительно повысить надежность космических систем, конструкций и оборудования, а также значительно снизить материальные и финансовые затраты, которые потребовались бы для проведения аналогичных испытаний в космосе.

Виктор Рень и Михаил Новиков прошли всевозможных испытаний экстремальными ситуациями гораздо больше, чем космонавты: и по объему, и по качеству. Кажется, уже дальше и некуда. Но самое поразительное, что были еще и профессиональные космические испытатели, дошедшие на границе жизни и смерти дальше, чем они, и потерявшие на этом страшном пути не только силы и здоровье.

Глава 3. Профессия – выжить!

Потребность в таких людях появилась сразу же, как только начались пилотируемые полеты в космос. Понятно, до них подобными испытываемыми были животные. Не счесть мышей, крыс, кроликов, собачек да обезьян, отдавших здоровье и жизни ради высокой человеческой цели. Еще задолго до полета Гагарина их крутили на центрифугах, выдерживали в термо- и барокамерах, мучили при недостатке кислорода и избытке других газов, в прочих невыносимых ситуациях, в поисках пределов существования живой материи, попавшей в неземные условия. Затем началась эра выхода в космос животных, когда до полета первого космонавта там побывали десятки различных четвероногих. И даже безногих: рыбок, рептилий. Потом, определив пороги биологического выживания в разных условиях, ученые приступили к изучению воздействия на них космических перегрузок.

Официально первым обитателем Земли, посетившим космос, считается собака Лайка, взлетевшая туда на советской ракете в ноябре (опять этот праздничный ноябрь!) 1957 года. Но хотя и было тогда объявлено на весь свет о ее успешном полете, он на деле оказался не таким уж и успешным. Лайка не вернулась на Землю – она буквально испеклась во время сильнейшего разогрева космической капсулы уже через несколько часов после старта. Последующим собачкам Белке и Стрелке повезло куда больше – они всемирно прославились после посещения ими околоземного космического пространства и благополучного возвращения на родную планету. Однако, они были лишь определенным апофеозом целой серии полетов животных в космос – большей частью неудачных, по той или иной причине закончившихся гибелью

маленьких космонавтов или всего космического аппарата вместе с его обитателями.

Но каждый результат был очень важен и нужен для успешного решения вставшей перед людьми захватывающей воображение фантастической цели – отправки в космос человека. Ученые внимательно отслеживали все, что происходит с животным во время старта ракеты, пребывания в космосе и возвращения на Землю. Они не только мерили им давление, пульс и прочие обычные физиологические показатели, но, например, через вживленные в мозг электроды пытались понять и изменения, которые могут произойти в необычной космической обстановке в поведении животных, а значит, попытаться проложить мостик к возможному воздействию космоса на психику человека. Возвратившиеся бездыханные, полуживые или благополучно пережившие космический полет тела скрупулезно исследовали, чтобы понять, отчего наступило то или иное изменение, смерть и что нужно сделать для предотвращения подобного в будущем. Нужно было как можно больше знать о том, что ждет живое существо, а в конечном итоге человека, во время такого загадочного и желанного космического полета. Две эти собачки стали маленькой вершинкой огромного айсберга из тысяч различных животных, поработавших, покалечившихся и погибших ради выхода в конечном итоге в космос человека. За что им огромная человеческая благодарность!

Когда же в космос стали готовиться, а затем и полетели первые люди, то стало понятно: наработанный на животных опыт очень важен и нужен, но его совершенно недостаточно. Ведь то, что выдерживает крыса, собака или даже обезьяна, совершенно запросто может не выдержать человек. Потому не только до первых космических полетов людей, но даже до их серьезных физических тренировок перед этими полетами следовало определить границы человеческих возможностей в каждом их виде: перегрузки, условия невесомости, повышенное и пониженное окружающее давление, температура и многое, многое другое.

Кое-что из этого арсенала уже было отработано в военной авиации, особенно истребительной, где тоже хватает всевозможных экстремальных нагрузок, которые нужно изучать и к которым готовить пилотов. Но космос предъявлял людям нечто принципиально новое. К тому же человеку предстояло не просто прокатиться в космическое пространство, но выполнять там определенные задачи. Да вдобавок все более и более усложняющиеся выходы в специальных скафандрах в открытый космос, работа там на долговременных обитаемых станциях, длительные полеты со всем букетом проблем психологической совместимости в условиях предельно ограниченного пространства и невесомости. А потом выяснилось, что не меньшие сложности ожидают человека при возвращении оттуда. Например, нештатная посадка спускаемого космического аппарата в зимней тундре, тайге, в знойной пустыне, в горах или даже в море, когда подхода спасателей можно ждать не часы, а несколько суток. Надо сказать, жизнь проверяла космонавтов в подобных условиях, и они с честью выдерживали никем не запланированные испытания. Как, например, случилось у Павла Беляева и Алексея Леонова во время их знаменитого и многострадального полета, во время которого произошел первый выход человека в открытый космос. Завершающей в серии чрезвычайных ситуаций того полета стала нештатная посадка в незапланированный район – пермскую тайгу – и ожидание спасателей в течение почти двух суток.

Кстати, именно после таких ЧП в реальных космических экспедициях и появлялись в тренировочном арсенале космонавтов выживание в зимней тундре и летней пустыне, морские и таежные тренировки. Все-таки лучше было заранее понять, что ожидает человека, попавшего в такую передрыгу, на что он способен и постараться подготовить его к этому – потренировать в аналогичных условиях до полета. Определить, какие самые необходимые средства спасения, количество воды и еды следует положить в его спускаемый багаж, какие медикаменты могут ему помочь. Я уже не говорю о предварительной отработке полной программы многих планируемых полетов еще до старта, когда на участвующих в экспериментах людях проверяется новая космическая техника – ведь в космосе предусматривается двойная и даже тройная система страховки любых узлов. Не являлись исключением и узлы человеческие.

Всех космонавтов в обязательном порядке ожидают подобные тренировки. Но, прежде чем предлагать любое серьезное испытание готовящемуся к полету человеку, надо еще понять, в каком объеме это делать. Какова доза экстремального воздействия, которую он может выдержать без последствий для будущей работоспособности, здоровья и жизни? Ведь ему не только надо пройти соответствующие тренировки, но и потом выполнить в космосе определенное задание.

И тут опять потребовалась помощь подопытных, но на этот раз людей, а не животных. Потому что хоть

они и являются «братьями нашими меньшими», но о многих человеческих возможностях можно судить только по экспериментам на людях. Так, практически одновременно с эрой космических героев началась эра профессиональных космических испытателей. Людей, мало кому известных, но зато много чего переживших. Многие из них не просто прошли через запредельные для человека нагрузки, но, без преувеличения, побывали на границе жизни и смерти. И если во время полетов подобная ситуация для космонавтов была совершенно непредсказуемой и непредвиденной, то эти люди шли на подобное, как на обычную работу, по заведомо утвержденному плану. Разными путями и на разных условиях оказывались они в роли испытуемых кроликов, но все они выполняли очень важную задачу: принимали на себя первый удар неизведанного, чтобы могли состояться последующие шаги в освоении космоса человеком.

Пожалуй, одним из самых дерзких, тяжелых и трагических экспериментов подобного рода можно считать сверхвысотное катапультирование человека – имитацию покидания спускаемого космического корабля, проведенную осенью 1962 года. В то время возвращение из космоса было не таким, как сейчас: вместо мягкой посадки внутри спускаемого аппарата космонавтам приходилось катапультироваться из него на определенной высоте, а далее приземляться с помощью парашюта. Хотя все эти операции тщательно отработывались, никто не был застрахован от возникновения нештатной ситуации, при которой и высота катапультирования могла измениться, и раскрытие парашюта произойти на любой высоте. Поэтому надо было проверить в эксперименте, как все пойдет в самых крайних обстоятельствах: как поведет себя техника и как – люди.

Весной 1962 года летное начальство вызвало к себе опытных парашютистов-испытателей Петра Долгова и Евгения Андреева, у которых за плечами были многие сотни сложнейших прыжков и экспериментов по исследованию авиационной и космической техники. Первый – обладатель восьми мировых и всесоюзных рекордов, награжденный за участие в испытаниях некоторых парашютных систем Госпремией и орденом Ленина, один из участников уникального в СССР прыжка с самолета, летящего со скоростью 865 километров в час и групповых затяжных прыжков из стратосферы. Второй – под стать ему напарник, десятки раз прыгавший с новыми типами парашютов, опробовавший разнообразные катапультильные установки, кислородное оборудование и обмундирование.

– Требуется испытать новое высотное снаряжение в условиях стратосферы, – объяснили им суть нового задания. – Прыгать будете почти из космоса. Опыта в мировой практике пока нет. Американцы бросили манекен с той высоты, с какой придется прыгать вам, но установленные на нем датчики зафиксировали большие перегрузки во время возникшего при свободном падении штопора, и они отказались от эксперимента с человеком. Командование предлагает поручить это испытание вам...

Андреев и Долгов тут же, без особых раздумий согласились выполнить это необычное и ответственное задание. Для него был подготовлен сверхсекретный проект под названием «Звезда». В ходе его два советских высококлассных парашютиста-испытателя должны были подняться на стратостате «Волга» на высоту 25 километров и совершить небывалый эксперимент – «прыжок от солнца», как романтично его окрестили некоторые парашютисты, – в ходе которого друг за другом покинуть специальную капсулу, чтобы каждому по своему плану достичь земли. Андрееву ставилась задача лететь почти до конца в свободном падении и раскрыть парашют в самый последний момент. Долгову, наоборот, необходимо было воспользоваться им сразу после выхода из капсулы и опускаться под куполом парашюта. И то, и другое было весьма рискованно, потому что с таких высот до них никто еще не прыгал: никто толком не знал, каково будет в такой разреженной и холодной атмосфере свободно летящему человеку и как поведет себя парашют. Командиром этого маленького испытательного экипажа был назначен полковник Петр Долгов.

В течение нескольких месяцев испытателям пришлось овладеть искусством управления огромным аэростатом, то есть стать квалифицированными аэронавтами и подготовить себя к выполнению небывалых прыжков. Они прошли тренировки в барокамере, где создавались условия, близкие к действительности и в ходе которых парашютистам приходилось по несколько часов «подниматься» на десятки тысяч метров вверх, а потом, имитируя спуск, очень быстро возвращаться на землю. Парашютная система, предназначенная для прыжка Долгова с немедленным раскрытием купола, была разработана самим испытателем и успешно опробована на выбросах манекена с высоты более 25 километров. Вся подготовка прошла более чем удачно.

И вот ранним утром 1 ноября 1962 года парашютисты-аэронавты, облачившись в специальные

костюмы-скафандры, заняли свои места в гондоле аэростата, сходной по многим параметрам с капсулой спускаемого космического корабля. Загерметизировали ее, прошли десатурацию (обогащение крови кислородом, чтобы вытеснить из нее как можно больше азота) и стартовали в ясное небо. Небывалой высоты в 25 тысяч 458 метров аэростат достиг через 2 часа 44 минуты. Здесь была зона равновесия, это значит, что выше он уже подниматься не мог. Парашютисты приступили к выполнению задания, для чего прежде всего разгерметизировали кабину, в которой находились. И приготовились к сверхвысотному прыжку. Далее все у них пошло совершенно непредсказуемо.

Андреев катапультировался благополучно и очень скоро, пикируя в сильно разреженной атмосфере, достиг страшной скорости в 250 метров в секунду. Увидев, что летит напрямик в реку, он сумел стабилизировать себя в горизонтальном положении и постарался спланировать в сторону от неё. В какой-то момент от страшного холода (на таких высотах температура ниже -50) начали неметь руки и, пытаясь согреть пальцы, парашютист сжал их в кулак. От такого маневра его тут же завертело в штопоре, а вскоре заиндевели вся прозрачная часть гермошлема, так что он не видел не только куда летит, но и шкалу высотомера. А по его показаниям испытатель должен был вручную открыть парашют на высоте около 1000 метров от земли. На этот случай имелся автомат раскрытия, установленный на срабатывание на 950 метров. Слава Богу, техника не подвела. Парашют благополучно раскрылся на заданной высоте без участия человека. Только после этого все пошло штатно, и Евгений Андреев очень скоро благополучно коснулся земли. Можно было сразу поздравить его с установлением рекорда высотного катапультирования и счастливым возвращением.

Совсем иначе получилось у Долгова. Наблюдавшие за его прыжком отметили благополучное раскрытие парашюта сразу после отделения от капсулы и последующее плавное снижение. Казалось, все идет прекрасно. Однако, ближе к земле стало ясно: что-то с парашютистом не в порядке – слишком уж пассивно висел он под куполом и совершенно не работал со стропами. Когда же при приземлении он не сделал необходимой группировки и его просто поволокло по земле за сносимым ветром парашютом, все поняли, что человек, по меньшей мере, находится без сознания. Но все оказалось куда хуже.

От катапультирования Андреева капсула под аэростатом начала раскачиваться. Долгову немного бы подождать, но он получил приказ на ее покидание сразу после своего товарища и в момент отделения задел своим гермошлемом какой-то выступающий металлический штырь-болт раскачивающейся конструкции. От этого резкого удара в гермошлеме образовалась небольшая пробоина, но в условиях такой разряженной атмосферы и запредельно низкого давления она оказалась для человека смертельной. От резкого падения давления и потери атмосферы у него мгновенно закипела кровь, и опытный парашютист-испытатель Петр Долгов погиб в течение нескольких секунд. Увы, такой ужасной может оказаться для человека встреча с неизведанным, в котором никакие личные опыт и умение не в состоянии помочь.

Оба они, Евгений Андреев и Петр Долгов, бесспорно выполнили отданные им приказы и приняли каждый свою судьбу. Одному из них сильно не повезло. Оба были награждены после этого эксперимента звездами Героев Советского Союза. Последний – посмертно. То были первые звезды Героев космическим испытателям. Но об их детальном участии в том необычном эксперименте, как и обо всех его подробностях – и после его завершения, и после награждения героев – узнали не многие. Слишком засекречено было испытание, слишком далеки были эти люди от всенародной известности. Они делали свое тяжелое, опасное, но такое нужное дело тихо и надежно.

Во время разговоров с нашими инструкторами об их нештатной испытательской работе мне особенно запомнились слова Виктора Реня о том безымянном солдате, который отсидел в тяжелейшем выживании в тундре все трое суток «как кролик» и которого забрали из эксперимента «почти неживого». Запомнились потому, что, оказалось, кроме них, нештатников, которые выдерживали нечеловеческие условия, были еще и такие, на долю которых выпадали и более тяжелые эксперименты! Какие-то испытатели, имена которых даже не считали нужным сказать их напарникам. Со временем некоторые эти имена и люди стали известны.

Вот один из таких: Роман Коцан. Он служил в армии в начале 60-х годов и совершенно не помышлял ни о чем космическом. Шел второй год его службы, когда к ним в часть приехала комиссия из Научно-исследовательского института авиации и космической медицины и начала отбирать самых сильных и крепких ребят. Тогда было почетно быть именно такими, и все старались показать себя с лучшей стороны. Но отобрали только 15 человек, которым и предложили поработать на космос, – стать

космическими испытателями. У всех тогда в головах прочно сидели громкие, модные тогда слова «летчик-испытатель», и слово «космос» уже было не в новинку, так что приобщиться к такого рода занятиям казалось весьма почетно и перспективно. Что касается Романа, то он был просто счастлив, когда отправлялся к новому месту службы. А почему нет, – он же такой сильный и молодой, попал на столь интересную и необычную работу?! Почему не внести свой вклад в дело освоения космоса, если ты стал избранным?!

Эксперименты, которые проводились то в Москве, то в Ленинграде, и впрямь оказались настоящими космическими испытаниями. Их крутили на центрифугах, выдерживали в барокамерах, катапультировали с самолета на больших высотах, доводили до бессознательного состояния на специальных качелях Хилова. А еще закрепляли подобно Христу в крестообразной форме в металлическом обруче и крутили до упора во всех направлениях, наращивая скорость вращения. Половина коллег Романа этого аттракциона не выдержали. А Коцан справился – и вправду, уникальное оказалось у него здоровье!

Особенно ему запомнился эксперимент по гипокинезии – двухмесячному лежанию на постели без движений да еще под отрицательным углом в 15 градусов. Врачам нужно было понять, что произойдет с организмом человека во время длительного полета в условиях невесомости, когда сила тяжести действует в непривычном направлении и гонит кровь более в голову, чем в ноги. Кормление – через трубочку, хождение в туалет – в «утку». Эксперимент проходил в Ленинграде, и после его окончания Романа Коцана увозили в Москву на носилках – сам он ходить не мог. Едва успел немного прийти в себя от гипокинезии, начались испытания на центрифуге. Сначала восьмикратные перегрузки, затем все больше и больше. В графе «Продолжительность эксперимента» ему просто писали «Сколько выдержит». Поскольку от сумасшедших перегрузок немели все мышцы, в том числе и язык, он не мог во время испытания разговаривать, мог только невнятно мычать. Так и общался с наблюдавшими за ним врачами: промычал два раза – нагрузку увеличивают, потерял сознание – уменьшают. Перегрузки достигали 20 G!

Очень тяжелым для всех испытателей оказалась сурдокамера – длительное пребывание в замкнутой комнате без связи с внешним миром. Они находились в ней не только в темноте, но и в полной тишине, без связи с внешним миром. Врачам надо было знать, как может отреагировать психика человека на подобную возможную изоляцию в космосе. Психика Коцана почему-то более стала реагировать уже после эксперимента. Его начали преследовать странные звуковые галлюцинации, а от падающего листа бумаги он, бывало, вздрагивал, будто от падающего с крыши куска железной кровли. Затем начались эксперименты по бессоннице – Роман выдержал без сна более трех ночей!

Самое же страшное их ждало во время испытаний по иммерсии – длительном пребывании в воде во взвешенном состоянии. Оно настолько тяжело и неприятно для человека, что испытатели называли его «сумасшедшей ванной». Длительность такого свободного «парения» в воде достигала полутора месяцев. Но если бы только лежать! На испытателях отрабатывали методы скорой помощи пострадавшим космонавтам. Для чего наиболее выносливых из них с помощью наркотиков доводили до состояния... клинической смерти, а потом делали прямое зондирование сердца, вводя в него через кровеносную систему специальный датчик. Каждый испытуемый по несколько раз проходил грань, разделяющую жизнь со смертью. Ничего более страшного, чем этот выход из клинической смерти, представить было нельзя. Но врачи умудрялись усугубить и эту жуткую процедуру – у всех испытуемых брали на исследование костный мозг, образцы разных тканей, в том числе и кости. Причем, для предельно точной диагностики физиологических изменений в организме делали это без всякого наркоза – чтобы никакие специальные препараты не давали наводки. Многие из испытателей по прошествии долгого времени после тех

экспериментов впадали в настоящий ступор, если при них грызли сахар или сухари. Слишком уж этот звук напоминал звук работающего в их костях коловорота.

Коли разговор пошел о последствиях тех испытаний и о еде, то стоит сказать, что Роман Коцан, например, просто терпеть не может томатный сок – в одном из экспериментов его кормили только этим продуктом. А его друг Михаил Маликов долгие годы после тех экспериментов приходил в ярость при виде осетрового балыка и икры – он двадцать дней сидел без еды, при этом в иллюминатор кабины ему постоянно показывали красочные картинки с балыком. Изучали, до какой степени человек может бороться с природным инстинктом, постоянно подогреваемым извне.

Поскольку все испытатели были на штатной должности, то и получали они постоянную зарплату – сто рублей в месяц. А самые большие деньги Роману Коцану выплатили за тяжелейший полугодовой эксперимент по гипокинезии, когда по окончании исследования его уносили на носилках. Целых четыре тысячи рублей! Их они с женой оставили на «черный день». Но не день, а многие черные дни настали, когда через десять лет такой работы на космос ему, уже изрядно подорвавшему свое здоровье, предложили «пойти на замену». Вместо него нашли другого подопытного – помоложе и посвежее, – а Роману с женой сначала пришлось освободить ведомственную квартиру в Подмоскowie. Потом как-то незаметно быстро растаяли заветные четыре тысячи рублей. Начались проблемы со здоровьем, причем не только у него, но и у старшей дочери, у которой с самого детства обнаружилась сильная аллергия, а в 11 лет ей пришлось удалить желчный пузырь. Долгое время их семья из четырех человек жила в основном на зарплату жены Люции, которая работала воспитателем детского сада. Несколько лет бывший космический испытатель мотался по стране в поисках работы и, наконец, устроился лесничим во Владимирской области. А через десять лет ушел на пенсию инвалидом второй группы, перенес к этому времени инсульт и инфаркт.

Роман Коцан думает, что эти его и дочери проблемы со здоровьем и итоговая инвалидность – результат его испытательской деятельности. Большая часть и без того скромной пенсии уходит на лекарства. Несколько лет он пытался доказать, что инвалидность эта – результат тяжелейшей работы на наш космос, а значит, и пенсию он должен получать как военный инвалид. Но свое, «космическое» дело он уже сделал, и такой пенсии ему государство не дало. Зато в конце девяностых годов прошлого века наградило «Орденом Мужества». Буднично так приехала за ним машина скорой ветеринарной помощи – и впрямь, будто за кроликом каким. Отвезли в областной центр, где в местном «Белом доме» нацепили на грудь посеребренный крест и пожали руку. Вот и все признание заслуг перед космосом, перед Родиной.

А вот такого же штатного испытателя Владислава Барковского даже орденом не наградили, хотя он выдержал тяжелейший эксперимент, моделирующий восьмисуточный полет к Луне, да еще в условиях полной разгерметизации корабля после попадания в него метеорита. Впрочем, ему повезло в другом: и инвалидом не стал, и денег заработал.

Получилось так, что на срочную службу в армию он призвался в 1962 году в тот самый НИИ авиационной и космической медицины. Служба его заключалась в том, чтобы возить на служебной машине одного генерала из института. От него и узнал, что периодически здесь проводятся отборы кандидатов в космические испытатели – проходит один из тысячи, – и решил тоже попробовать. Оказалось, у Барковского прекрасное здоровье. Так он стал штатным испытателем. С гарантированной, значительно выше, чем у рядового, ежемесячной зарплатой, более частыми увольнениями в город, где патрули не имели права задерживать военнослужащих особой воинской части, коей являлся его НИИ. Ну, а главным в той его жизни стали постоянные необычные эксперименты, которые должны были помочь врачам понять, что же ждет человека во время космического полета – с непредсказуемым для испытуемого результатом. Например, сажали человека в круглый металлический шар и просто бросали на землю с разных высот.

Бросили с двух метров – испытуемые выдержали, бросили с четырех – у приятеля Владислава случился перелом позвоночника. Естественно, из испытателей он ушел и на всю жизнь остался инвалидом.

На долю же Барковского выпало уникальное, поистине неземное испытание, о котором следует рассказать особо. В то время наша страна активно готовилась к полету на Луну. Вернее, полету к Луне, поскольку технической возможности долететь до спутника Земли, сесть на него и вернуться на родную планету не было. Планировали лишь облет Луны. А там, во время такой экспедиции, кто его знает, что может произойти. Вдруг метеорит пробьет обшивку корабля, и вся атмосфера из него выйдет – выдержит ли в этом случае индивидуальный скафандр условия космического вакуума и останется ли жив человек в нём до возвращения на Землю? Вот такой затеяли восьмисуточный эксперимент.

Первый испытуемый сломался на вторые сутки – взбунтовалась кровь. Его с эксперимента сняли. «Запустили» Владислава Барковского. Происходило все это в барокамере, где испытатель сидел в специальном кресле в наглухо закрытом космическом скафандре «СК-1», аналогичном тому, в котором летал Юрий Гагарин. Вокруг почти натуральная космическая пустота – атмосфера, разреженная, как на высоте 40 км. А внутри, в герметичном скафандре – нормальное давление и температура +28 градусов по Цельсию. Днем еще ничего, поскольку психологи из-за стенки постоянно подкидывали какие-то свои задачи, задавали разные вопросы. А вот ночью – с ума можно сойти. Испытатель постепенно начинал терять ощущение собственного тела, окружающего пространства...

На третьи сутки произошло реальное ЧП, не менее страшное, чем изначально моделируемая ситуация с пробитием корабля метеоритом. В левой перчатке ни с того ни с сего образовалась небольшая дырка, и воздух из скафандра Барковского начал быстро уходить. Всю его руку будто морозом схватило. Труднее и труднее становилось дышать. Хорошо, что это было на перчатке, – Владислав, как мог, заткнул ее другой рукой, а сам тут же доложил о случившемся дежурному офицеру. Тот открыл подачу в скафандр дополнительного кислорода – дышать сразу стало легче – и предупредил испытателя:

– Готовься, сейчас будем тебя спускать до высоты 4 км. Вернее, не спускать, а, дабы не тратить драгоценное для твоей жизни время, пикировать будешь со своих сорока километров почти до самой земли!

И началось! Из носа течет, в ушах стреляет, голова звенит. Весь мокрый от пота. В общем, в этих муках Владислав не заметил, как достигли запланированной высоты. После чего в барокамеру вошла спасательная группа и... оперативно заменила ему поврежденную перчатку на новую, целую. И тут же испытателя снова закинули на 40 км. В какой-то момент у него промелькнула трусоватая мысль: «Боже, зачем же я согласился на такие муки?! Спал бы сейчас на нормальной кровати, дышал бы нормальным воздухом, а тут – как жаба в этом скафандре скрючился». Самыми тяжелыми оказались последние часы перед окончанием эксперимента. Неожиданно при вдохе начались болевые удары в голове. Выдыхает – все нормально. Вдох – опять жуткие боли. Докладил, как положено, на «землю».

– Ну, ты как, – озабоченно спросили оттуда, – терпеть будешь или все экстренно прекращать?

– Буду терпеть! – ответил полуживой Барковский.

И вытерпел. Когда извлекли из скафандра, он с удивлением обнаружил, что левая рука стала какого-то зеленого цвета, а с головы клочками выпадали волосы. Из барокамеры его вынесли на руках и через весь институт пронесли на носилках. Владиславу в этот момент показалось, что все сотрудники НИИ – тысячи две человек – вышли его встречать после тяжелого эксперимента. «Ну, прямо как из настоящего полета к Луне вернулся!» – подумалось ему тогда.

За тот эксперимент ордена Барковскому не дали – к тому времени американцы успели высадиться на Луну, и наши лунные потуги были уже вроде бы ни к чему. Зато заплатили поистине безумные деньги – 55

тысяч рублей. В то время в Москве за тысячу можно было купить комнату. Родителей чуть удар не хватил, когда он принес их домой – работа-то его была секретной, ничего о ней он не говорил и оставался для них простым рядовым солдатом.

А лет через пять, когда он уже ушел из НИИ и из испытателей, вдруг появились сильные боли в груди. Потом начала опухать та самая левая рука. Отец заставил Владислава пойти к врачу, и там у него обнаружили тромб. Немедленно забрали в больницу на операцию – сказали, в противном случае можно и помереть. Она длилась десять часов, и на память о ней у бывшего космического испытателя осталось несколько больших шрамов.

– Уж не на «Луне» ли своей я это подхватил? – поинтересовался он у старых знакомых врачей, когда случайно оказался в том самом НИИ авиационной и космической медицины.

– А ты что же думал? – загадочно улыбнулись ему в ответ. – В Советском Союзе просто так денег, да еще таких денег, не платят...

Вместе с упомянутым выше Романом Коцаном «Орден Мужества» получили еще 13 таких же, как и он, бывших испытателей из этого же НИИ. Некоторые – посмертно. Например, близкий друг нашего героя Александр Огурцов, у которого вскоре после работы в институте обнаружилась опухоль мозга, и его не стало в 30 лет. В доме инвалидов умер другой испытатель Сергей Гришин – у него оказалась полностью нарушена пространственная координация. И это далеко не все жертвы космических испытаний. Так почему же все-таки люди эти шли на подобные мученья, чреватые не только потерей здоровья, но и смертью?

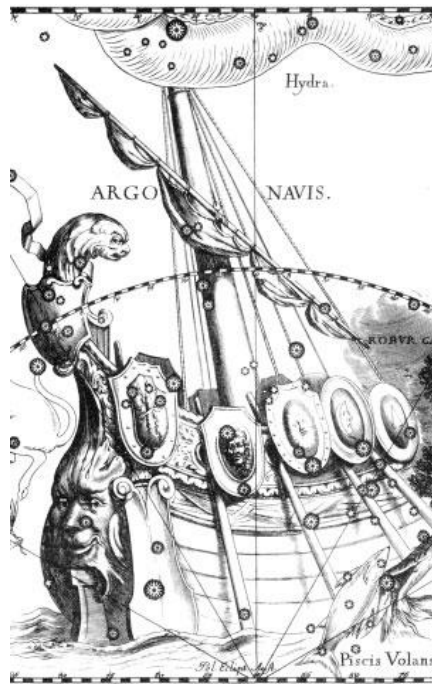
В какой-то момент разговора с нашими инструкторами-испытателями – об их похождениях в качестве космических испытателей, но без орденов и даже без денег – в моих потугах понять-таки истинные причины, подвигнувшие людей на такие муки, Михаил Новиков вдруг, будто какой бес в нем проснулся, выпалил: «Но, в конце концов, надо же это кому-то делать!..»

Именно так. Надо же это кому-то делать! Просто у нас есть такие люди. Уникальные люди, для которых эти простые слова становятся главным ключом к открытию удивительных человеческих качеств и возможностей, которые помогают пересиливать самые тяжелые обстоятельства. И космическая романтика, и желание что-то сделать для высокой цели человечества, и потребность себя испытать – все это, конечно, тоже в них присутствует и оказывает определенное влияние на поступки и решения. Но главный экзистенциальный посыл, определяющий движение и жизни этих удивительных людей, наверное, заключен именно в этом «...надо кому-то делать». Причем, касается он не только космических испытаний. Еще, например, заделывания крыш с помощью вредного для здоровья лака. И многого другого.

Нет ничего удивительного в том, что именно один из наших космических испытателей, Виктор Рень, первым в истории отношений между NASA и РКА представлял в 1996 году Россию в США как специалист по организации испытаний, исследований и тренировок космонавтов в условиях, максимально приближенных к неземным. Там в космическом центре имени Джонсона он погружался в воду в американском «выходном» скафандре, участвовал в параболическом полете на самолете KC-135 с выполнением 45 режимов невесомости в одном полете. При этом выполнил и по объему, и по качеству куда большее количество операций из запланированных, чем его американские коллеги. К тому же в отдельных работах с американской стороны участвовали разные специалисты, а Рень во всех них – один. Многие руководители американского космического агентства были сильно поражены, увидев его неизменно классную, профессиональную работу и под водой, и в небе, и на стенде виртуальной реальности. У них таких универсалов не нашлось.

Слава Богу, что были, есть и остаются еще пока у нас люди, которые всегда готовы взвалить на себя самое трудное, самое невыносимое – такое, что другие либо не могут осилить, либо от чего заранее отказываются. И не только взвалить, но и с честью справиться с ним. В большой степени благодаря им стали возможными многие наши достижения, в том числе и потрясшие в свое время всю планету удивительные космические победы. Пока есть такие люди, мы и наша Россия будем оставаться для всего мира той загадочной, непредсказуемой и удивительной страной, которая способна преподнести миру Пушкина и Достоевского, Чайковского и Шагала, Платонова и Бродского, Павлова и Вавилова, Циолковского и Сахарова. И, смею надеяться, преподнесет еще немало подобного.

Часть 4. Предназначение

Надо, однако же, понять, почему ломится человечество в космос. Чего ради все эти муки мысли о покидании родной планеты, старания и страдания многих тысяч конструкторов и инженеров, врачей и испытателей, космонавтов? Что за странная сила влечет нас от прекрасных и разнообразных земных красот и удобств, которые отчасти и создали людей несколько миллионов лет назад, в мрачное космическое пространство? В мир, бесконечно чуждый жизни, где властвуют страшный холод и испепеляющая жара, невесомость и безвоздушность, вакуум и радиация, – в общем, присутствует постоянная и смертельная угроза человеку. Но что-то заставляет его – подобно упорному скарабею, катящему вперед свой вечный шар и не останавливающемуся ни перед какими преградами, – тратить невероятные средства, рисковать здоровьем и жизнями своих сыновей и дочерей, а иногда и отдавать их, чтобы раз за разом отрывать от Земли и проникать все дальше и дальше в загадочный и неизведанный космос.

Понятно, меньше всего здесь я имею в виду свою скромную персону, космическим мытарствам которой уделил в книге довольно много места, – сделано это было исключительно из желания передать те ощущения и испытания, которые вскоре могут ожидать любого человека, собравшегося лететь в космос. Так, как неожиданной судьбой в этот могучий поток оказался однажды вовлеченным и я. И, органично ощутив себя его неотъемлемой частью, не смог не задуматься над происходящим на наших глазах поворотом в истории человеческой цивилизации и не взяться за перо.

Итак, что же организует и направляет этот неостановимый поток людей от Земли в космос?

Конечно же, присущая всему живому элементарная любознательность, желание постичь окружающий мир. А также – появившаяся у разумного человека потребность в расширении знаний о нем, стремление проверить себя в экстремальных ситуациях и испытать новые ощущения. Но только ли это?

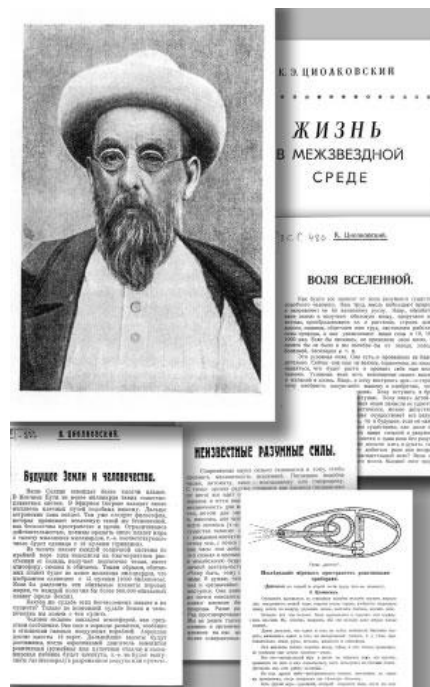
Человек тем и отличается от животных, что умеет не просто лишь чувствовать и прагматично использовать какие-то очевидные закономерности вокруг себя, но и открывать более глубокие законы видимого и невидимого мира. А еще – задумываться над тем, что происходит в мире, где он живет, и с ним самим. Так, вслед за вставанием на две ноги, овладением огнем, созданием языка и орудий труда, появились колесо, микроскопы и телескопы, двигатели внутреннего сгорания. Люди освоили электричество, радио– и телевидение, опустились в морские глубины и кратеры вулканов, построили самолеты и поднялись в небо, овладели ядерной энергией...

И, наконец, вырвались за пределы родной планеты.

Парадоксально, что об этом новом для человечества качестве, ставшем актуальным и доступным для понимания лишь со второй половины 20 века, один из жителей планеты всерьез размышлял уже в конце 19 века. И не просто рассуждал, а сделал первую в мире научную работу, посвященную реактивному движению, в которой теоретически обосновал возможность осуществления межпланетных путешествий с

помощью реактивного летательного аппарата – ракеты. Его имя Константин Циолковский. В своем знаменитом труде «Исследование мировых пространств реактивными приборами», впервые напечатанном в 1903 году, великий мыслитель из Калуги высказал также идею об автоматическом управлении полетом с помощью гироскопического устройства, о возможности использования солнечных лучей для ориентации ракеты и многое другое. Часть его предположений уже блестяще реализовались в практической космонавтике.

Остается только удивляться, как в человеческом обществе, только-только оторвавшемся от земной поверхности с помощью первых примитивных летательных аппаратов, могли зародиться столь дерзкие, совсем не земные мысли. Ведь Циолковский не только всесторонне разработал и обосновал в теории возможность освоения человеком космического пространства и устройства там поселений. Далее, в книге «Жизнь в межзвездной среде» он попытался развить эти идеи с практической стороны. В разгар бушующей в России гражданской войны, сжимающегося вокруг его страны кольца международной интервенции, сопровождавшихся холодом и голодом, Константин Эдуардович писал о вещах, совершенно несоответствующих тому времени и обстоятельствам. Он писал в октябре 1919 года о жизни людей в космическом пространстве. О работах в условиях невесомости, о производстве там электроэнергии, металлов и различных строительных материалов, об устройстве оранжерей, о планировании космического жилища, о способах регулирования в них температур и многом другом. У него не было ни керосина, ни бумаги, но он писал огрызком карандаша на каких-то неиспользованных железнодорожных бланках свою книгу Великий человек писал о великом будущем человечества. Он свято верил в это будущее.

И оно, блестяще предсказанное Циолковским, начало свершаться на наших глазах. Хотя на своем космическом пути мы сделали только самые первые, робкие шаги, все-таки путь наш уже продолжается более сорока лет, и мы не можем всерьез не задаться вопросом: зачем так упорно человечество стремится в этот чуждый жизни космос?

Здесь на помощь я призываю двух наших современников, которые не имели абсолютно никакого отношения ни к космическим полетам, ни к испытаниям физических возможностей человека или строительству космической техники. Но все же они сделали для понимания и осознания нашего космического бытия ничуть не меньше, чем все космонавты вместе взятые. Они – из тех самых непредсказуемых сюрпризов, которые наша страна преподносила и будет еще преподносить миру. Два гениальных представителя рода человеческого, какие появляются на планете, быть может, один-два в столетие, – каждый в своей области. Они работали в совершенно разных сферах человеческой деятельности и никогда не общались друг с другом, но практически в одно время совершили удивительные открытия в своих областях и подарили, таким образом, всем нам космические ощущения и сознание, свойственные

новой эпохе.

Глава последняя. Наука и любовь

В другой своей книге «Шаг в сторону», которая была посвящена поведению людей в экстремальных ситуациях, я написал о необычном советском ученом Лазаре Меклере, сделавшем, судя по всему, очень крупное, фундаментальное открытие в естествознании. Его история привлекла меня потому, что вся продуктивная творческая активность этого человека была связана с постоянным пребыванием в предельно невыносимых социально-бытовых и производственных условиях, возникающих, где по вине времени, где – нашего советского строя, а где – вследствие его собственного вмешательства. Похоже, иначе он творить и не мог.

Физико-химик и биолог по образованию, Лазарь Борисович Меклер начал свою исследовательскую деятельность в 50-х годах 20 века, всю жизнь трудился в области молекулярной биологии. Сначала в различных академических и медицинских институтах, а затем, с середины 70-х годов, – в созданной у себя дома независимой «лаборатории теоретического естествознания», как громко он сам ее назвал. Занимался вопросами биологической памяти, наследственности, передачи информации в живых системах, образования злокачественных опухолей и многими другими проблемами этой новой науки.

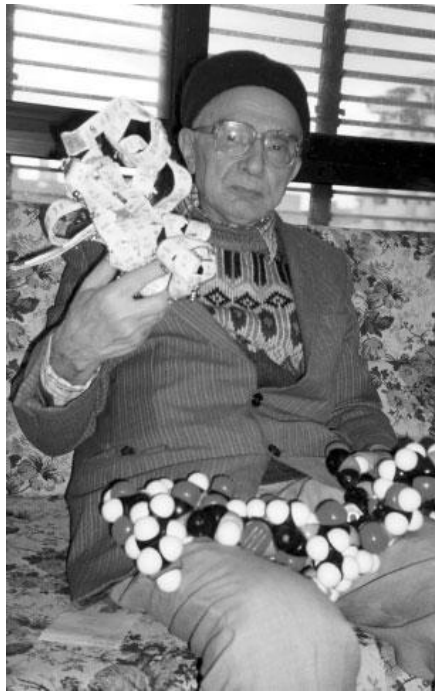
В поисках закономерностей, по которым из малых органических молекул, самопроизвольно возникающих на молодой Земле при переходе ее из химической стадии эволюции в биологическую, возникли живые клетки, а затем и многоклеточные организмы (в итоге – и человек Разумный), он открыл некий закон. Универсальный закон, управляющий этим загадочным процессом – общий код. Согласно этому коду природа из малых молекул (нуклеотидов, аминокислот, сахаров, липидов, атомов всех видов химических элементов) строит ДНК, РНК, белки и другие биологические полимеры и их комплексы друг с другом. И строго в соответствии с ними эти компоненты любых живых клеток и организмов функционируют. Лазарь Меклер назвал его «общий генетический стереохимический код». По сути, это было открытие так называемой «второй половины» генетического кода, которой так не хватало молекулярным биологам, биофизикам и генетикам после открытия в 50-х годах Чаргаффом, Уотсоном и Криком законов построения двойной спирали ДНК – его первой части.

Еще в конце 19 века Ф. Энгельс гениально определил жизнь, как «...способ существования белковых тел», однако, очень долго молодая наука молекулярная биология не могла подобрать ключ к разгадке построения трехмерных белковых молекул. И к пониманию взаимодействия друг с другом этих кирпичиков жизни, их аминокислотных остатков – звеньев, из которых построены нити абсолютно всех белков, с одной стороны, и звеньев ниточек всех ДНК и РНК – с другой. Заслуга теории Меклера заключается не только и не столько в том, что согласно его коду можно всего за несколько дней построить модель объемной структуры любого белка (на такую работу в лучших лабораториях мира с помощью самого современного метода рентгеноструктурного анализа тратилось не менее года!). А в возможности, построив эти модели, увидеть с их помощью всю динамику взаимодействий биополимеров живой материи.

Не буду подробно рассказывать об этом коде, как и о сложной, во многом даже драматичной судьбе ученого, оказавшегося к середине 90-х годов в Израиле и ведущего там в начале 21 века довольно трудную жизнь в полуподвальном помещении. Речь сейчас о другой части его открытия и сделанных им выводах, которые весьма неожиданно, но очень комплементарно входят в главную тему этой книги. Дело в том, что Лазарь Меклер в самом начале своей научной деятельности задался двумя внешне очень бесхитростными, но, по сути, глобальными вопросами бытия. Первый – чем живая материя отличается от неживой?

– Модели динамических макромолекул биологических соединений, построенные согласно этому коду и разработанной на основе его теории, – разъяснял в 1987 году мне и всем желающим Лазарь Борисович свое открытие, – позволяют на атомном уровне понять, как работают в организме молекулы белков: ферменты, гормоны, антитела, другие белки. А также увидеть, как движутся рабочие узлы и детали этих биологических микромашин. Как и почему в процессе их жизни изменяется форма, откуда и каким образом подводится энергия, необходимая для работы, и как эта энергия трансформируется из одной формы в другую. И, наконец, как и почему в ответ на требования, предъявляемые живым организмам средой обитания, включаются, выключаются, размножаются или, наоборот, вырезаются за ненадобностью гены,

кодирующие эти белки...

Не вдаваясь в более сложные детали биологического открытия Меклера, скажу, что тут и есть ответ на первый его вопрос – главная суть жизни! Но при чем же тут космос?

Не все сразу...

Второй вопрос Меклера был: для чего во Вселенной появляется жизнь вообще и разумная жизнь в частности? То есть еще на заре своей научной карьеры, в пятидесятые годы 20 века, Лазарь Борисович всерьез задался главным вопросом бытия – вопросом о предназначении жизни. И к середине семидесятых блестяще, оригинально ответил и на него. Вокруг открытого им общего стереохимического генетического кода вспыхнуло много споров, но все же было и много ученых, всерьез воспринявших теорию Меклера. Было также проведено немало экспериментов, которые блестяще подтвердили ряд ее положений и следствий.

Однако, дело в том, что разработанная Меклером теория общего стереохимического генетического кода, самоорганизации и функционирования биополимеров явилась лишь частью, фундаментом его целостного мировоззрения, основные положения которого далеко выходят за рамки молекулярных взаимодействий в живом организме и распространяются на космологию и даже на военно-политическую ситуацию на нашей планете. Большинство молекулярных биологов, если и не считают эту часть – будем ее условно называть «космологическая часть теории Меклера» – фантазией, то, по меньшей мере, не понимают ее. Понимание и большой интерес проявили лишь некоторые философы. Но сейчас для нас именно эта часть является главной.

– Каждая такая микромашина-белок, – объяснял Лазарь Меклер далее смысл сделанного им открытия, – всегда содержит то или иное число особых рабочих элементов-двигателей, так называемых «флуктуирующих петель» или «молекулярных маятников», количество которых соответствует мощности данной микромашины. Любая такая петля-маятник построена так, что она приходит в направленное, упорядоченное, колебательное движение за счет энергии раскачивающих ее беспорядочно движущихся молекул растворителя – воды или иных молекул среды, в которых эти белки работают. Эта энергия подобна энергии аккумулятора, запускающего двигатель автомобиля, она запускает в свою очередь в работу любые биологические микромашины. В том числе и те, которые используют и химическую энергию иных молекул. В результате работы этих микромашин-белков строятся, а затем и функционируют живые клетки – одноклеточные и многоклеточные организмы.

Этот результат своей теории Лазарь Меклер считает ключевым, потому что он проливает свет и на роль жизни во Вселенной, и на механизм реализации этой роли живыми организмами. И, как следствие, наглядно демонстрирует необходимость осознания человечеством Земли этой важной роли. Причем,

осознания именно сегодня – для скорейшей разработки стратегии своего дальнейшего развития! Получение подобного результата теории, по мнению самого автора, дает ответ на извечные вопросы естествознания. Он демонстрирует, каким образом полезная, лучистая энергия Вселенной, постепенно по ходу ее эволюции превращающаяся в тепловую (бесполезно рассеивающуюся) и только благодаря работе биологических микромашин-белков снова преобразуется в энергию свободную, полезную. В результате чего хаос – возрастание энтропии Вселенной, – порождаемый эволюцией неживой материи, благодаря рожденной из нее живой материи снова возвращается к порядку. И образует таким образом вечно динамичную упорядоченную Вселенную.

А теперь – самое интересное и важное: о месте в этом процессе человека Разумного. То есть, в какой-то мере, и нас с вами. Анализ прошлого, настоящего и будущего всей Вселенной вообще и планеты Земля в частности с позиций созданной Меклером теории привел автора к следующим принципиально важным выводам.

1. Возникновение и развитие жизни на соответствующих планетах – это процесс, детерминированный всем развитием Вселенной. И протекает он по одним и тем же законам во всех уголках большой Вселенной точно так же, как и во всех ее уголках образуются те и только те химические элементы, которые содержатся в Периодической системе химических элементов Д. И. Менделеева.

2. Живые организмы всегда так преобразуют химический состав коры и верхней мантии своей планеты, что эта планета становится небесным телом, всегда содержащим в своей нижней и средней мантии сорбированные еще во время ее возникновения водород и гелий, а также их соответствующие изотопы. И, более того, в дальнейшем эта планета продолжает генерировать гелий и, в конце концов, преобразуется в небесное тело, содержащее в любой своей точке уже названные и иные химические элементы, необходимые и достаточные для инициации в ней водородно-гелиевой реакции термоядерного синтеза.

3. Тем самым, любая планета, на которой возникла и эволюционирует жизнь, в конечном счете, превращается в мощнейший водородно-гелиевый заряд. В супербомбу колоссальной мощности, готовую к использованию. Она способна взорваться в случае, когда разумные существа этой планеты, овладев ядерной энергией, не зная еще закономерностей развития Вселенной в целом (а также своей собственной планеты и взаимосвязи живой и неживой природы Вселенной) и действуя по исторически сложившемуся на планете стереотипу, затеют очередную, теперь уже всеобщую ядерную войну. В одно мгновение планета наша превратится в сверхновую звезду. С точки зрения землян это будет последняя война в их истории, а также – конец цивилизации и конец вообще планеты Земля. Но с точки зрения Вселенной это будет хоть и точечное, но противодействие разрушительному для нее процессу энтропии – рассеиванию энергии. Таким образом, жизнь, достигшая на нашей планете разумной и технически развитой стадии, трагическим для себя образом выполнит свое вселенское предназначение – внесет свой вклад в противодействие процессу рассеивания энергии, тепловой смерти Вселенной.

4. Жизнь может достаточно эффективно выполнять эту свою эволюционную миссию только со стадии развития человечества, на которой оно овладевает ядерной энергией. Причем, сделать оно это может двумя путями: бессознательно и осознанно. Первое – описано выше. А вот сознательное выполнение своей вселенской миссии возможно и без уничтожения земной цивилизации. В том случае, если человечество детально разработает данную теорию, полностью овладеет ею и, следовательно, осознает свое эволюционное предназначение. В таком случае у человечества возникает единая цель – единственное, что, судя по всей истории человечества, может его объединить и, действительно, объединяет изначально биологически разобщенное общество разумных существ. Цель – выполнить свое природное предназначение и повлиять на энтропию Вселенной тем же самым образом, но не ценой уничтожения себя и своей планеты, а влияя на энтропию Вселенной подобным образом, но в иных, пока не обитаемых ее областях.

5. С точки зрения общего стереохимического генетического кода данный процесс – проявление Ламарковско-Дарвиновской биологической эволюции на уровне всей Вселенной в целом. А еще – реализация основного закона природы, принципа Ле Шателье: принципа обратных связей на биологически-социальном уровне. Осознание этого закона природы человеческим обществом любой планеты – руководство к действию, открывающее ему путь в семью человечества Вселенной, к переходу от человека Разумного к человеку Творцу. К обществу, в котором будет реализован максимальный

коэффициент полезного действия человечества и которое является неременным условием познания законов Вселенной. Только в этом случае возможно сознательное участие в ее эволюции, приводящее к вечности живого и неживого ее компонентов.

Возможно, столь смелые, а в некоторых положениях и вовсе кажущиеся фантастическими положения этой части теории Лазаря Меклера кому-то покажутся полностью бредовыми и не заслуживающими никакого внимания. Не стоит спешить со скоропалительными выводами.

Во-первых, любой человек, тем более ученый-биолог, занимающийся столь серьезными проблемами науки о жизни (так и хочется добавить «...и смерти»), имеет право на собственное видение мироздания. Так, нобелевский лауреат Ф. Крик (соавтор открытия двойной спирали ДНК) утверждает, что жизнь на Землю была занесена из глубин Вселенной, однако никто из коллег не считает это сумасшествием, а самого автора гипотезы – психически больным. Вот уже долгие годы идет нормальный процесс рассмотрения фактов, могущих подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Во-вторых, Меклер в ходе своих научных изысканиях не раз уже высказывал довольно оригинальные глобальные идеи, которые не только не осмеивались, но очень даже серьезно принимались ученым сообществом. Так, в свое время он выдвинул совершенно оригинальную гипотезу происхождения жизни на Земле, из которой следовало, что она зародилась вовсе не в воде, а, наоборот, вся вода на планете возникла благодаря появлению жизни. И академик Опарин – автор той самой теории возникновения жизни, которую опровергал Меклер, – дал собственноручную рекомендацию на опубликование гипотезы Меклера в Докладах академии наук СССР, что и было сделано. Кстати, она не опровергнута и по сей день.

В-третьих, появляется все больше и больше фактов, свидетельствующих в пользу такого взгляда на строение нашей планеты. Практических и теоретических. Так, совсем недавно в Канаде вышла книга российского ученого-геофизика Владимира Ларина «Гидридная Земля», в которой говорится об ином ее строении, нежели предполагали до сих пор, и лишний раз подтверждается предельное насыщение тела нашей планеты водородом. Я встретился с ним и, прежде всего, задал главный волнующий меня вопрос – о возможном уничтожении нами планеты. Ученый считает, что устроить ядерный Апокалипсис, о котором предупреждает человечество Меклер, возможно, даже проще, чем говорит последний.

И еще. Когда в середине прошлого столетия ученые обсуждали выдвинутую немецким физиком Гейзенбергом совершенно фантастическую в то время единую теорию элементарных частиц, знаменитый Нильс Бор заявил: «Нет никакого сомнения, что перед нами безумная теория. Вопрос состоит в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной...». Новое всегда начинается с парадоксов и массового непонимания, неприятия.

Так что к космологической теории Лазаря Борисовича Меклера, которая на первый взгляд кажется абсолютно безумной, следует, по меньшей мере, внимательно и серьезно присмотреться. А, учитывая значение затрагиваемых в ней вопросов для существования человечества, попытаться проверить проверяемые ее положения. Пока же остановимся лишь на некоторых разъяснениях наиболее непонятных с первого прочтения выводов. Если принять очень сильное допущение Меклера о том, что Земля насыщена водородом и гелием, а значит, потенциально является огромной термоядерной бомбой, то возникает вполне естественный вопрос: «Почему же до сих пор не произошло той самой страшной для планеты катастрофы, о которой предупреждает ученый, – ведь столько раз уже взрывались в атмосфере, на земле и под землей

ядерные и термоядерные устройства самых разных мощностей?»

– Для инициирования подобной реакции, – отвечает сам Меклер, – необходимы не только водород, дейтерий, гелий и катализаторы термоядерного синтеза (например, литий), которые есть чуть ли не в любой точке планеты. Нужно еще и создание определенных физических условий – чрезвычайно высоких температуры и давления в какой-либо из этих точек коры, средней или нижней мантии Земли. Это может случиться, если на двух противоположных сторонах планеты произойдут массовые ядерные или термоядерные взрывы и по телу планеты пойдут навстречу друг другу, встретятся в определенной точке и проинтерферируют два мощных фронта ударных волн чудовищной силы. Именно это и может произойти в случае развязывания на планете ядерной войны, ибо по понятным условиям именно на двух противоположных континентах произойдут практически одновременные (в пределах 5-10 минут) взрывы огромного количества ядерных боеголовок.

Сам Меклер считает этот раздел своей теории пока наиболее гипотетическим. В том смысле, что для оценки вероятности процессов, приведенных пока лишь как логическое следствие из всей его теории, требуется серьезный анализ накопленного в этом направлении фактического материала геохимической и геофизической его части.

Верно, гипотеза эта порождает гораздо больше вопросов, чем дает ответов. Проверить и промоделировать это предполагаемое событие чрезвычайно трудно, если не сказать больше. Полная проверка, так называемый «контрольный эксперимент», видимо, возможен лишь в один страшный для Земли час. И дай Бог, чтобы он никогда не наступил! Но даже непроверяемая, она служит лишним напоминанием, предупреждением человечеству, накопившему неисчислимый ядерный арсенал вокруг и агрессию внутри себя. Еще раз заставляет очень серьезно задуматься: что нас ждет и как нам действовать? Извечный русский вопрос «Кто виноват?», понятно, в этой ситуации абсолютно теряет свою актуальность.

А ждет нас, согласно этой теории, одно из двух. Либо мы уничтожим родную планету и прекратим существование земной человеческой цивилизации, либо ступим на принципиально новый, космический путь своего развития. Путь, на котором нас ожидает не только спасение и истинное объединение, но и превращение из человека Разумного в человека Творца. В каком-то смысле мы на этот путь уже ступили. С первыми полетами от родной планеты открыли космическую эру своего существования и одновременно начали осмысливать свое будущее через соответствующие научные гипотезы.

Поразительно, что овладение человечеством ядерной энергией, на чем Меклер основывает свою необычную космологическую гипотезу, и выход человечества в космос практически совпали по времени. Первые взрывы ядерных бомб на нашей планете приходятся на середину 40-х годов. Они произошли всего за полтора десятка лет до первого космического полета человека. В масштабах существования биологической жизни или даже человеческой цивилизации на нашей планете – это практически одновременные события. Такое совпадение по времени важнейших вех развития человечества, видимо, не случайно. Оно лишний раз заставляет нас как можно более серьезно отнестись к происходящему на наших глазах повороту в истории земной цивилизации, который открывает человечеству завораживающие горизонты.

Не здесь ли запрятан ответ на поставленный в самом начале этой части книги вопрос – о цели нашего неудержимого стремления в космос, все дальше и дальше от Земли? Не есть ли в этом могучем стремлении

неосознанное пока желание человечества реализовать свое вселенское предназначение, но без уничтожения собственной цивилизации и планеты, – поиск пути исполнения высокой миссии разумной жизни, но вдали от своей планеты? Не есть ли это первый шаг на том самом пути к сознательному выполнению человечеством своей вселенской миссии?

На этом пути нам явно станет тесно на родной планете, и взгляды наши естественным образом устремятся вовне, где нас ждет и загадочный пока контакт с такими же, как мы, творцами. Которых во Вселенной более, чем достаточно, но пока мы еще не доказали, не показали им своим развитием, поступками, что готовы к такому контакту. Потому он и не случился до сих пор. Да, они незримо для нас присутствуют рядом – отдельных, случайных доказательств этому не счесть! – видимо, изучают земную цивилизацию, наблюдают за тем, на какой путь мы ступим. Если мы пойдем не той дорогой, то никто нас не остановит, потому что этот определяющий суровый и страшный выбор каждый во Вселенной должен делать сам. Быть может, только найдут способ ненавязчиво предупредить, как, не исключено, и произошло это в случае с гибелью американского шаттла «Колумбия»...

Если же мы выберем путь прогресса, добра и объединения, то нас логично примут в семью творцов Вселенной. И тогда нам станут доступны такие просторы и знания, о которых сейчас не могут мечтать даже самые смелые фантасты. Момент этот, если еще и не настал, то уже очень близок, и мы сделали в этом направлении самые первые, физические шаги. Но все мы приглашены на этот путь – космический путь своего существования, однако извне никто и никогда нам об этом не скажет. Мы должны сами это понять и еще очень многое сделать для правильного выбора.

Осмысление нового состояния человеческой цивилизации уже началось не только в научном и практическом измерениях. Не осталась в стороне от переломного момента нашего существования и такая далекая на первый взгляд от вселенских законов сфера человеческой деятельности, как искусство.

Этой волнующей и загадочной теме – космическому существованию человечества, долгожданному контакту с собратьями по разуму во Вселенной – посвятили свои произведения тысячи писателей-фантастов. Десятки кинорежиссеров сняли об этом фильмы – красочные, с множеством видеоэффектов, леденящие душу и будоражающие сознание. В них перед глазами зрителей мелькают таинственные планеты, разнообразные разумные и не очень разумные существа плетут коварные интриги друг против друга, против других существ, в том числе и человека, захватываются планеты и целые галактики. В общем, как мы и привыкли, добро борется со злом и чаще всего побеждает. От подавляющего большинства таких фильмов, несмотря на затраченные на их производство баснословные деньги, так и веет фантастикой – полной нереальностью, наивностью и даже совершеннейшей чушью. Впрочем, вложенные средства, громкие имена снявших их кинорежиссеров и задействованных кинозвезд совсем не обязательно должны служить гарантией преподнесения зрителям чего-то необычайно умного, заставляющего всерьез думать. Скорее, наоборот, главная цель подобных лент – оглушить, поразить человека, заставить его неотрывно смотреть ленту, замирая от страха, ужаса или восхищения.

Есть, однако, один фильм, где все обстоит совершенно иначе. Его сделали на очень скромные деньги, и никакие крутые компьютерные эффекты там не использованы – когда он снимался, этой техники практически еще не было. И многое, с точки зрения соответствия космическим условиям, там вообще натянуто. Но я не видел еще ни одного подобного фильма, где так точно была бы передана проблема выхода человека за пределы Земли и контакта с чужой цивилизацией. Чтобы с такой щемящей остротой и точностью были поставлены и исследованы вопросы ответственности и морали, связанные с этим выходом. Потому что снявший эту картину режиссер – гений, опередивший свое время. А гениям свойственно проникать в самую суть вещей и явлений, происходящих с нами и вокруг нас. В том числе и тех, которые только грядут!

Имя ему Андрей Тарковский. А фильм называется «Солярис». И хотя снят он был по очень известному научно-фантастическому роману очень известного писателя Станислава Лема, Тарковский сделал из него нечто, сильно отличающееся от просто научно-фантастического произведения. Да и от романа Лема – тоже. Тем, кто не читал эту книгу, не смотрел этот фильм или смотрел не очень внимательно, напомню вкратце, о чем идет речь.

Проникая во все более и более далекие уголки галактики и открывая все новые и новые планеты в поисках контакта с чужими цивилизациями, человечество попадает на странную планету Солярис. Ее

поверхность – так называемый «океан» – похоже, представляет собой некую гигантскую мыслящую субстанцию. Однако, первые попытки установления контакта неудачны, и на орбите Соляриса организуется долговременная обитаемая станция, немногочисленные сменяемые обитатели которой продолжают эти усилия. Океан Соляриса обладает уникальной способностью материализовать в пределах своего силового поля любые объекты, оставшиеся в глубинах человеческой памяти, сознания, и в какой-то момент он начинает являть землянам на станции нечто такое, что не все выдерживают. Один из участников экспедиции, ее руководитель Гибарян, кончает жизнь самоубийством. На Земле получают со станции странную, непонятную информацию, и на Солярис направляется психолог Крис Кельвин, чтобы разобраться в происходящем и решить вопрос о возможном прекращении исследований далекой загадочной планеты. Прилетев на станцию, он поначалу ничего не может разуть. Затем принимает свою порцию фантомов (большой частью в виде давно умершей жены, которая задолго до этого покончила жизнь самоубийством по его вине), проходит через всевозможные физические и нравственные страдания и постепенно начинает понимать, в чем тут дело. На станции принимают решение попробовать передать океану информацию – электроэнцефалограмму, снятую с головного мозга Криса. После чего океан перестает мучить людей, будто бы понимает их. Похоже, состоялся долгожданный контакт.

Очень хорошо помню то странное впечатление, которое произвел на меня первый просмотр этого фильма в середине 70-х годов. С одной стороны, я понимал, что это научно-фантастическое произведение. С другой, увиденное и услышанное в фильме включало в моем сознании какие-то совершенно не фантастические, иные ассоциации, которые я тогда не мог точно определить. Это случилось много позже, уже после моей собственной космической одиссеи, когда я начал всерьез задумываться обо всем том, о чем написал в этой книге. В очередной раз просматривая фильм Тарковского, я вдруг понял, что меня поразило в нем сильнее всего. В момент наиболее острой фазы всех передраг и переживаний на далекой от Земли космической станции главный герой Крис Кельвин начинает осмысливать происходящее вокруг и, как бы разговаривая сам собой, обращается к кибернетику Снауту со следующими словами:

«Ты помнишь Толстого – его мучения по поводу невозможности любить человечество вообще?.. Сколько времени прошло с тех пор?.. Любишь то, что можно потерять: себя, женщину, родину...»

До сегодняшнего дня человечество, Земля были попросту недоступны для любви... Нас ведь так мало: всего несколько миллиардов, горстка!..

А может быть, мы вообще здесь только для того, чтобы впервые ощутить людей как повод для любви?!

Нет, Гибарян умер не от страха. Он умер от стыда!.. Стыд – вот то чувство, которое спасет человечество...».

Я был сильно поражен этими сугубо нравственными и человеческими, необычными для научно-фантастического произведения мыслями. А затем, решив использовать некоторые из них в качестве эпиграфа для одной из журналистских статей о космосе, полез в первоисточник. Открыл книгу Лема – ведь по его произведению снимал Тарковский свой фильм, – чтобы точно воспроизвести цитату. Каково же было мое удивление, когда я не нашел у польского фантаста ни одного из этих слов. Я просто обомлел. Ни этих слов, ни этих мыслей вообще не оказалось в романе Станислава Лема «Солярис»!

И тому существует вполне конкретное объяснение. Посмотрите, когда писалась книга – ее окончание датируется июнем 1960 года! В космосе к этому времени побывал только бездушный металлический спутник да несколько собак. Полет туда человека если уже и назрел, то о нем пока не шло и речи. До старта Гагарина остается десять месяцев, но событие это держится в строжайшем секрете. Еще не наступила реальная космическая эра существования человечества! И Лем просто не задумывался над теми вопросами, которые могут встать перед людьми в эту эпоху, он писал о вещах сугубо научных или фантастических. Ну, в крайнем случае, – в силу своего интеллектуального уровня – философских.

Иное дело Тарковский. Он снимал свой фильм «Солярис» в 1972 году: всего-то через десять с небольшим лет после написания романа Лемом, но то была уже совершенна иная эпоха! Человек к этому времени уже вышел в космос – и не только за пределы земли, но и в открытое космическое пространство и даже побывал на Луне. Люди не в фантастическом произведении, а наяву взглянули на родную планету со стороны! Как будто само время подтолкнуло великого Андрея Тарковского обратиться к этой теме, да еще с помощью экранизации одного из самых необычных фантастических романов, который и поныне остается вершиной литературного творчества Лема. Сам автор как-то признался: «Мне хотелось бы написать

что-нибудь вроде „Солярис“, но такая удача бывает только раз».

И вот, взяв за основу великолепное, лучшее научно-фантастическое произведение польского писателя, лучший русский кинорежиссер то ли сознательно, то ли еще неосознанно (увы, его нет уже в живых и невозможно узнать об этом от него самого) попытался передать в своем фильме наиболее важные проблемы, которые, на его взгляд, ставит перед человеческим обществом новая, космическая эпоха. И предстал перед нами в роли гениального мыслителя, драматурга, наделив своих героев принципиально новыми мыслями, монологами, которых не было – просто не могло еще быть! – в романе «Солярис» у выдающегося писателя-фантаста Станислава Лема. Надо признать, Андрей Тарковский, уже создавший до этого самые, на мой взгляд, человечные и глубокие фильмы о войне («Иваново детство») и древней Руси («Андрей Рублев»), блестяще справился и с этой задачей! На то он и гений, чтобы глядеть в самую суть и далеко вперед.

А ведь действительно, только взгляд со стороны, из далекого космоса на нашу замечательную планету – наш общий космический дом – и сможет заставить людей воспринять все человечество с безоговорочной любовью. Как особо остро начинаем мы любить, уезжая-улетая на какое-то время, оставленных жену, детей, свой дом, свою страну. То же самое относится и ко всей планете в целом, и ко всем ее обитателям. Только оказавшись от них далеко-далеко, взглянув со стороны, мы в состоянии по-настоящему ощутить возможность потери этого бесценного дара, а значит, и полюбить. То есть испытать самое великое чувство, которое дано живому существу! И только стыд перед самими собой – стыд за бездарные войны и глупое уничтожение себе подобных, за низменные проявления человеческой сути, за безобразное отношение к природе, своей родной планете – может спасти каждого в отдельности и всех нас вместе.

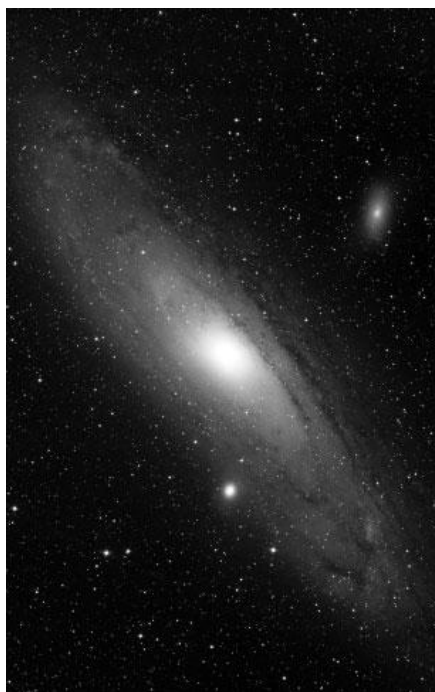
Видимо, только тогда, когда подобные чувства станут массовыми, и станет возможным настоящее единство человечества – рождение нового типа человека. Единение, при котором будут, наконец, преодолены раздирающие нашу цивилизацию национальные, религиозные, социально-экономические и политические противоречия. Такое возможно только в ситуации обретения всеми нами нового, космического мышления, в направлении которого человечество начало двигаться со второй половины 20 века.

А думать о нем – еще раньше. Гениальный инженер и философ Константин Циолковский вплотную подошел к разгадке самой сокровенной тайны человеческого бытия уже во второй половине 20-х годов 20 века. В своей работе «Воля вселенной», увидевшей свет в 1928 году он писал совершенно поразительное для того времени.

«Ясно, что жизнь, разум и волю породила постепенно природа. Человек рожден Землей, Земля – Солнцем, Солнце произошло от сгущения разреженной газообразной массы... Итак, все порождено вселенной. Она – начало всех вещей, от нее все и зависит. Человек или другое высшее существо и его воля есть только проявление воли вселенной... Есть полное вероятие в том, что воля космоса и на Земле проявится во всем блеске высочайшего разума. Совершенное состояние Земли продолжится очень долго, в сравнении с горестным ее положением, каково настоящее...

Планеты и солнца взрываются подобно бомбам... Мы о разуме высших существ имеем очень неверное понятие. Если люди уже теперь предвидят некоторые бедствия и принимают против них меры и иногда успешно борются с ними, то какую же силу сопротивления могут выказать высшие существа вселенной. Они предвидят взрывы планет за много сотен лет до этого явления и удаляются с них в безопасные места

космоса. Они предвидят и взрывы солнц, также и их погасание – и уходят своевременно от ослабевших...

Если космос имеет причину, то и причине этой мы должны приписать такие же свойства – всеобщей любви... Мы уверены, что зрелые существа вселенной имеют средства переноситься с планеты на планету, вмешиваться в жизнь отставших планет и сноситься с такими же зрелыми, как они. Люди Земли когда-нибудь объединятся...

Это случится, сравнительно скоро. Через более значительный промежуток времени заселится обильно и вся наша солнечная система... Иначе быть не может, так этого требует разум. Так же объединятся и все другие планеты и солнечные системы... Объединение должно быть, ибо этого требуют выгоды существ. Если они зрелы, то разумны, а если разумны, то не станут сами себе делать зла...»

В те далекие времена инженерные и особенно подобные философские мысли Циолковского воспринимались, конечно же, как буйная (а, возможно, и большая) фантазия. Однако многие из его технических предположений и разработок уже воплотились в реальных космических полетах. А теперь, с вступлением человечества в космическую эпоху своего существования, похоже, пришла пора и обретения нами соответствующего мышления.

Дорога сия долгая и трудная. Но мы уже ступили на этот великий путь, о котором нам лишний раз, каждый по-своему, напомнили заглянувшие в далекое будущее выдающиеся наши современники: ученый Меклер и кинорежиссер Тарковский. И дороги назад нет. Если, конечно, мы хотим продолжить свое существование, а не закончить бесславно историю земной цивилизации, расписавшись в собственном слабумии и нежелании понимать очевидное.

Заключение

Вполне возможно, что у наших далеких потомков, которые и впрямь обживут космос, как свой новый дом, в памяти о его освоении останется совсем не много имен и событий. Конечно же, Юрий Гагарин – первый человек Земли, вырвавшийся за ее пределы. Очевидно, выход Алексея Леонова в открытый космос и шаги Нейла Армстронга по поверхности Луны. Возможно, еще и первая высадка человека на другую планету, которая только грядет, – скорее всего, это будет Марс. Вот, пожалуй, и все.

Но надо всегда помнить и нам, и нашим потомкам, что всех этих потрясающих успехов человечества не было бы, если бы на алтарь освоения космоса не положили свои силы, время, здоровье, а иногда жизни очень и очень многие люди. Особенно в первые десятилетия космической эры человечества, когда путь этот был совершенно не изведен и очень опасен. Мыслители, конструкторы, врачи, исследователи,

испытатели, космонавты. Не только хорошо известные чуть ли не всей планете, но мало известные или вовсе безызвестные. Некоторые из них шли на это, не имея даже призрачных шансов полететь туда и получая за свой тяжелейший и опасный труд порой только моральное удовлетворение от приобщения к великому делу человечества – освоению космоса. Иные готовы были лететь и были прекрасно подготовлены к полету, к любой работе вдали от Земли, но их миссия не осуществилась в силу разных причин. Другие уже в космосе выполнили все возложенные на них обязанности, жертвуя ради этого своим здоровьем, жизнями, а иногда и отдавая их.

Все они сделали свое дело. И сделали его отлично. А значит, сделали возможными наши первые шаги, все грядущие полеты и победы человечества в космосе. За все это – низкий им поклон и признательность...

Человечество обречено на выход в космос. Новое космическое мышление обитателей Голубой планеты, новые потрясающие открытия и, наверняка, – комфортное ощущение себя вдали от Земли, как дома. Другие планеты, звезды и галактики. Долгожданный контакт с братьями по разуму. Пусть не очень скоро, но это обязательно будет. Я верю. Потому что все мы, люди, приглашены туда жесткой логикой развития живой материи во Вселенной, неумолимыми законами эволюции разумного человека.

Приглашены так, как только-только научившегося ходить ребенка приглашают оторваться, наконец, от поручней манежа, в котором он научился стоять на ногах, сделал первые шаги и из которого уже явно вырос, и выйти в новый для него мир. Незнакомый, непонятный еще, иногда даже страшный, но в то же время и манящий, желанный неведомый мир. Приглашают не только явившие его на свет и постоянно опекающие родители – зовет туда какая-то неосознанная им, но великая сила, противиться которой он не в состоянии. Да этого и не нужно. Потому что мир этот, в котором ему предстоит дальше развиваться и жить, поистине прекрасен и удивителен. Именно в нем малыш, набив себе немало шишек и ссадин, научится сначала по-настоящему ходить, потом многое увидит и поймет, станет взрослым и, возможно, реализует то, что заложено в нем этой непонятной ему пока силой. А значит, обретет счастье.

Точно так же и все мы, люди, приглашены в неведомый нам пока еще, но прекрасный мир. Приглашены, чтобы стать счастливыми.

Добро пожаловать!

Москва.

Октябрь 1999 – февраль 2003

